

СОВЕТСКОЙ
АРМИИ
СЛАВА!

КОСТЁР

2 ФЕВРАЛЬ 1975

КОСТЁР

**2
ФЕВРАЛЬ
1975**

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союз писателей СССР
Издаётся с 1936 года

© „Костёр“, 1975 г.

КРАСНЫЙ

В те дни, когда еще только совершалась наша революция, не было в Советской стране особых наград для ее бойцов.

...В наградных списках ВЦИК и Верховного Совета СССР шесть раз упоминается имя юного красноармейца Миши Шемякина, имя командира эскадрона Михаила Шемякина, имя командира мото-механизированной бригады полковника Михаила Петровича Шемякина.

Может быть, поэтому, когда учрежден был первый орден молодой Республики, назвали

эту награду орденом Красного Знамени...

В наградных списках ВЦИК и Верховного Совета СССР шесть раз упоминается имя юного красноармейца Миши Шемякина, имя командира эскадрона Михаила Шемякина, имя командира мото-механизированной бригады полковника Михаила Петровича Шемякина.

ВСАДНИК

О кавалере шести орденов Красного Знамени Михаиле Петровиче Шемякине этот рассказ.

...Эшелон шел через всю Россию. Состав то дергался на стрелках больших железнодорожных станций, то часами томился на полустанках.

Иногда из перелесков били пулеметы. Чем ближе к югу,

тем громче перекатывалась канонада. Чья она здесь, Россия — белая, зеленая?

Восьмилетний Миша был красным. Красная шелковая лента пересекала его папаху. Эту ленту где-то достал бородач Пилипенко. Тот самый Пилипенко, который встретил безпризорника Мишу Шемякина в Москве на Хитровом рынке и привел в полк.

Справили красные кавалеристы мальнику казачью форму. Клинок подобрал по росту. Выдали карабин — настоящий, с патронами. А Пилипенко надел папаху на остриженную голову, нагнувшись на торчащие уши:

— Носи, красный казак, на здоровье!

...Полк ехал на юг воевать с белыми.

Лев Филимонов

Рисунки Ю. Клыкова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПЕЧАТНИЦА
МОСКОВСКОГО РАЙОНА

Наконец прибыли... И началась бесконечная кочевая жизнь. Жизнь боевая, опасная!

...Уже несколько дней бригада преследовала бегущих врагов-гелеевцев. Валились от усталости кони. К морю, в дикие плавни уходила пехота. Рассчитали белые верно — по топям, по камышовым зарослям коннице не пройти.

И вдруг — тяжелый солдатский шаг. Пилипенко толкнул Мишу в плечо:

За поворотом плотной колонной шли солдаты. Пыльные, заросшие, но добротнo одетые, сытые.

— По ко-оням!

Она вошла в историю гражданской войны — эта одна из первых атак в жизни Миши Шемякина...

щине, поднял кулацкий мятеж
Антонов.

И четырнадцатая отдельная кавбригада получила приказ:

— На Антонова!
Тамбовщина...

Засели кулацкие банды в лесных селах. Разгоняли Советы, вешали коммунистов, расстреливали комбедовцев. Каждое такое село — грозная крепость. Из любой избы жди выстрела. Одна из банд стала на отдых в селе Русаново.

В штабе четырнадцатой совещались долго. Наконец командиры сошлись на одном: на-

После окончания гражданской войны стал Михаил Шемякин командиром-кавалеристом

скоком Русаново не взять.
Нужна разведка.

— Пошлите меня! — не выдержал Миша. — Я возчиком поеду... Никто не догадается...

— А если поймают?

— Не поймают. Я хитрый!

...Медленно ползли сани по скрипучему снегу. Вот уже до ближайшей риги — рукой подать. Молчит село. Даже собаки притаились. Или поубивали их.

И вдруг окрик:

— Стой!

— Дяденька, — захныкал Миша, — домой пробираюсь. В Ивановку. Возчиком был у ваших. Дяденька...

— Не трогай его, Микула!—
угрюмо пробасил часовой по-
старше. — Вишь, замерз сов-
сем...

Миша поехал дальше. А сам все замечает: вот там у избы-пятистенки конюязь и люди толятся — штаб, наверное... По левому порядку бандиты постоем стоят — конями весь снег потоптан... Пулемет на колокольне...

Так проехал до конца села. И уже выехал, было, за околицу, как снова окрик:

— Ты куда, малец?

— В Ивановку я, — начал Миша, — возчиком у ваших был.

— В Ивановку? — подозрительно прищурился дозорный, — что-то ты путаешь, парень! В Ивановку надо в обратную сторону...

— Заснул я, видно, дяденька, — схитрил Миша, разворачивая лошадь.

— То-то, заснул, — зевнул бандит. — Носит по ночам всяких!

Когда бандит скрылся за поворотом, Миша свернул в проезд между избами. Небольшой овражек, расширяясь, вывел его огородами в чистое поле. И Миша облегченно вздохнул: здесь заставы не было.

По этому овражку и привел Миша конников прямо к бан- дитскому штабу.

...Свистели шашки, падали бандиты под копыта разъяренных коней. Клубился, пенился белый снег и чернел от горячей крови. За повешенных сельков! За расстрелянных комбедовцев! За растерзанных коммунистов! Много бандитов уничтожили тогда красные.

...И не увидел Миша, в какой из этих схваток упал с седла порубанный кулацкой саблей бородач Пилипенко. Его нашли после боя лежащим на снегу.

И только конь ходил возле и трогал замшелыми губами похолодевший лоб казака...

За эту разведку и за бои пол-
Русановым был представлен
юный красноармеец Миша Ше-
мякин к ордену Красного Зна-
мени.

Закончилась гражданская война. Послали Михаила Ше-

мякина учиться на командира. А потом стал он командовать особым отрядом по борьбе с бандитизмом.

От тех лет осталась у него дорогая реликвия — кавказский наборный пояс с серебряной чеканкой.

Принадлежал этот пояс раньше матерому бандиту Истамулову, встреча с которым чуть не стоила Шемякину жизни...

...Хорошо купать коней в летний день. Но бандиты где-то близко. И приказал командир Михаил Шемякин: во время купания бойцам карабины и шапки надеть прямо на голое тело.

...Звонко плещется вода в озере. Пофыркивают кони. Михаил зажмурился от удовольствия.

И вдруг пыльное облачко над дорогой. Подлетел вестовой и почти упал с седла:

— Истамулов в ауле Шали свадьбу справляет!

Как быть? Вернуться в казармы — взять пулеметы — донесут атаману о приближении отряда. Нет, надо как есть, не одеваясь, вести эскадрон обходным путем, застать врага врасплох.

— А ты, друг, скачи к нашим, — шепнул Михаил связному. — Скажешь пулеметчикам: пусть идут на Шали наметом.

...И грянул в ауле бой. Засели бандиты в саклях. Стреляют из окон.

Вот и пулеметчики подошли.

Надпись на фотографии четырежды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова:

*Михаилу Курдюкову Шемякину
на память о совместной борьбе
с бандитами Родины в годы гражданской и
Отечественной войн.*

Г. Жуков

Написан 1961

Уже начали сдаваться бандиты. Только из сакли Истамулова бьет пулемет. Связал Михаил четыре гранаты и пополз. И когда меняли бандиты пулеметную ленту, метнул связку в окно.

Грохнул взрыв. Прыгнул Шемякин в пороховой дым. Шашка в правой руке, маузер в левой! Видит, лежат у пулемета убитые бандиты. Только нет среди них Истамулова.

Отдернул Михаил занавеску на женскую половину сакли — торчат из под ковра ноги в чичгах. Мужские ноги!

— Выходи, Истамулов! — крикнул Шемякин по-русски.

Дико вскрикнул атаман. Вскочил на ноги, занес над Шемякиным длинный кинжал.

Скользнул кинжал по шашке. Крепка была рука у бандита. Уже теряя сознание, разрядил в него Михаил свой маузер.

В 1934 году, давая характеристику на М. П. Шемякина, командир — комиссар 4-й Краснознаменной им. т. Ворошилова кавалерийской дивизии Г. Жуков писал:

«Тов. Шемякина Михаила я знаю с 1920 года. Тов. Шемякин в 1920 году был добровольцем — рядовым красноармейцем 2-го эскадрона 1-го кавполка 14-й отдельной кавбригады (при дивизии им. Степина).

В 1920 году тов. Шемякин участвовал в боях с частями десанта Врангеля под станицами: Старожерлеевская, Новожерлеевская, ст. Степная и т. д. В том же году участвовал со мною на Кубани по ликвидации мелких банд, а в конце 1920 года под моим командованием был переброшен в Воронежскую губернию на ликвидацию колесниковщины, до конца 1921 года участвовал в ликвидации банды Зверева.

По окончании гражданской войны тов. Шемякин служил со мною в частях 7-й Самарской дивизии до отправления его в нормальную школу. Несмотря на свой детский возраст, тов. Шемякин обладал исключительной храбростью, способностью и выносливостью. Тов. Шемякин мною два раза представлялся к ордену Красного Знамени...

Первый раз в январе 1921 года за умелую и смелую разведку расположения противника. Тов. Шемякин проник через охранение противника под видом деревенского мальчика и доставил ценные сведения, на основании которых я лично с отрядом производил налет на село Русаново, где было уничтожено до 200 человек банды и захвачен штаб Пановского полка.

Второй раз тов. Шемякин представлялся за то, что в бою 6 марта 1921 года под селом Вязовая почта, прорвавшись через цепь противника, доставил командиру 14-й отдельной кавбригады донесение о нахождении в окружении отряда, которым я командовал в операциях против значительно сильнее противника. В результате своевременно доставленного донесения отряду была оказана своевременная помощь».

Недолго длились мирные дни. Немного покоились в ножнах шашки и хранились в чехлах боевые знамена.

Дымом пожарищ взметнулось над страной жаркое военное лето сорок первого года. А осеню фашисты с боями подошли к Москве.

Кавалерийский полк Шемякина квартировал под Москвой. Коней подобрали настоящих, кадровых.

А бойцы! Михаил Петрович с жалостью смотрел на вчерашних преподавателей вузов и студентов, не взятых медицинскими комиссиями в строй в первые дни войны, на обстоятельных дядек-рабочих, пришедших в казарму прямо от станков.

Настоящие кавалеристы. — он, да начальник штаба, да командиры эскадронов. Остальные видели коней в кино или на московских парадах.

Но была в этих людях одна общая черта, которая вызывала у Михаила Петровича одобрение: всеми силами стремились они на фронт, добросовестно учились военному делу...

С утра полк взбудоражен. Командир приказал быть при полном параде. Вечером весь

Полковник Шемякин и красные следопыты одной из школ города Краснодара

личный состав, кроме дневальных, отправляется в цирк.

В цирк? Значит, скоро на фронт. Таков уж был порядок в прифронтовой Москве. Только почему в цирк, гадали бывшие доценты и аспиранты. Уж лучше бы в консерваторию или, на худой конец, — в театр...

Но у командира полка на этот счет было свое мнение. Из директорской логики он равнодушно смотрел на смелые полеты воздушных гимнастов, головокружительные трюки эквилибристов, скупно улыбался остроумным шуткам клоунов. И только во втором отделении оживился, начал оглядывать цирк, стараясь встретиться взглядом с бойцами. Будто хотел сказать: «Вы посмотрите! Нет, вы только посмотрите, что сейчас будет...»

А на арене неслись в бешеном галопе кони. Ловкие, рослые джигиты то вскакивали на ходу в седло, то снова скатывались на арену, криком подбадривая своих скакунов. То, вдев ногу в стремя, снова падали с седла, едва не касаясь папахами золотистого песка под копытами лошадей...

«Эх, ко мне бы их в полк! — размечтался Михаил Петрович. — Такому звуду разведчиков любой кавалерийский полк позавидует. Да разве только полк? Дивизия!»

И не успел улечься золотой песок после выступления лихих

наездников, а уже встречал Михаил Петрович Шемякин конников в скаковой конюшне.

Недолго был разговор. Из цирка полк уходил в новом составе. На долгие годы войны перестал существовать в цирке конный аттракцион Михаила Туганова. Вместе с полком Шемякина уходил на фронт, прямо с арены Московского цирка, взвод конной разведки во главе с командиром звзда Тугановым.

Бои под Москвой...

...Полк получил приказ совершить ночной рейд по тылам фашистов. Шли вдоль шоссе, по лесным проселкам. В полночь к командиру подскочил дозорный:

— Впереди колонна противника. Автомашин, артиллерия, пехота.

Михаил Петрович собрал командиров эскадронов. Подсвечивая фонариком карту, посоветовались...

...Залегли вдоль шоссе спешившиеся пулеметчики. Когда подошла колонна, ударили пулеметы и три эскадрона врубилась в ряды фашистов.

В донесении об этом бое начальник штаба докладывал в корпус: захвачено 68 автомашин и 12 орудий, уничтожено пятьсот фашистов.

А через несколько дней на марше догнало Михаила Петровича радостное известие: за бои под Москвой он был на-

гражден четвертым орденом
Красного Знамени...

Не один десяток раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего Краснознаменная мотомеханизированная бригада, которой командовал полковник Михаил Петрович Шемякин.

Он закончил войну в Берлине. Уже были пройдены Бранденбургские ворота. Уже вдали, в дымном мареве, показался купол рейхстага. Но еще с боем приходилось брать каждый дом, превращенный в дот. То справа, то слева из-за развалин сверкали молнии фаустпатронов. И каждая потеря болю отдавалась в сердце.

Головной танк, в котором находился Михаил Петрович, вышел на площадь перед Имперской канцелярией и ударил по логову фашистов прямой наводкой.

...Теплая майская ночь опустилась над Берлином. Непривычная тишина накрыла город. Только кое-где постреливали еще фашисты, из оголтелых. Но выстрелы эти не могли нарушить крепкого сна победителей.

Резкий телефонный звонок поднял начальника штаба бригады.

— Передайте полковнику Шемякину, что он награжден орденом Красного Знамени. Спит? Нет, будить не надо...

...Красный всадник... Красное знамя над головой... Красная лента на папаше... и яростно вскинутая навстречу врагу свистящая сабля.

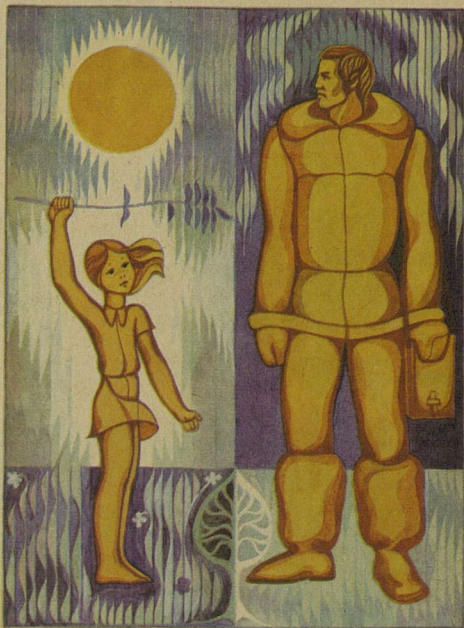
Ты можешь с ним встретиться. Есть такой фильм — «Кочубей». В его создании принимал участие и Михаил Петрович. Он был военным консультантом фильма и одновременно играл роль молодого, отчаянного кавалериста.

И когда наступит минута и, заполняя экран, пойдет в атаку лихая Кочубеева конница, сидя в кинозале, взгляды в лица бойцов. Один из них — Шемякин. Он скачет рядом с Кочубеем, скачет под Красным знаменем, одним из первых... Не заметить его просто нельзя.

НЕЖНАЯ ТУНДРА

Сергей Давыдов

Рисунки
Ю. Лохмачева

В этом году я познакомился с людьми, которые больше всего ценят не весну с первыми цветами, не лето с легкими грибными дождиками, а лютую зиму. Чтоб мороз за пятьдесят градусов, а лучше за шестьдесят.

Еще мне стало известно, что миллион для этих людей цифра небольшая, просто мелочь.

А еще я видел человека, который только в этом году впервые встретился с поездом и заплакал от страха. Это было на Севере.

В Тюмени.

Тюменская область громадна и красива.

Особенно красив Тобольск. Повезло ему, сразу две реки — Иртыш и Тобол — омывают его. Издалека виден на горе белый старинный кремль. За кремлем на кладбище — могила поэта-декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера, лицейского товарища Пушкина. Два года назад на главной улице Тобольска был уста-

новлен памятник П. Ершову, автору чудесного «Конька-Горбунка». Тобольск — родина сказочника.

В Тобольске ежегодно проходят Всесоюзные Дни поэзии. Литераторы всей страны прилетают сюда.

Ялutorовск совсем рядом с Тюменью.

В 1658 году Тюменский воевода доносил царю Алексею Михайловичу: «Ведомо мне, холопу твоему, где построить твою, великого государя, слободы и острог укрепить...»

С болью читаешь упоминание об остроге. Ведь потом сюда на поселение были сосланы декабристы Иван Дмитриевич Якушкин, Иван Иванович Пущин, Матвей Иванович Муравьев-Апостол...

Знаменитая Мангазея была бы теперь постарше Ялutorовска. Князь Мирон Шаховской основал Мангазею в 1600 году. Бывает, что и города умирают.

бы полметра не долетит, а уже жалит.

Почему бы не строить города только в теплых местах, у моря? Зачем жить в тундре?

Стремительный серебристый «ЯК-40» летит из Урая в Березово.

О чем говорят в самолете? — Березово то самое? Знаменитое?

— Конечно, знаменитое! — с жаром отвечает стюардесса пассажиру в первом ряду. — Все теперь туда летят.

— Значит, не забыли Александра Данилыча?

— Вы о ком?

— О Меншикове. Березово знаменито ведь тем, что сюда Меншиков был сослан. Верно? Картина еще есть: «Меншиков в Березове».

Стюардесса глядит на пассажира и качает головой.

— Березово прежде всего знаменито тем, что именно здесь на буровой впервые был

Газ — топливо нашего времени.

Представьте, что утром к вам во двор снова привезут дрова. И опять их придется пилить, колоть, носить вязанками на спине в квартиру. Ужас... А ведь давно ли в Москве и в Киеве воевую дымили над домами трубы!

Дрова и уголь надо было возить и носить.

А газ сам бежит по трубам. Надо только проложить трубопроводы. Напрямик по тундре, по болотам, по вечной мерзлоте, а она на Ямале достигает 500 метров в глубину. Представляете, каково буровикам? Чтобы добраться до газоносных пластов, сколько льда надо пробурить! Только в Ямало-Ненецком округе разведано 11,5 триллиона кубометров «огненного воздуха». В 1974 году добыто 25 миллиардов кубометров. Вот и выходит, что для жителя тюменского севера миллион — цифра маленькая!

Мангазеи теперь нет, но неподалеку появился поселок, который растет не по дням, а по часам и вскоре станет городом.

Почему нужно строить города среди болот, на вечной мерзлоте? Строить в краях, где ночь длится полгода, где металл лопается от мороза, где лето так коротко, а комары не дают проходу ни людям, ни животным. Как здесь говорят, духотворные. Северный комар, говорят, до те-

получен газ. И все узнали, что есть на тюменской земле газ и нефть. А Меншиков — это старая история, а мы — новая. Самая новая!

Такие разговоры ведутся в воздухе неподалеку от Ямала, на севере Тюменской области. Вот почему нужно строить города на Севере! Здешные земли несметно богаты газом и нефтью. На тюменский газ переведены теперь все заводы Урала. «Огненный воздух» Севера идет по газопроводам во многие наши города и в братские страны.

Когда мы приземлились в Светлом, к нам сразу же подбежали дети.

— Вы у нас стихи будете читать?

— Будем, будем. А вы любите стихи?

— Очень. А почему у вас вертолет голубой? Разве «Ми-8» теперь голубые? На выставке он был, что ли?

Вертолет у нас действительно красивый, новенький и голубой, но откуда эта шестилетняя таежница знает о последней выставке во Франции?

Девочка не сводит глаз с ма-

шины. Комары облепили ее с ног до головы, она отчаянно крутит над собой веткой и тоже похожа на вертолетик.

— Я на всех вертолетах летала. Можно мне в ваш залезть?

— С комарами-то? Брысь! — не разрешает механик.

— Я даже на «МИ-6» летала. Знаете — воздушный кран? А когда с папой в отпуск поехала, на «АНТ-2» долетели до большого аэродрома, а потом на «ЯКе» до Тобольска, а в Тобольске я поезд увидела и заплакала. Он как выскочил из-за леса, страшный и гудит...

Город Светлый — теперь уже настоящий город. Строили его веселые люди. Сохранилась первая улочка из вагончиков. На каждом вагончике смешная надпись.

«Без накомарника в эфир не выходить» — это на вагончике радиостанции.

«Сходи в баню, заодно и

ровая установка. Буровая — это настоящий завод. Ему нужны металлы, моторы, люди. Людям — дома, одежда, еда.

Тысячи тонн груза надо доставлять по Ямалу на берег моря.

Пятсот метров глубины вечный лед, а ездить по тундре надо осторожно. Тундра неженка. Капризница. Ни один след в тундре не пропадает, не зарастает ни одна колея. Летишь на вертолете и видишь — коричневые дороги. Спустишься — а это вовсе не дороги, а борозды, следы от колес. В них вода. В какой-то момент прогреет солнце поильней, и, глядишь, на месте колеи бежит ручей, потом уже и речка... Итакое бывало: пропустит неопытные геологи или строители поутру, а трактора, на котором ехали, нет. Утонул на ровном месте.

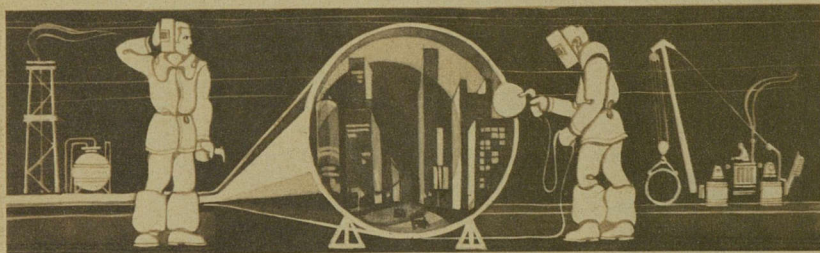
А грузы везти надо. Теперь ученые специально для Ямала разработали сухопутные корабли — платформы на воз-

можно вдыхать в себя шестидесятиградусный воздух-лед. В любую погоду работают сварщики. Трасса трубопровода идет вперед точно по плану. Ни одного зимнего часа здесь не теряют строители. Ни один человек здесь зимой и не просится в отпуск.

Очень трудно выступать перед такими мужественными людьми. Какие стихи им читать, о чем рассказывать?

Вокруг ровная, как стол, тундра с черными провалами болот. Ромашки и красноватая неспелая еще морощка. А у самой земли белые колонии ягеля — зимней травы, которую олени достают копытами из-под снега.

Несколько часов летели мы сюда и еще качаемся от вертолетной качки, стоит только закрыть глаза. Мы прилетели на строительство нового города. У него нет названия: имя еще придумывают.

помойся» — вагон-баня. Видно, плоховато было с водой в первое время.

«Люди гибнут за металл» — а эта надпись выведена на вагоне-кассе. Металл — это золото, деньги. Надпись предупреждает: не будь жадным!

Первое кафе в городе здесь назвали «Комарик»...

Но города строят и еще северней, на Ямале. И мы полетели на Ямал.

На мысе Харасавэй Карского моря день и ночь гудит бу-

душной подушке. Неплохо получилось. На них даже по болоту ездить можно! Но для настоящей езды по тундре все-таки надо ждать зимы.

Зима здесь — самое жаркое время. С декабря по май. Болота промерзают навсквозь, и лед выдерживает даже гигантские автопоезда — трубовозы. Сварщики сваривают трубы в километровые плети прямо на открытом воздухе. Под порывами черной метели, когда в разгаре полярная ночь и не-

— Что вам почитать? — спрашиваю я и робею.

Передо мной строители Севера. Шоферы, бурильщики, летчики, газовщики...

Накомарники у строителей густо залеплены мошкой. Все по глаза заросли бородами. Все в грубых робах, в тяжелых кирзовых сапогах.

— Что почитать? — пере-спрашиваю я.

— О Ленинграде.

— О Неве!

— О весне!

— О детях!

Нежная тундра!

РАССКАЗЫ О РЯДОВОМ БАШМАКОВЕ

Борис Никольский

Рисунки А. Слепкова

СОЛДАТСКАЯ ФЛЯЖКА

Как-то послали взвод, в котором служил Башмаков, тушить лесной пожар. Дело это очень нелегкое. Нужно копать траншеи, рубить кустарник, растаскивать бурелом. А ветер несет в лицо дым, пепел, дышит жаром.

До начала работы выдали всем солдатам лопаты, кирки, велели взять по фляге воды. А потом построил лейтенант Петухов солдат и говорит:

— Воду берегите. Поблизости воды нет, а работать сегодня долго. Вам ясно, Березкин?

А Березкин — это был солдат-новичок, он только недавно появился во взводе.

— Ясно, ясно, — говорит Березкин.
— И вашим товарищам ясно?
— Ясно, ясно! — отвечают другие солдаты-новички.

Им уже не терпится поскорее приняться за настоящее опасное дело. Доказать, что они ничем не хуже опытных солдат-десантников.

Вышел взвод к краю горящего леса, растянулся в цепь, взялись солдаты за лопаты. Огня вроде бы и не видеть, только дым по земле стелется, мох тлеет, а жара — не продохнуть! Едкий дым слезы из глаз выжимает.

Полчаса прошло, не больше, а гимнастерки уже почернели от пота. Видит Березкин — справа от него Башмаков работает, не разгибается. Стараются Березкин тоже не отстать.

Только с каждой минутой все тяжелее. Дышать нечем. Жажда мучит.

Взял Березкин свою фляжку, глотнул воды.

Да что там глоток! Только еще больше пить захотелось. Ну прямо рука сама собой тянется к фляжке.

«Ладно, — говорит себе Березкин, — еще разок глотну и больше — ни-ни».

Запрокинул голову, приложил фляжку ко рту. Ах как хорошо! Не оторваться!

Поработал еще немного Березкин и опять к фляжке. А там уже совсем на дне вода булькает.

«Эх, — думает Березкин, — такая капля все равно не спасет. Уж лучше сразу выпью».

И как только опустела фляжка — тут сразу настоящая жажда накинудась на Березкина. А работе еще и конца не видно. Ветер пепел несет, жаром дышит. Пот глаза заливает.

Работает Березкин, старается не отстать от Башмакова. Да где там! Никогда не думал Березкин, что человеку так может пить хотеться. Даже в глазах темнеет. И зачем он всю фляжку сразу выдул!

Наконец, не выдержал Березкин. Пошел к Башмакову.

— Дай, — говорит, — Башмаков, воды.

А сам думает:

«Разве даст? Самому, скажет, мало».

— На, — говорит Башмаков.

Глотнул Березкин из башмаковской фляжки — и сразу легче стало. Наверно, потому, что уже не надеялся, не рассчитывал он на этот глоток.

...После работы собрались солдаты-новички возле палатки, рассказывают, кто как работал, с кем что приключилось.

— Жарища, я думал, не выдержу, — говорит один. — И не заметил, как всю воду выпил. Хорошо, Башмаков дал глоток.

— И мне Башмаков дал глотнуть, — говорит другой.

— И мне, — говорит третий.

— И мне, — говорит Березкин.

И тут все посмотрели друг на друга, и всем даже стыдно стало: что же это выходит?

Выходит, они у Башмакова всю воду выпили? А как же он?

— У него, наверно, фляжка особая, — говорит первый солдат, — побольше наших.

— Точно, — говорит второй — Я сам видел.

А третий ничего не успел сказать, потому что к палатке подошел Башмаков. На поясе у него висела фляжка. Была она ничуть не больше, чем все остальные солдатские фляжки. Только сильно помята и поцарапана.

— А мы тут поспорили, — сказал Березкин, — особая у тебя, Башмаков, фляжка, что ли?

Башмаков засмеялся.

— Точно, — говорит. — Особая. Мне ее отец подарил. Она у него еще с фронта хранилась. И когда дал мне ее, сказал: «Запомни, в солдатской фляжке всегда один лишний глоток должен быть. Для товарища».

И все с уважением посмотрели на помятую, поцарапанную фляжку.

ВЫТРИ НОС

Однажды пришел Башмаков в учебно-десантный городок, а там занимаются солдаты-новички. Много разных упражнений делают десантники: и с вышки прыгают, и на качелях крутятся, и по буму бегают. Есть упражнения посложнее, а есть попроще.

Остановился Башмаков и смотрит, как учатся солдаты управлять парашютом. Когда-то и сам он так учился.

Висит солдат под переключиной на ремнях-лямках, словно под куполом парашюта. А перед ним стоит сержант и командует: «Ветер слева!» Или: «Ветер справа!» А десантник по

этой команде ухватится рукой за ремни и тянет. И так один раз, другой, третий.

Наступил перерыв, солдаты окружили Башмакова — всегда интересно опытного десантника послушать.

А Башмаков им говорит:

— Вы не смотрите, что это упражнение, на первый взгляд, простенькое. Для десантника оно очень важное. Чем лучше умеешь управлять парашютом, тем увереннее чувствуешь себя в воздухе. И запомните: в нашем деле, как и во всяком другом, тоже свои маленькие хитрости и секреты имеются. Сейчас я вам один случай расскажу...

Солдаты расположились поудобнее вокруг Башмакова, слушают.

— Было это, когда я, как и вы теперь, еще только начинал свою службу. Однажды наблюдал с земли, как прыгают мои товарищи. И вот вижу: опускается один десантник, а за ним, с земли, задрав голову, следит командир его, сержант. Ветерок слабый дует, относит парашютиста. И вдруг слышу, сержант ему кричит: «Вытри нос!» Честно говоря, я тогда очень удивился. «Что такое? — думаю. — Что за странные советы? При чем тут нос? Десантнику до земли еще метров пятьдесят лететь — откуда сержант видит, что там у него с носом делается? И потом — что тут у нас детский сад, что ли, чтобы за чужими носами следить?» А сержант свое: «Вытри нос!» Только потом я узнал, в чем дело. Оказывается, чтобы правильно ухватиться за стропы, десантник должен провести рукой точно мимо носа. Вот так.

И Башмаков показал, как это делается.

— Вот для того, чтобы покрепче это запомнить, десантники и придумали такую шуточную команду. Но, между прочим, — добавил Башмаков и строго посмотрел на молодых солдат, — это вовсе не значит, что нос надо вытирать руками...

Солдатам очень понравился рассказ Башмакова. Они развеселились и теперь командовали один другому:

— Вытри нос! Вытри нос!

И все хохотали. А больше всех старался смешильвый солдат по фамилии Березкин.

Сержант Коробейников, их командир, даже рассердился на Башмакова.

— Я, — говорит, — серьезным делом занимаюсь, солдат обучаю, а ты со своими шуточками! Уходи, а то я командиру роты пожалуюсь!

Пожал Башмаков плечами и ушел.

А через месяц прыгала вся рота с парашютами: и новички, и опытные десантники, все вместе.

Башмаков прыгнул раньше других, приземлился благополучно на вспаханное поле и теперь смотрел, как прыгают остальные.

Все шло хорошо, пока не подул ветер. Ветром начало относить десантников к горелому лесу. В лесу стоят обгорелые ели, как острые пики, напорешься на них — не обрадуешься.

Десантники, кто хуже, кто лучше, управляют с парашютами.

И только одного солдата все дальше и дальше относит прямо к острым вершинам. Еще немного — и врежется он в лес.

— Березкин! — кричит через мегафон сержант Коробейников. — Стропы! Тяни за стропы!

А Березкин — то ли не слышит, то ли совсем растерялся от страха — висит неподвижно под куполом парашюта.

Все ближе и ближе пики деревьев.

И тут Башмаков сложил ладони рупором и как закричит:

— Вытри нос!

И сразу словно очнулся Березкин, провел рукой точно мимо носа, потянул на себя левые стропы. И парашют, как бы нехотя, приостановился, а потом круче пошел вниз.

Опустился Березкин у самой кромки леса. Вот так благополучно и закончилась эта история.

КАК БАШМАКОВ СПАС ТУЗИКА

Как-то вечером возвращался Башмаков из увольнения. Было холодно, шел дождь. Шинель Башмакова намокла, сапоги хлюпали по грязи.

«И угораздило меня тащиться сегодня в увольнение, — ругал сам себя Башмаков. — В такую слякоть хороший хозяин и собаку не выгонит из дому...»

И только он так подумал, как услышал слабое повизгивание.

Башмаков наклонился и увидел в канаве возле дороги маленького щенка. Щенок ослаб и дрожал. Он пытался подняться, но лапы его разъезжались в разные стороны.

— Ах ты, бедняга, — сказал Башмаков.

Он поднял щенка, спрятал за пазуху и понес в казарму.

Под шинелью щенок быстро согрелся и теперь слабо шевелился, уstraиваясь поудобнее.

— Вот что, друг, — говорил Башмаков. — Если бы ты, допустим, был Башмаковым, а я, допустим, Тузиком, неужели ты бы не поступил так же? А?

Этими своими рассуждениями он старался приободрить себя, потому что уже догадывался, какое выражение лица будет у старшины роты, когда тот увидит щенка. И он не ошибся.

— Ах, Башмаков, Башмаков, — сказал старшина. — Сколько же можно?..

Башмаков молчал.

— Зимой вы отогревали в казарме воробья. Было такое?

— Было, — сказал Башмаков.

— Летом вы выхаживали ежа. Было такое?

— Было, — сказал Башмаков.

— Между прочим, — продолжал старшина,

на, — у нас казарма, а не зоосад или там уголок Дурова. И ни воробьям, ни ежам, ни собакам здесь жить не положено. Ясно?

— Так точно, — печально сказал Башмаков. — Ясно.

И тут щенок, которого он уже успел опустить на пол, проковылял к старшине и потерял о его сапог.

— Как его хоть зовут? — спросил старшина.

— Тузик, — быстро сказал Башмаков.

Так Тузик остался в казарме. Он быстро привык к солдатам, и солдаты полюбили его.

Только одна беда — Тузика частенько приходилось прятать. Старшина больше всего боялся, что щенка увидит начальство. Однажды втропях Тузика спрятали в тумбочку к рядовому Домодедову. И пока дежурный по части осматривал казарму, Тузик успел съесть печенье, которое прятал у себя в тумбочке рядовой Домодедов. Домодедов очень огорчился и пошел жаловаться старшине, но старшина сказал, что Тузик поступил правильно, потому что хранить печенье в тумбочке не положено.

— А хранить Тузика в тумбочке положено? — спросил Домодедов.

Но старшина ему ничего не ответил.

И хотя пока все обходилось благополучно, старшину не оставляло беспокойство.

— Ох, Башмаков, — говорил он, — чуёт мое сердце, наживу я неприятностей с вашим Тузиком. В части со дня на день ждут генерала. Не дай бог, если Тузик попадетс я глаза генералу.

— Да не беспокойтесь, товарищ старшина, — отвечал Башмаков. — Все будет в порядке.

А сам про себя думал: «Я уже второй год служу, а еще ни одного генерала не видел. С чего бы это нынче генералу к нам ехать?»

И надо же было так случиться, что генерал появился в казарме как раз в тот день, когда дневальным был Башмаков. Может быть, Башмаков заметил бы генерала из окна заранее.

если бы не увлекся азбукой Морзе. Последний месяц они с ефрейтором Барабаншиковым усиленно изучали радиодело, готовились сдавать на разряд. Едва выдается свободная минута, они уже тренируются. Башмаков выстукивает Барабаншикову:

— Как ваше здоровье?

А Барабаншиков отвечает:

— Мое здоровье прекрасно.

Или Башмаков выстукивает:

— Что, вы думаете, сегодня на обед?

А Барабаншиков отвечает:

— Я думаю — пшенная каша.

А тут вдруг распахивается дверь и входит генерал. А за ним два майора и капитан — дежурный по части.

Может быть, кто-нибудь другой на месте Башмакова и растерялся бы от неожиданности, но Башмаков не дрогнул. Подал команду «Рота, смирно!» и, как положено, докладывает:

— Товарищ генерал, личный состав третьей роты находится на занятиях по огневой подготовке. Дневальный по роте рядовой Башмаков.

— Вольно, вольно, — говорит генерал.

— Вольно! — командует Башмаков.

И получается, эту команду подает он для одного ефрейтора Барабаншикова, потому что больше никого в казарме нет. И только Башмаков так подумал, как вспомнил о Тузике.

Тузик, ничего не подозревая, сидел в ротной канцелярии. Сейчас генерал и оба майора и капитан — дежурный по части войдут в канцелярию, а им навстречу...

«Что же делать?» — думает Башмаков. Знаками показывает он Барабаншикову: убери, мол, Тузика. Но Барабаншиков ничего не видит, потому что смотрит только на генерала.

А тем временем капитан — дежурный по части говорит генералу:

— Здесь, в третьей роте, товарищ генерал, у нас всегда образцовый порядок...

«Что же делать?» — думает Башмаков.

И вдруг отличная мысль приходит ему в голову.

Сначала слабо, а потом все сильнее постукивает он пальцами по тумбочке. Сначала медленно, а потом все быстрее. Точка, тире, точка...

«Срочно убери Тузика, — выстукивает он Барабаншикову. — Срочно убери Тузика».

Но Барабаншиков ничего не слышит, он по-прежнему смотрит только на генерала. И оба майора, и капитан — дежурный по части смотрят на генерала. А генерал смотрит на Башмакова. И постукивает пальцами по стене. Точка, тире, точка...

«Вас понял», — выстукивает генерал Башмакову.

Потом поворачивается и идет в канцелярию. А Башмаков, когда приходит в себя от растерянности, озадаченно вздыхает и говорит:

— Почему-то никогда не думал, что генералы знают азбуку Морзе.

Но за судьбу Тузика он больше не беспокоился. Потому что уже догадался, что гене-

рал — веселый человек. А веселому человеку Тузик не может не понравиться.

Так оно и получилось. Тузик понравился генералу. И с тех пор Тузика больше не прятали.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

Рядового Домодедова не любили во взводе за жадность.

Домодедов частенько получал посылки из дому. Придет с почты, устроится где-нибудь в углу казармы один на один со своей посылкой, шуршит бумагой, позвякивает баночками.

А потом всем рассказывает:

— Прислала мамаша варенья, так банка в дороге разбилась, пришлось выбросить...

Или:

— Хотел угостить всех печеньем. Домашнее печенье, мамаша пекала. Так вот жалость, пока шла посылка, печенье заплесневело. Все выкинул.

А у самого в каптерке чемодан на два замка заперт. И чуть вечер — Домодедов к этому своему чемодану навевается.

Иногда кто-нибудь из солдат поддразнивал Домодедова:

— Да брось ты сочинять! Признайся лучше, что ночью под одеялом печенье рубаешь.

Домодедов очень сердился в ответ на такие шутки. Даже потел от злости.

— А ты видел? Видел, да? А если не видел, не говори, понял?

Вообще, это была его любимая фраза. Чуть что, он сразу начинал ныть:

— А ты видел? Видел, да?..

И вот с этим-то Домодедовым и произошел однажды случай, о котором потом долго вспоминали во всей роте.

В то время взвод готовился к ночным стрельбам, и как-то поздно вечером ефрейтор Бара-

банщиков принес прибор ночного видения. «А ну, — говорит, — кто хочет потренироваться?» Вышли несколько солдат на пустырь — за казарму. И Башмаков вместе с ними. Вокруг темнота стоит — в двух шагах ничего не видно.

Солдаты по очереди подносят окуляр к глазам, смотрят.

Подшла очередь Башмакова.

Поднес он окуляр к правому глазу, левый зажмурил. Чудеса да и только! Темноты как не было. Зеленоватый свет вокруг колышется.

Направо посмотрел Башмаков — видит развесистое дерево.

Прямо посмотрел — кусты видит.

Налево взглянул — сидит на скамейке рядовой Домодедов и ест сгущенное молоко. Держит в одной руке банку, в другой — ложку. Зачерпывает молоко ложкой и ест.

Оторвался Башмаков от окуляра — вокруг темнота: ни дерева, ни кустов, ни рядового Домодедова.

Снова поднес окуляр к глазу, опять сидит перед ним рядовой Домодедов, облизывает ложку.

— Приятного аппетита! — громко говорит Башмаков.

Замер Домодедов, прислушивается. Только успокоился, ложку ко рту понес, Башмаков опять:

— Приятного аппетита!

Вскочил Домодедов, оглядывается по сторонам. Да что в такой тьме увидишь? Ничего не увидел. Зато Башмакову все видно. Только Домодедов снова за банку с молоком взялся, Башмаков в третий раз:

— Приятного аппетита!

Тут уж Домодедов не выдержал — напролом, через кусты, бросился прочь.

В этот вечер, перед отбоем, и на следующее утро Домодедов все на своих товарищей по взводу с подозрением поглядывал. И на Башмакова тоже. А Башмаков помахивал себе как ни в чем не бывало.

А утром во время завтрака вошел в солдатскую столовую лейтенант Петухов, командир взвода. Домодедов и Башмаков как раз перловую кашу доедали.

— Приятного аппетита! — громко говорит лейтенант Петухов.

— Что, что? — спрашивает рядовой Домодедов.

— Приятного аппетита, говорю, — еще громче повторяет лейтенант. — А что это вы, Домодедов, на меня так странно смотрите?

А Домодедов вдруг вскакивает — руки по швам.

— Виноват, товарищ лейтенант! Больше не буду!

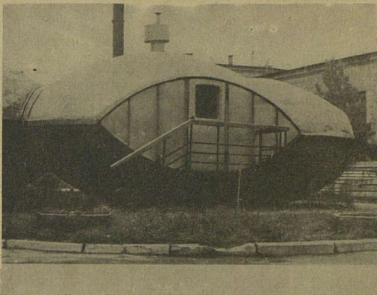
— Что, что? — спрашивает лейтенант Петухов.

А солдаты уткнулись в тарелки и хохочут.

Так и пристало с тех пор к Домодедову это прозвище: «приятного аппетита».

НОВОСЕЛАМ БАМа

Рассказ архитектора В. Л. Копелевича

Что такое БАМ? Это железнодорожная магистраль, которая пройдет через леса и горы, сопки и болота. Строить там города и поселки будет сложно. Почему? В одном месте — скальный грунт, в другом — вечная мерзлота, есть районы, где бывают землетрясения. И значит, дома нужно строить такие, чтобы новоселы этих «природных неудобств» не чувствовали и не замечали.

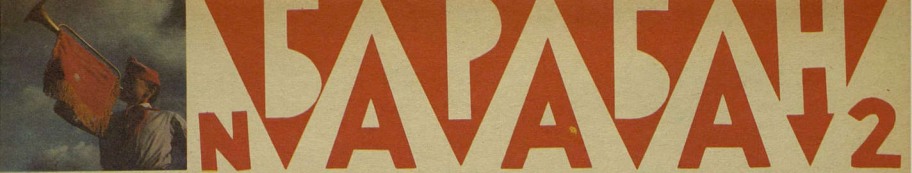
Вот этим-то мы, проектировщики, и занимаемся. Проектируем такие поселки, чтобы ветер дул только в «спину» домов, а солнце весь день в окна домов смотрело.

Необычными будут на БАМе и школы. В раздевалке — не просто вешалки, а шкафчики с обогревом для пальто и обуви. Вместо привычных коридоров — просторные помещения для отдыха. Вся школа состоит как бы из трех различных зданий. Справа — кабинеты для старшеклассников, слева — классы малышей, в середине — залы: актовый, кинозал и гимнастический. Рядом — производственные мастерские и столовая. При некоторых школах будут интернаты. С учебными зданиями их свяжут застекленные галереи.

Поселки вдоль БАМа встанут на расстоянии 60—80 километров один от другого. И в каждом все улицы сойдутся к общественно-бытовому центру, где под одной крышей будут и клуб, и библиотека, и кино-театр, и ресторан, и магазины, и разные ателье. Представляете, сколько времени сэкономит людям такая планировка.

Дома, вернее не дома, а квартиры для новоселов БАМа, будут делать специальные домостроительные комбинаты. Что это означает? Целые квартиры, в которых уже установлены батареи водного отопления, проведена электро- и радиопроводка, отправятся к месту назначения. А там из них строители, как из кубиков, будут монтировать дома. Дома для новоселов БАМа.

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКОГО ПУШКА

МЫ ПРОВЕЛИ СБОР, КОТОРЫЙ РЕБАТА НИКОГДА НЕ ЗАБУДУТ — «900 дней Победы». Пригласили нашего директора, он рассказал нам, что в школе во время войны была большая госпиталь. И наши учителя после войны приходили к раненым, становились сиделками, санитарками, медсестрами. Это было невероятно трудное время, но Ленинградцы ничего не испугались.

которая носит имя А. Г. Ломоносова. Когда мы приехали, начался пионерский слет, посвященный герою. Мы переехали в город и жили № 8 примет от волжской земли, где погиб летчик Ломоносов. На слете многих пионеров торжественно приняли в комсомол.

Валда Ткачев, командир отряда добровольцев Кикеринской средней школы

У НАС В ГОМЕЛЕНА УЛИЦЕ ПОБЕДЫ ЕСТЬ МАГАЗИН «СВЕТОЧ». Здесь много хороших книг, да не все о них знают. И вот наши семиклассники решили: надо помочь работникам магазина распространять книжки.

М. Геллер, школа № 35

У НАС В ГОРОДЕ СТАЛО ТРАДИЦИЕЙ — ИЗ СОБРАНА НОГО ПИОНЕРАМИ ЛОМА

плавить металл. Плавка проходит на металлургическом заводе. В нынешнем учебном году наш 6-6 класс занял первое место по сбору сырья для новой плавки «Зори пионерской».

Наталья Коршунова, школа № 20, г. Череповец

МНЕ ОДИН РАЗ РАЗРЕШИЛИ ПУТЕЛЕМ ПОДВИГАТЬ в нашем Музее истории комсомола имени Писы Чапковской. Мы там бываем всем классом, но я часто и один хожу туда. Из лагеря приехал — сразу в музей. Здесь летом тихо. Я люблю, когда тихо.

Я тоже всякие экспонаты вижу. Пока ничего не нашел, только две гишмы пусты.

Когда что-нибудь серьезное надо, отнесу в наш музей.

Юра Новиков, 3 класс, г. Калинин

АРТЕКОВСКИЙ КОСТЕР ОТВАИ СНИТСЯ МНЕ ТЕПЕРЬ ЧАСТО. Сним мы всем отрядом у костра. Небо темное-темное. Такое небо только на юге бывает. Костер пылает волею. И под треск хвороста Василия Денисовича Малая вспоминает, как он с товарищами защищал Крым.

Когда я пришел домой, я рассказываю ребятам про костер отаги. Весной обязательно пойдем в поход и проведем костер отаги. И приглашам на него героев войны.

Сергей Попов, член районного комсомольского штаба, 365-я школа Ленинграда

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

Читатель БАРАБАНА! Становись нашим юнкором!

БАРАБАН ждет твоих заметок о Пионерском Марше, о том, как проводится у вас в дружине тимуровские операции, как идет сбор металлолома для Байкало-Амурской магистрали.

Где-то рядом с тобой строится ограда, зловещая, загромождается новый город, поселок или улица. Ты и твои друзья — свидетели, а может быть, и участники этих взрослых дел. Напиши нам о них.

БАРАБАНу нужны твои стихи, рассказы, рисунки, фотографии, юморески. На какие вопросы ты хотел бы получить ответ!

В конце 1975 года активным юнкором будут вручены кореспондентские удостоверения.

ПОМНИТЕ МИНАТУ ПИОНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ!

ПОМНИТЕ

Дорогой БАРАБАНА! Наш три подружника: де Тани и Люда. Мы почти всегда в свободное время вместе. И мы решили стать тимуровцами. Быть дружными, делать полезное дело, помогать другим и друг другу. Мы оформили штаб, составили план полезных дел на месяц. Нам не приходится учиться! Скоро мы заведем много друзей.

Штаб тимуровцев, г. Пермь

Хорошее письмо пришло из Перми! Молодые девчонки

ки! Надемся, что у вас дела пойдут на лад. Еще раз поздравляю «Тимур и его команду». А то юные пионеры порой берутся за тимуровскую работу так, словно книги Гайдара и в глаза не видели.

Вот пример. Пионеры 42-й владимирской школы придумали тимуровские «паспорта». В паспорте ученика 4-го класса этой школы записано: «Наташас уль, поздрав с четырехлетним ребенком, вымыл на кухне пол, расстилал белье». Такое доброе дело вписано в «паспорт».

Вы когда-нибудь задумывались, почему команда у Тимура была тайная? Да потому, что Тимур был человеком гордым и скромным, добро делал не ради похвалы.

Мне очень стыдно за Колю. Ведь девушка жила за его счастливые жизни. Да знает ли Коля, за что девушка получила эти медали? По-моему, нет. А ведь это обидно — жить под одной

У Коли умер дедушка. Коля вынес во двор бумажные дедушкины медали и стал вынимать у Вити его старинные монеты. Галя рассказала об этом своему отцу. История стала известна всему дому. Галю тайно раздражал обид.

Эту историю БАРАБАН рассказывал в июне прошлого года. Печальное стилистическое письмо Гали Б. «Дедушкины медали».

Галя поступила несправедливо

Я думаю, что Галя поступила неправильно, рассказывая своему папе о том, что Коля похитил дедушкины медали на монеты. Ей надо было самой поговорить с мальчишками, а если бы они не послушались, она должна была собрать всех ребят со двора и на общем собрании объяснить Коле, почему ему нужно вернуть медали.

Н. Адачук, ст. Черкас, Узбекистан

Мне очень стыдно за Колю. Ведь девушка жила за его счастливые жизни. Да знает ли Коля, за что девушка получила эти медали? По-моему, нет. А ведь это обидно — жить под одной

кровлей с героем войны и не поинтересоваться его прошлым.

Рад Фатихова, 7 класс, Уфа

Галю даш

По-моему, Галя правильно поступила, рассказав отцу о поступке Коли. Но я не понимаю, чего она боялась, почему не сказала мальчишкам в глаза, что меня оторвали и медали на канемане там монеты просто падали. Я думаю, если бы девушка

был жив, он не простил бы этого Колю.

У нас в классе в День Победы был вечер, на него пришли девушки и один мальчишка. Они рассказывали нам, как и где они получили свои ордена и медали.

Татья Г., Владивосток

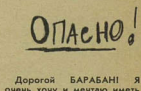
Дорогие друзья! Это вещи, которые священы для человека, — подлин, верность долгу, беззаветная храбрость.

Жаль, что Галя Б. растерялась. Ей, конечно, следовало бы в первую очередь с Колей и Витой поговорить, а потом уж с отцом.

Но обзавелась Галю жабой нет оснований!

А у вас во дворе, на улице, в школе бывают истории, в которых самим трудно разобраться!

Мы готовы помочь! Приглашаем к БОЛЬШОМУ БАРАБАНА!

Дорогой БАРАБАНА! Я очень хочу и мечтаю иметь свою фифку, но не знаю, где ее взять. БАРАБАНА, ты спросишь, для чего фифка? У нас в переулке все мальчишки соревнуются по втыканию ножей в забрызги. А попадают не всегда. Но почему я хочу иметь фифку?

Олег Шербилин, г. Зей Амурской области

Дорогой Олег! Твое письмо я показал своему другу, майору милиции Сергею Петровичу Ивану. И вот что он сказал: «Не спрашивай, ни детям нельзя иметь при себе фифку. Фифку, колючую орудие. Ношение колючего орудия запрещается». Вобщем, Олег, игры с ножами — дело опасное, а тем более — чужими в забрызги. Тут ты себя недоволяешь.

Виктор

ПРО НАШИХ ВЗРОСЛЫХ

ВНУЧКА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

У меня есть подружка. Ее дедушка служил на броненосце «Тотемин» и участвовал в революции. Она об этом мне не говорила, пока мы проходили повесть В. Катаева «Беллет парус одноклассник». Сказала тогда, когда уже кончили проходить. Я спросил: «Наташа,

почему ты не сказала учительнице и ребятам?» Она говорит: «Бес попутали бы, что я хвасталась». Я горжусь, что дружу с внучкой революционера, который сражался на известном поле боя.

Роза Тоскаризова, Актобиинск

Уважаемый профессор, я хотело бы узнать, как делаются марки. Кажется, просто, а все-таки непонятно. Я собираю марки уже четыре года, а этого не знаю.

Миша Горб,
Краснодарский край,
пос. Садовый

Дорогой Миша!
Марки делаются очень просто, а именно: способом офсетной печати, металлографической и глубокой печати, а также — литографически и фототипически... Ничего не понял! Н-да... Значит, теперь мне придется объяснить, что такое фототипия, офсет, литография и так далее. То есть рассказывать о печатном деле вообще, потому что марки печатаются так же, как и хорошие цветные иллюстрации в журналах и книгах. Но рассказать о печатном деле в кратком ответе невозможно, поэтому я и решил посоветовать тебе прочитать книгу Бориса Сталбулума «ЧТО НАДО ЗНАТЬ ФИЛАТЕЛИСТУ». Из главы «Как делаются марки» ты и узнаешь все то, что тебя интересует... Книга вышла в Москве в 1968 году Центральным филоателическим агентством «Союзпечать». С уважением,
Профессор Эвээмский

НАШ ФОТОКУРС

ЕЩЕ ЭТО ДА!

Дорогая редакция, прислала вам свой снимок. Я называю его «Солнце между деревьями». Мне 14 лет. Я занимаюсь в фотокружке при Павлодарском Доме пионеров.
Виктор Семиколеннык

Мне случилось
одного
забавного

Сыплет просо, сыплет рис,
Шадеро сыплет гречку,
Сыплет, сыплет на карниз,
На мое крылечко,
На деревца, на око
Сыплет спозаранку
То пшено, пшено, пшено,
То все ману, ману...
Вот засыпала дома,
Сладко зыбуша-зана
Заварила кашу!

Гена Вибра, 14 лет.
Житомирская область,
Новоград-Волынский

КАША

ЛОЖНИ И ТРУСИКИ

Мать поставила передо мной чашку с пловом и сказала: — Ешь.

Плов — самая вкусная еда на свете. Это рис, перемешанный с кусочками баранины.

Я посмотрел в чашку и не стал есть.

— Чего ж ты ждешь? — спросила мать.

— Ложку, — сказал я. Тут поднялся со своего места отец, схватил меня за плечи и тряснул изво все сил.

— А пальцы у тебя на что — закривил он. — Это у вас коммунисты на дет-

ской площадке выдумывают разные ловушки! Букам.

Однажды на детской площадке нам сказали: — Ребята, сейчас уже жарко, начните носить трусики.

Я пришел домой и попросил мать шить мне трусики. Мать испугалась и рассказала отцу.

Отец ничего не сказал, зверем посмотрел на меня и ушел из дому. Вечером он вернулся. Вынул деревянную ложку и подал ее мне.

— Вот, Гассен, бери. Можешь есть плов ложкой. Можешь и губы после еды полотенцем вытирать. Только не вздумай носить трусики.

Если уинку — убью. Пусть русские носят, а для нас, узбеков, это страшный грех. Вот как трудно отбавлять и пионерам у нас в Узбекистане проводить революцию. Но ложку я уже отвоюю, отвою и трусики.

10 уроке ГЕОГР. АФРИИ

(летопись в картинках)

Придумала и нарисовала Марина Гусакова, станщи Незлобная Ставропольского края

1. Не раста ял ещЕ каток...
Ох, не выучил я урок!

2. Учителница входит...
С класса глаз не сводит.

3. Дежурная докладывает,
Доклад не радует...

4. Только не спросили бы...
Повезло! Васильева!

5. Чуть слышное бормотанье...
Вот тебе и катанье!..

6. Прекратите разговоры!...
Васильев, из чего сложины горы?
...Слыхиш подскожу из за плеча!
Горы сложины из кирпичей!

У нас в классе мальчишки очень маленькие и даже постоять за себя не могут. Ребята из других классов над ними подшучивают и смеются. Мы, девочки, очень хотим, чтобы наши мальчишки выросли скорей, потому что нам за них обидно.

Лена Г.,
г. Полтавской

Животный мир лес — это волю ямаведы, лиса, заяц, Баба-Яга, Змей-Горыныч, Кащей...

Татья Мелешко,
Минск

Петя стнул банку с вареньем и начал его уничтожать. Неожиданно повлилась мама: «Ой, Петя, я так удивлена!» Я тоже, мама, — говорит Петя, — я думал, что тебя нет дома». Саша Самоило, Латвия, г. Вентпийс

— Николай Александрович, вы забыли в моем дневнике поставить точку. — Так поставь ее сама. — Не могу. У меня другой почерк.

— Доченька, что ты делаешь? — Ничего.

— А ты что делаешь? спросила мать у другой дочери. — Помогаю сестренке, — ответила та.

Прислали Ана Шимкович и Жанна Сквородко из поселка Спасского Витебской области

СТИХИ ПОЧТАРНИКА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОЛЕ К. ИЗ НОВОКУЗНЕЦКА

Девочка Оля,
которую дразнят Очкарик!м!
Вот Джим,
которого дразнят Шариком.
Но когда кто-нибудь
дразнит Шариком Джимом,
Джим отворачивается
и гордо проходит мимо.

P. S. Между прочим, я тоже очкарик.

ЦВЕТЫ НА ГРАНИТЕ

Петр Дернов

Петр Дернов воевал на Втором Белорусском фронте. В январе 1945 года, когда 24-й Краснознаменный кавалерийский полк прорвал линию обороны гитлеровцев и вступил на польские земли, Петр Дернов был гвардий рядовым. Звание Героя Советского Союза было присвоено Петру Дернову посмертно.

Тридцать лет прошло со дня победы над гитлеровским фашизмом. Тридцать светлых мирных лет.

И ни одного дня не прекращался поход дорогами славы, легендарными дорогами Советской Армии-освободительницы.

Памятник Петру Дернову на польской земле

В поселке Космодемьянский Калининградской области есть школа № 3. Красные следопыты этой школы получили грамоту за большую военно-патристическую работу.

Жители польской деревни Герасимовичи испытали все ужасы фашистской неволи.

В боях за освобождение Герасимовичей погиб советский солдат Григорий Куванин, партизанский стрелок роты. В Польше каждый помнит это имя.

Первое сентября в школе начинается с рассказа учительницы о «младшем брате Матросова», как его называют поляки.

Дадим слово красным следопытам Самбейской средней школы. Самбек — небольшой поселок на Дону за сотни километров от польского города Ольштынь, места гибели героя.

Сначала Сергей Иванович Дернов, отец героя, попросил школьных следопытов написать польским харцерам, узникам, где похоронен сын... Отправилось в путь первое письмо из Самбейской школы в Польскую Народную республику.

— Мы знаем, какой дорогой ценой завоевано наше счастье! — этими словами начинали свой рассказ следопыты... Написали, что в школе есть «КНИГА СЛАВЫ», где рассказано о подвиге Петра Дернова, подвиге во имя мира на Земле, во имя счастья всех людей.

В музее школы есть фотокопия наградного листа Героя Советского Союза за № 8178 от 24 марта 1945 года. Каждый пионер знает, какой полки совершил герой.

Надо было заставить замолчать вражескую огневую точку. Красноармеец Петр Дернов бросился вперед и смело пошел к ней. Когда оставались последние три метра, безстрашный воин поднялся во весь рост, подбежал к доту и своим телом закрыл амбразуру дота. Фашистский пулемет замолк. Путь эскадрону был открыт. Конники ворвались в деревню и заняли ее.

Ценой своей жизни Петр Дернов обеспечил эскадрону захват переправы.

Это было 23 января 1945 года. О подвиге Дернова узнал тогда же весь Второй Белорусский фронт...

Безстрашный советский солдат похоронен в селе Кезлины. Приходят к памятнику польские харцеры, вглядываются в мужественное лицо героя, вчитываются в слова, высеченные на граните по-польски: «Здесь погиб 23 января 1945 года за освобождение Польши Петр Дернов, Герой Советского Союза. Слава его памяти!»

В экспозиции музея боевой славы письма из Польши, новые фотографии, воспоминания родных героя. Эти экспонаты не только странички истории Великой Отечественной войны советского народа с фашизмом, но и завет нынешним пионерам: быть верным Родине и свято ее беречь.

Д. Прокопьев

Польские харцеры у могилы героя

Рыболовный траулер «Петр Дернов»

Мемориал
военной
славы.
Вечная
слава
погибшим!

Юнармейцы
на марше
«Зарница-74»

Фото
В. Мясоедов

С. Дей-Люис

ОТРЫВОК
ИЗ ПОВЕСТИ

ПРОИСШЕСТВИЕ В ОТТЕРБЕРИ

С чего начинается эта история? Пожалуй, все-таки она началась с того, что Тэд, глядя на свои «швейцарские», сказал:

— Сверьте часы. Через 5 минут 30 секунд наступит время. Разведка донесла, что в час «Ч» отряд Топпи при поддержке танка появится на улице Эбби Лейн. Наша задача: отбить танковую атаку и преградить путь Топпи и его армии на школьный двор.

Тэд тщательно разработал план операции. По обеим сторонам дороги были устроены засады: одна — фальшивая, другая — настоящая.

Это Топпи и Тэд придумали игру в войну. И я уверен, что они никогда не придумали бы такую игру с танками, пулеметами, засадами, если бы не было настоящей войны и если бы однажды бомба не угодила прямо в центр нашего городка. Место это стали называть Местом происшествия.

— Топпи наверняка думает, — сказал Тэд, — что мы устроим ему засаду в Месте происшествия. Мы так и сделаем. Восемь человек спрячутся в развалинах, их задача: отвлекать внимание нападающих от главной атаки. Джордж, ты возьмешь троих ребят и...

— Главная атака, а всего три человека — так не бывает, — перебил его Ник. Ник часто говорил невпопад. С того дня, как в Оттербери упала бомба, Ник вроде бы немного рехнулся. При бомбежке погибли его родители, а самого Ника насилью откопали из-под обломков. Так что никто не удивлялся, если он вдруг задавал нелепые вопросы. Поэтому Тэд принялся терпеливо объяснять Нику весь план.

— Цель этой атаки — уничтожить танк, поэтому я считаю ее главной. Мы произведем обманный маневр силой, чтобы отвлекать внимание противника.

— Маневр силой, персидская кобыла, земляничное мыло, — перерезал Тэда Чарли Мазвелл.

— Рядовой Мазвелл, молчать! — приказал Тэд.

Тэд не такой силач, как Топпи, но если он говорит «молчать», никто ему не перечит.

— Джордж, — продолжал Тэд, обращаясь ко мне (я его первый заместитель). — Возьми троих ребят, захватите липучие гранаты и спрячьтесь во дворе у Скинера.

Потом Тэд предложил сверить часы. Для этого большинству из нас пришлось обернуться и посмотреть на маячащую над крышами городка церковную колокольню — своих часов почти ни у кого не было. Потом я со своим звеном перелез через ворота во двор Скинера, со мной пошли Чарли, Ник и маленький Узки. Я захватил гранаты, сложенные в плотный бумажный пакет. Питер Батс, заместитель командира, сам изготовил их в школьном химическом кабинете. Гранаты совсем не опасные: не взрываются и не загораются. Но есть у них хорошее свойство: здорово липнут. Они так и называются: липучки. По правилам игры, чтобы уничтожить танк, надо прилепить к его борту две гранаты. Но бросать нельзя — было бы слишком легко. Полагалось прилепить гранату к вражескому танку руками. Мы часто спорили, была ли граната прищелпнута или ее бросили с близкого расстояния. Во в зема споров, отношения наших отрядов обострились крайне. До начала боя оставалось еще три минуты. Ребята достали завтраки, принесенные из дому.

— Эх, не было бы сейчас войны, ну и наелся бы я! — размечтался маленький Узки, уписывая черствый хлеб. — Начал бы с бутерброда с сардинами, потом слопал бы целую тарелку эклеров, а потом... потом запеканку с мясом и еще закусил бы жареным картофелем с бобами.

— А тебе чего хочется, Ник?

— Не знаю, — сказал Ник, — наверное, того же, что и тебе. — Он сидел на футбольном мяче, и вид у него был понурый. Ему не очень-то хорошо жилось у дяди и тети, которые взяли его к себе после смерти родителей. Ходили слухи, что Ника даже не кормили досыта. Но, может, это просто слухи.

— Ник, хочешь, я тебе дам липучки, — предложил я. — Нет уж, большое спасибо. Лучше я возьму футбольный мяч, привяжу его к веревке и буду колотить их по голове мячом.

В этот момент я услышал скрип колес и подумал, что это скрипели приделанные к танку старые велосипедные ободы без шин. Танк был совсем как настоящий, мы сделали его в школьной мастерской. Башня была

из дерева, а бока выкрашены в маскировочный цвет. На башне был натянут кусок всамделишной маскировочной сетки, которую Тэд выключил у брата. Вперед вместо ствола оружия торчала половая щетка. В танке свободно умещались три человека: водитель, стрелок и командир.

Я снял автомат с предохранителя и выглянул на улицу.

Вскоре появился танк в сопровождении трех человек. Они шли гуськом, нагнувшись, прижимаясь к его левому борту. Танк укрывал их от огня из засады Тэда, но с правой стороны они были открыты для обстрела.

Проехав яровд десять, танк остановился. Стрелок открыл лихорадочный огонь по засаде Тэда. В этот момент я увидел, что Топпи с тремя ребятами крадется к воронке от бомбы, окружая отряд Тэда с тыла, а Тэд с ребятами так увлекся боем, что не замечает опасности. И тут Прун запустил куском кирпича в Тэда, хотя по правилам игры категорически запрещалось швырять камни друг в друга. Конечно же, только Прун мог нарушить приемы цивилизованного ведения войны. Прун неприятный тип, поверьте мне. Кирпич угодил Тэду в плечо. Тэд дал три коротких свистка — сигнал атаки — и помчался к Пруну со скоростью пожарной машины.

Три коротких! Настал мой черед! Когда охрана танка бросилась наперерез Тэду, мы перемахнули через ворота и ринулись вперед, не встречая на своем пути никакого сопротивления, если не считать вражеского велосипедиста. Он совсем еще соляк и наблюдал издали. От волнения пританцовывал, как это делают дети. Однако, увидев, что я и мои ребята делаемся к танку, сел на велосипед и что есть духу помчался наперерез нас. Но он ехал так быстро, так разогнался, что со свистом пронесся мимо нас и исчез за поворотом. В это время Чарли и маленький Узлики прилепили гранаты к обоим бортам танка, по две на каждый борт, а Узлики даже ухитрились влезть в танк и прилепить одну гранату в кабине. Пять гранат — это рекорд. Потом мы с Ником взобрались на башню и следили за сражением с этого великолепного наблюдательного пункта.

В Месте происшествия завязался яростный бой. Дрались вруклопанно. Оружие побросали все, кроме двоих, скрививших сплуги на куче мусора. Воздух оглашал крики раненых и умирающих. Я увидел, как Тэд нокаутировал Пруна, и тот, споткнувшись о ржавую канализационную трубу, упал на спину.

Тут Топпи дал свисток, и его войска, оставив раненых, побежали к танку.

— Танк уничтожен, — объявил Чарли. — Мы прилепили к нему пять гранат, честное слово!

— Вот как, — удивился Топпи, осмотрев борта и дно танка. — Здорово! От пяти гранат танк должен взорваться и разлететься вдребезги, а вместе с ним и вы, дураки несчастные!

Представляете, какой тут поднялся спор! Обе армии, столпившись вокруг танка, кричали друг на друга до хрипоты.

Тогда Тэд, подойдя вплотную к Топпи, так что носы их почти касались, произнес:

— Ты ведь не будешь отрицать, что мы уничтожили танк, а это главное. Поэтому мы победили.

Но тут прозвенел звонок. Я уселся в танк и, нажимая на педали, покотил по улице, несколько ребят толкали танк сзади. Остальные убежали вперед, передавая друг другу мяч Ника. Танк с грохотом въехал в школьные ворота, и в тот же миг раздался звон разбитого стекла. Кто-то поддал мяч ногой и угодил в окно класса, расположенного рядом с кабинетом директора.

На какое-то мгновение все застыло от ужаса, потом бросились в разные стороны и попрыгали к куде, словно по сигналу воздушной тревоги. И когда через десять секунд на крыльце появился директор, во дворе уже никого не было. Ник, Тэд, я и еще несколько ребят укрывшись в сарае. Директор подошел к разбитому окну, потом повернулся и сказал, обращаясь к пуганому двору:

— Тот, кто разбил стекло, должен немедленно выйти.

Мертвая тишина. Я и сам не знал, что это сделал.

Как ни стыдно в этом сознаться, но про себя я порадовался, что окно разбил не я.

Директор повторил приказание. Ник медленно направился к двери, но Тэд схватил его за руку и оттащил назад.

— Если тот, кто разбил окно, не признается, я отменяю каникулы, — сказал директор твердо, не повышая голоса.

Ник опяти приподнялся, и на этот раз Тэд не удержал его. Опустив голову, он медленно шел по двору, как уходит с поля аратар, пропустивший решающий гол. Ребята вышли из укрытия и столпились за спиной у Ника.

— Так это ты разбил окно?

— Да, сэр, — сказал Ник.

Директор хотел было напустить на себя грозный вид и произнести назидательную речь, но, посмотрев на Ника поинимательнее, очевидно, раздумал.

— Как это случилось?

— Я ударил по мячу и случайно попал в окно, сэр.

Гм. Охотно верю, что ты это сделал не нарочно. Однако за последнее время школа сильно пострадала от драк и поломок. — Директор свирепо посмотрел на нас. — Что же, Уэйтс, тебе придется заплатить за новое стекло.

Бедный Ник совсем скис, и вид у него был, как у побитого щенка.

— Но, сэр, у меня нет денег, — сказал он.

— Поэтому стоило хорошенько подумать, прежде чем бить стекло, — ответил директор. — Даю тебе неделю срока. Пусть твои родители, вернее, опекуны, внесут эту сумму из денег, которые дают тебе на мелкие расходы. А теперь — все на занятия.

По странному совпадению следующий урок был как раз в том классе, где Ник разбил окно. Это был урок арифметики. Учителя звали мистер Робертсон.

Мистер Робертсон предложил нам задачу: сосчитать, сколько стоит разбитое стекло. Ответ был ужасающий: четыре фунта четырнадцать шиллингов шесть пенсов.

— Сэр, может быть, вы одолжите Уэйтсу денег, ведь у него в кармане одна дырка, — сказал Чарли Мазвелл, имея в виду финансовые затруднения Ника.

— Надеюсь все же, что не такая большая, как в окне, — отшутился мистер Робертсон.

Мы засмеялись из вежливости, но, по правде сказать, нам было совсем не смешно.

...На следующий день, на перемене, я, Тэд и Ник вошли в пустой класс. У Ника был такой вид, словно он угодил в капкан. Впрочем, так оно и было на самом деле.

Накануне, придя домой, Ник начал рассказывать дяде, как ребята играли в футбол и разбили окно в школе, но сказать всю правду не хватило духу. Дядя заявил, что если бы окно разбил Ник, он бы его как следует взгрел и целый год не давал денег на кино и мороженое. Дядя весь кипел от негодования и с пеной у рта ругал ребят.

— Что же ты будешь делать?

— Убегу из дому, — Ник расплакался.

— Чепуха, — воскликнул Тэд. — Если убежишь, тебя рано или поздно поймают.

— Тогда я покончу с собой.

— Ерунда, все обойдется, — сказал Тэд, дружески потрепав Ника по плечу. — Мы тебе обязательно поможем. Что-нибудь придумаем. Я соберу военный совет.

— Джордж, — обратился Тэд ко мне. — Оповести всех — соберемся завтра в Месте происшествия.

Когда все собралось, Тэд взобрался на кучу мусора и произнес речь. Он сказал, что наш девиз — «Все за одного — один за всех» и что каждому следует подумать, как помочь Нику уплатить деньги за стекло. Вдруг на дороге послышались шаги. Это были Топпи и его армия. Они остановились напротив нас.

Топпи и его заместитель несли белые флажки парламентаров. Они пришли, чтобы вызвать нас на бой-рванши.

— Сейчас мы не можем принять вызов, — сказал Тэд. — У нас важное дело.

Робята из отряда Топпи стали смеяться и говорить, что мы трусливы. Тэд покраснел, но продолжал настаивать на своем. Тогда-то и пришла ему в голову идея, которой суждено было вписать новую славную главу в историю города Оттербери.

— Слушайте-ка, — воскликнул Тэд. — Вы можете помочь нам, если захотите. Мы решили собрать деньги на стекло, которое разбил Ник. У него дома неприятности.

— Послушай, — перебил Топпи, высокий худой парень с челкой, постоянно спадающей на глаза. — Мы-то здесь при чем? Ведь окно разбили не мы!

— Да, но мы все гоняли мяч, и на месте Ника мог оказаться любой, — ответил Тэд.

— Ты нам проповедей не читай, ведь мы же не в воскресной школе, — заявил Питер Батс.

— А ну, заткнись, Батс, — не вытерпел я. — Не то я тебя так вздую.

— Струсили, струсили, желторотые сусулки! — закричал Прун.

И уже казалось, не миновать нового сражения, когда вдруг Топпи прикрикнул на свою армию:

— Эй, вы, заткнитесь!

Потом он повернулся к Тэду:

— Ну и что с того, что мы все гоняли мяч?

— А то, что когда мы вбежали гурыбой на школьный двор, кто-то закричал: «Бей!» Мяч в это время был как раз около Ника, и он по нему ударил. На его месте мог оказаться и ты, и я — любой из нас.

— Что ж, значит, ему не повезло, — сказал Питер.

— Но, послушай, как забивает кто-нибудь один, а очко засчитывается всей команде. То же самое и здесь.

— Тебе ли говорить о футболе? Сам с трех метров мажешь мимо ворот, — перебил Прун.

Это была такая вопиющая ложь, что даже у наших противников заговорила совесть. Ведь все знают, что Тэд — центр нападения в школьной команде и занимает это место не зря.

— Не дерзи, Прун, — одернул его Топпи. Вид у него был рассеянный, словно он крепко задумался над чем-то.

Странный парень этот Топпи. Иногда он первый задира, а временами такой тихоня!

— А пожалуй, верно. Сражения уже всем надоело. Детские забавы, больше ничего. Вот удивится старый Брюзга, наш почтенный директор, когда мы явемся во вторник и принесем деньги. — И Топпи заговорил, подражая директору: «Мы все от самых маленьких до самых старших, включая и меня, должны добиваться, чтобы у нас в школе воцарился... кхм, кхм, дух единства. Мы все должны быть членами большой дружной семьи. Мазвелл, ты почему не слушаешь? Останешься за дерзость на два часа без обеда».

Топпи откинул со лба волосы и продолжал: — Так давайте покажем ему, что такое дух единства. Создадим Великий союз наших отрядов и поставимся раздобыть деньги!

Тэд и Топпи сидели за столом из досок, положенных на мусорные ящики, а ребята из обоих отрядов по очереди подходили к столу и выворачивали содержимое своих карманов. И вот на столе выросли две горки: одна из денег, другая — из мелких предметов: перочинных ножей, шариков, леденцов, карандашей. Я лично пожертвовал монету в шесть пенсов и старый водяной пистолет. После того, как каждый сделал взнос, у нас набралась целая куча всякой всячины, да еще четыре шиллинга и восемь с половиной пенсов наличными.

Мы считали, что вырванных за всякую всячину денег и наличных четырех шиллингов и восьми с половиной пенсов будет вполне достаточно, чтобы уплатить за стекло.

Но все вышло иначе. Вскоре Топпи и Чарли вернулись. Вид у них был довольно мрачный. Топпи выложил на стол полкроны.

— Вот и вся выручка — сказал он.

Мы прямо ахнули, а Питер Батс воскликнул:

— Вас надули!

— Сначала нам предложили всего два шиллинга, — сказал Чарли. — Топпи торговался как черт. Но уго-

ворил старьевщика только на полкроны. Топпи даже притворился, что собирается уйти. Тогда старьевщик накинул еще шесть пенсов и ни гроша больше.

Настраение у бедного Ника упало, как стрелка барометра перед бурей. Но держался он молодцом. Он сказал, что очень благодарен нам за все, что мы для него сделали и что не стоит беспокоиться. Но Топпи решил не отступать, и глаза его засверкали дьявольским огнем.

— Рано вешать нос. Ведь если взяться за дело как следует, деньги можно достать. Если двадцать три здоровых парня не могут собрать каких-то четырех фунтов — грош нам цена!

Деньги нужно достать! В нашем распоряжении суббота и воскресенье. Да если взяться за дело по-настоящему, то весь Оттербери будет нам выплачивать дань! Возбравшись на кучу мусора, Тэд обратился к ребятам с речью:

— Стране не хватает рабочих рук. Мы обеспечим Оттербери рабочей силой. Мы будем выполнять любую работу: мыть окна, пропалывать огороды и т. д. и т. п.

Кое-кто при этом вздохнул, а кто-то сказал:

— У нас нет ни лестницы, ни тряпок, а без этого окон не вымоешь.

— Все достанем, осел!

— А я не умею полоть грядки, сорняка от цветка не отличу, — пожаловался Чарли Мазвелл.

— Ты просто трутень, — напустился на него Питер Батс. — Это тебе не песенки в хоре распевать.

И тут Тэд прищелкнул пальцами:

— Придумал! Чарли будет петь рождественские гимны.

— Петь на улице? Ни за что!

— Ты будешь не один. Кто еще поет в хоре? Поднимите руки.

Трое ребят подняли руки.

— Хорошо. Вот вы и будете петь. Позовите кого-нибудь еще из хора. Порепетируйте, а в субботу выходите на улицу и пойте.

— Но какой же рождественский хор в середине июня?

— Ну так пойте не гимны, а шуточные песенки, что хотите!

— Все идет как надо, — сказал Топпи радостно. — Каждый должен делать, что умеет. Например, Дик Коулсен — специалист по морскому жаргону. У него брат на флоте. Пусть учит желающих всяким словечкам и берет два пенса за урок.

Ребята пришли в восторг. Говорили все сразу, перебывая друг друга, предлагали то и это. Вообще, я заметил, что стоит одному начать что-то, как остальные делают то же самое с такой радостью, словно всю жизнь только об этом и мечтали.

Один мальчик сказал, что может взять из дома щетки и сапожную мазь и почистить прохожим ботинки на перекрестке у светофора. Но другой заметил, что стоит превосходная погода, а люди чистят ботинки только в сыляток. Мы было совсем отказались от этой прекрасной идеи, когда Тэд внезапно выпалил:

— Мы им испачкаем ботинки!

Тут все стали предлагать способы, как испачкать прохожим ботинки.

Однако об одной вещи мы никак не могли договориться. Нам очень нужна была помощь девочек. Питер Батс заявил, что девочки сразу начнут командовать.

Но Тэд сказал:

— Раз мы больше не воюем, вполне можно принять девочек.

В субботу, 14 июня, утро выдалось ясным и теплым. Вскходило солнце. Городок Оттербери мирно спал и не знал, что на десять часов была назначена операция «Стекольщики». В это время хозяйки отправляются из дома за покупками.

Ровно в десять часов с Элли Лейн на Вест-Стрит выехала повозка. В ней нелегко было узнать наш танк, который совсем недавно под ураганным огнем катился к Месту происхождения. К машине была привязана лестница, из жерла орудия торчала швабра с длинной ручкой, по бортам танка висели плакаты, на которых

большими буквами было написано: «Фирма Шик-Блесс. Лучшие мойщики окон в городе. Выйдите окна, чтобы увидеть, как прекрасен мир! Всего шесть пенсов за окно. Положитесь на нас, и вы не пожалеете».

Повозка медленно двигалась вдоль Вест Стрит, весело грохотали ведра. Двое мальчишек подталкивали ее сзади, а сестра Чарли Мазвелла сидела в кабине водителя.

Проехав по центру города, повозка направилась в другой район. Ребята подъезжали к домам с грязными окнами и звонили в двери. Иногда им здорово влетало. Иногда из дома вылезала какая-нибудь старая карга и начинала распускать нюни: «Ах, милые детки! Какую чудесную игру вы придумали!» Ребята, конечно, очень злились, но не теряли надежду и настойчиво предлагали свои услуги. В конце концов им удалось получить несколько заказов у хозяек, которые, успев сделать покупки, уже возвращались домой.

Ровно в десять часов на улицах зазвучала музыка — то был хор Чарли Мазвелла. Чарли собрал ансамбль, который состоял из пяти мальчишек и трех девчонок. Они выстроились около вокзала и пели песенку «Кейси Джоуиз» — о знаменитой железнодорожной катастрофе в Америке. Ребята волновались: одно дело —

петь в церковном хоре, там тебя не освистят, но далеко не каждый отважится выступать на улице.

В одиннадцатый час местом действия стал пыльный городской парк с аттракционами.

В парке появилась группа акробатов под управлением Питера Батса. Питер был известен как хороший гимнаст и поэтому руководил группой. Ребята кувкались, ставили пирамиды, устроили соревнования борцов и боксеров.

Тут же, в парке, поставили стол с двумя стульями и развесили объявления: «Неужели ваше лицо не стоит одного шиллинга? Мисс Топпингем, член Королевской Академии художеств сделает мгновенный портрет».

Хотя, по правде сказать, сестра Топпи еще и не член Королевской Академии художеств, рисует она очень хорошо. Это очень интересно возиться с нами, что она взялась помочь нам. Ведь ей уже почти семнадцать, и не очень-то ей интересно возиться с нами.

Вскоре в парк пришел Чарли Мазвелл с хором. Пока акробаты отдыхали, они спели несколько песенок. А потом Питер и Чарли пустили шапку по кругу.

А что же делали Тэд и Топпи, пока одни кувкались, другие пели, а третьи мыли окна? Пойдемте к светофору на Вест Стрит. На мостовой стоит табуретка, на ней лежат щетки и банка с ваксой. Вывеска: «Чистка ботинок — три пенса». Тэд и я по очереди усаживаемся на ящик и чистим проходящим башмаки. Повсюду мы расставили часовых: ведь без разрешения полиции нельзя заниматься таким ремеслом. Если бы появился полицейский, мы быстро схватили бы табуретку, ваксу и щетки и спрятались бы в книжном магазине, принадлежащем сестре Тэда и расположенном совсем рядом.

Но в Оттербери редко появляются полицейские, и в то утро все у нас сошло благополучно. Но вам, наверное, интересно узнать, как мы умудрились раздобыть клиентов в такое сухое, теплое утро. Посмотрите: по улице идет мистер Ричардс, наш учитель английского, ботинки сверкают на солнце, на них ни пылинки. Он так начистился, потому что идет навещать сестру Тэда Розу. Он останавливается перед витриной книжного магазина и делает вид, что рассматривает книги, но ручаясь, что сейчас они его не интересуют — он изучает свое отражение в стекле витрины. Вот он подходит к дверям магазина, но вдруг взгляд его падает на башмаки. О, ужас, они все в грязи. Мистер Ричардс оглядывается, недоумевая где он мог так испачкаться. Вокруг ни одной лужи. Что за чудеса! Теперь он замечает чистильщиков ботинок.

— Здравствуйте, мальчики, что вы здесь делаете?

— Не желаете почистить башмаки, сэръ? Всего три пенса, сэръ.

— Ол райт! Они как раз скучают по ваксе. Но что это все значит? Вы делаете это на пари?

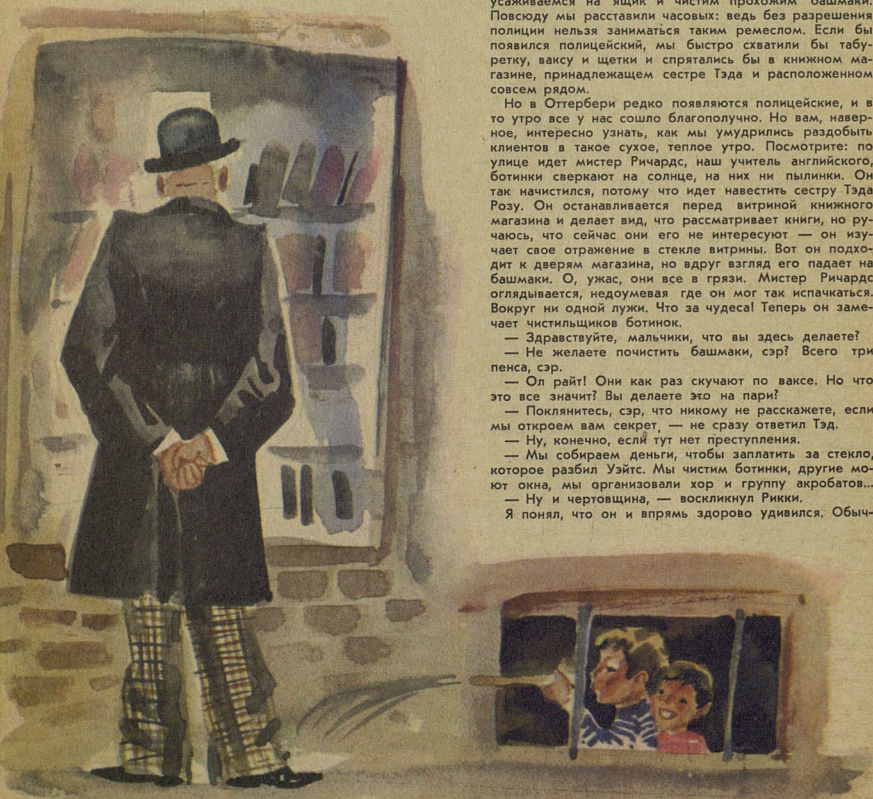
— Покляннитесь, сэръ, что никому не расскажете, если мы откроем вам секрет, — не сразу ответил Тэд.

— Ну, конечно, если тут нет преступления.

— Мы собираем деньги, чтобы заплатить за стекло, которое разбил Уэйтс. Мы чистим ботинки, другие моют окна, мы организовали хор и группу акробатов...

— Ну и чертовщина, — воскликнул Рикки.

Я понял, что он и впрямь здорово удивился. Обыч-

но Рикки не употребляет столь сильных выражений в присутствии учеников.

— Х-м, это, пожалуй, достойная затея. Желаю вам удачи. Э, а вот и директор! Интересно, не нуждаются ли его башмаки в ваксе? Я вам советую нагнуться и не поднимать головы, пока он не пройдет мимо. Ему может не понравиться, что ученики Королевской школы чистят башмаки прожогом.

Рикки заплотил три пенса и пошел навстречу директору. Взяв старого Брюзгу за локоть, он подвел его к витрине книжного магазина. Мы услышали, как он сказал директору:

— Вы еще не видели новинок «Серии натуралистов». Нам следует приобрести их для школьной библиотеки... Боже праведный, вы, должно быть, ступили в лужу, сэр! Взгляните на ваши башмаки!

— Ну и ну! Я могу поклясться, они были начищены до блеска, когда я надел их сегодня утром, — сказал директор

— На ваше счастье, сэр, вон на углу чистильщики. — Да-да, верно. Очень вам признателен, Ричардс. И, пожалуйста, не забудьте заказать эти книги для нашей библиотеки. — С этими словами Брюзга подошел ко мне и поставил башмак на скамеечку. Я схватил щетки и низко-низко наклонил голову, так, чтобы директор не мог меня увидеть.

Похуже, что Рикки подмигнул нам, когда направил директора к чистильщикам. Рикки — молодчина, его не проведешь. Я уверен, что он сообразил, как попала грязь на его башмаки и специально подвел директора к витрине. Дело в том, что в здании книжного магазина был подвал с зарешеченным окном. Окно выходило на улицу как раз на уровне ног прохожих. Топпи с помощником стояли на столе в подвале. Они притащили с собой ведро с грязной водой и заржали ею водянное ружье. Как только кто-нибудь останавливался у витрины, мальчики давали залп по башмакам. Гениальная выдумка, и притом совершенно безопасная! Шум машин на перекрестке заглушал выстрелы. Да и вообще-то люди, глядящие на витрины книжных магазинов, так рассеяны, что не заметят, если даже рядом кто-нибудь упадет мертвым.

В полдень двое ребят сменили нас за ящиком чистильщика. Тэд, Топпи и я решили совершить обход и посмотреть, как идут дела.

Как раз по дороге в парк стоял киоск мистера Сайдботтема. Мистер Сайдботтем торгует книгами и газетами. Некоторые ребята покупают здесь приключенческие журналы. Не знаю, то ли из-за того, что мистер Сайдботтем прочел всю эту кучу страшных комиксов, которые у него продаются, или по другой причине, но только Сайдботтем втискивал себе в голову, что он Шерлок Холмс. Когда я подошел к киоску, то увидел, что на ладони у мистера Сайдботтема лежит пуговица и он излучает ее при помощи увеличительного стекла.

— Очень важная улика, — сказал он, заметив меня. — Взгляни-ка на эту пуговицу. Не правда ли, весьма странная?

Я ответил, что не вижу ничего странного.

— Опытному глазу точно так видно, что пуговицу оторвали с мясом, — стал объяснять он, переходя на шепот, от которого кровь стыла в жилах. — Обрати внимание на неровный обрыв ниток. Ну, что же это значит? Я скажу тебе: совершенно насилие, быть может убийство!

— А где вы ее нашли, мистер Сайдботтем?

Мистер поступал пальцем по широкому носу.

— Ага, уместный вопрос. Пуговица была найдена мною вчера на заброшенном участке, когда я доставлял газеты.

При слове «газеты» меня осенило: можно предложить Сайдботтему разнести вечерние газеты! Сайдботтем удивился, но я объяснил, что мы собираем деньги с благотворительной целью. Тогда он сказал: «О'кей» — и пообещал шесть пенсов за работу. Конечно, шесть пенсов не бог весть сколько, но у меня нет коммерческой жилки, поэтому я согласился. Я уходил, а Сайдботтем вооружился увеличительным стеклом и вновь склонился над пуговицей.

К шести часам все группы должны были встретиться

в Месте происшествия. Когда я пришел, все уже были в сборе, и Дик Козенс рассказывал содержание нового фильма. Мы уловили, что те из нас, кому родители дадут деньги на кино, пожертвуют их в «Фонд помощи Нику». Но на случай, если кому-нибудь из родителей придет в голову распрощаться о фильме, было решено, что Дик Козенс посмотрит картину и потом расскажет содержание.

Ну, кончил он рассказывать, и мы приступили к основному делу. На двух мусорных ящиках укрепили доску, и за этим столом расположился комитет. Настал великий час! К столу подходили по очереди все члены «Великого союза», передавая свои взносы. Сестра Топпи, та, что художница, особенно отличилась. Значит, мы поступили правильно, когда приняли девочек. Денег становилось все больше, постепенно голоса стихали, и наконец ребята перешли на изумленный шепот. Столько денег нам и во сне не снилось.

Потом все сгрудилось вокруг стола, возмущенно дыша мне в затылок и заглядывая в бухгалтерскую книгу. Тут я услышал, как Топпи сказал:

— Ну а ты, Прун?

Я поднял голову и увидел, как Прун пытается улизнуть и затеряться в толпе, но ребята вытолкали его вперед, и он предстал перед членами комитета. Нужно сказать, что хотя в конце концов Прун согласился принять участие в операции «Стеколкин», ребята ни за что не хотели принимать его ни в одну из групп. Однако он мог бы сделать взнос из карманных денег.

— Вы и так собрали уже достаточно, — пробормотал Прун.

— Ну и что же, — ответил Тэд. — Ведь мы условились, что каждый должен внести свой вклад.

— Ну, а я передумал, — огрызнулся Прун.

Раздались возгласы негодования, ребята стали наступать на Пруна:

— Ну и жадина!

— Давай, Прун, раскошеливайся!

— Жалкий мун, — кричал Чарли Мазвелл, — он, наверное, спустил все деньги!

Тэд прикрикнул на ребят, и они замолчали.

— Ну что же, если он не хочет быть вместе с нами, мы не будем его заставлять. Но пусть убирается. Ступай прочь, Прун, — с презрением произнес Тэд.

Этого уже Прун не мог перенести. Он подошел к столу, глядя прямо в глаза Тэду, запустил руку в карман и со звоном положил на стол полкроны.

— Да я вас дурачил, — сказал он.

Некоторые ребята даже заплестились. Им стало стыдно, что они только что так ругали Пруна.

— Спасибо, Прун, — сказал Тэд, и видно было, что он здорово смутился.

— Где ты стянул монету? — спросил Питер Батс.

— Она, наверное, фальшивая! — Топпи повертел монету, подбросил ее и даже на зуб попробовал. А потом опустил в копилку.

— Ну, Топпи, это уж слишком, — сказала его сестра. — Прун такой щедрый. Он просто дурачил вас, притворяясь, что не делает взноса.

— Да, здорово я их провел, а? — начал снова крикаться Прун, злорадствуя и хвастаясь. И сразу испортил то хорошее впечатление, которое ему удалось произвести на ребят. Но сейчас им было не до Пруна: я приступил к окончательному подсчету в моей бухгалтерской книге.

— 5 фунтов 8 шиллингов 6 пенсов!

Я объявил итог, и ребята радостно зашумели. Мы добились своего!

Просто не верилось, что так все здорово получилось. Нам некогда было решать, как поступить с деньгами, которые останутся после того, как мы заплатим 4 фунта 14 шиллингов и 6 пенсов за стекло, разбитое Ником. Мы договорились, что комитет соберется на следующее утро и обсудит этот вопрос.

Узнав про всю эту историю, мистер Ричардс, учитель английского языка, очень удивился, похвалил нас и целую неделю не называл нас «малышами».

Перевод Т. Порфирьевой и В. Рамзеса

ПОХОД „КУРС—ПОБЕДА!“

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ПОХОДА

Величайшей битвой второй мировой войны назвали историки Сталинградскую битву. В боях под Сталинградом фашисты поняли, что они обречены на поражение. «Сталинград» — это слово в те дни передавали в эфир радиостанции всех стран. В Сталинграде и на берегах Волги решалась судьба народов мира... В битве под Сталинградом сражались пехотинцы, артиллеристы, летчики, танкисты и моряки.

ЗАДАНИЕ № 2

Предлагаем всем участникам похода начать поиск материалов о ветеранах Сталинградской битвы.
Ждем ваших сообщений.

Штаб похода «КУРС—ПОБЕДА!»

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ПОХОДА

(ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЕ № 1)

Ночной таран фашистского бомбардировщика над Москвой совершил летчик Виктор Васильевич Талалихин в августе 1941 года. Виктору Талалихину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В октябре 1941 года летчик погиб в неравном воздушном бою.

Слова «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва» были сказаны политруком роты истребителей танков В. Г. Клочковым, одним из двадцати восьми героев, гвардейцев-панфиловцев. Они приняли на себя удар десятков фашистских танков и не пропустили врага к Москве. В этом бою Клочков погиб. Бой произошел у развязки Дубосеково. Двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев стали Героями Советского Союза. Их имена наш народ будет помнить вечно.

Отряд «Дружные и смелые», Ленинград

Оформление А. Курушина

ВОЕННАЯ ВИКТОРИНА ПОХОДА

1. 23 ноября 1942 года было завершено окружение фашистских войск под Сталинградом. Какие корпуса и части Советской Армии сомкнули кольцо вокруг врага? Где именно это произошло? Каким условным сигналом было отмечено окружение? Кто командовал соединениями советских войск, завершивших окружение фашистов под Сталинградом?

2. Развивая наступление под Сталинградом, советские войска освобождали родную землю. 13 января 1943 года рота 15-й гвардейской дивизии наступала на населенный пункт Рогачик. Сильный пулеметный огонь из дзота остановил наступление роты. Советский солдат-гвардеец подполз к дзоту и забросал его гранатами. Он погиб. Но ценой своей жизни открыл путь наступавшей роте. Кто был этот герой? Как Родина отметила его подвиг?

ОТ ПОХОДНОГО ИНФОРМБЮРО

Сотни отрядов включились в поиск. В редакции звонят телефоны, почтальоны приносят письма в адрес Штаба похода.

А пионеры из 274-й школы города Ленинграда сами пришли в Штаб и сказали: «Мы для нашего школьного музея собрали много интересного о героях-ветеранах Великой Отечественной войны. В Штаб похода мы принесли фронтовые письма ленинградского снайпера...»

ПИСЬМА ЛЕНИНГРАДСКОГО СНАЙПЕРА АЛЕКСЕЯ ПРЯДЕХИНА

Письмо первое

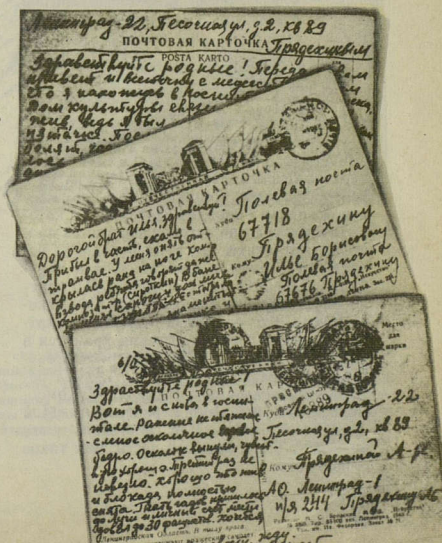
Здравствуйте, родные! Передаю вам привет и весточку с медсестрой о том, что я нахожусь в госпитале на ул. Герцена... Чудом остался жив, ведь я был на поле смерти, «Невском пятакче». После контузии отошел, а ноги болят, часть пальцев на левой ноге отвалилась после обморожения, и еще прихватила дистрофия. Я вам пишу, а сам вижу своих погибших товарищей, сгоревшую, пронзанную металлом и обгоренную кровью землю. Думаю, что скоро окрепну и снова пойду бить фашистское зверье. Приходите в госпиталь. До встречи. Крепко целую. Алексей.

Письмо второе

Дорогой брат Илья, здравствуй! Прибыл в часть, ехал в трамвае. У нас в части знаменитый снайпер Федор Дьяченко; и я с ним продолжаю личный счет мест фашистам. Илья, сохрани мой прицел, который я тебе отдал. С фронтовым приветом твой брат Алексей.
1943 год

Письмо третье

Здравствуйте, родные! Вот я и снова в госпитале. Ранение не тяжелое — осколочное. Осколок вынули, чувствую хорошо. Третий раз не повезло. Хорошо, что жив и блокада полностью снята. Гнать гадов пришлось до Луги, и личный счет мести довел до 30 фашистов. Хочется поскорее знать новости. Жду. Крепко целую.
6.04.44

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЛОКНЕТОВ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ. ИЗ СООБЩЕНИЯ РАДИО И ГАЗЕТ

КЛЯТВА

В. Лифшиц

Здесь я жил и трудился,
Здесь родился и рос.
Я с тобою сроднился,
Город, милый до слез!
Все прошел города я,
Но к тебе, Ленинград,
Где бы ни был, всегда я
Возвращался назад.
Нынче ты опоясан
Цепью взводов и рот.
Каждый сын твой обязан
Гнать врага от ворот!
И в одном из отрядов —
Твой боец рядовой —
Я, под градом снарядов,
В цепь залег за Невой.
Я клянусь — не ворвется
Враг в траншею мою!
А погибнуть придется —
Так погибну в бою,
Чтоб глядели любовью
Через тысячу лет
На окрашенный кровью
Мой партийный билет.

1941 год, сентябрь

ОТ АВТОРА

У этого безыскусного стихотворения, написанного мною в Кировской дивизии ленинградского Народного Ополчения в разгар боев под Ленинградом, есть соавтор. Капитан Геннадий Потемкин, с которым я никогда не встречался, где-то прочитал эти стихи, от руки переписал последнюю строфу и вложил в свой партийбилет. С фронта он не вернулся. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Его пробитый осколками партийбилет вместе с этими стихами хранится в Москве в Музее Советской Армии. Соавтором я считаю капитана Потемкина потому, что последнюю строку — «Комсомольский билет» — он переделал на «Мой партийный билет». Для советского поэта не может быть большей чести, чем такое соавторство.

1975 г.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО, 24 НОЯБРЯ
1942 ГОДА, УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ:

«На днях наши войска, расположенные на подступах Сталинграда, перешли в наступление против фашистских войск. В ходе наступления полностью разгромлены 6 пехотных и одна танковая дивизия противника. Нанесены большие потери 7 пехотным, 2 танковым и 2 моторизованным дивизиям противника. Захвачено за 3 дня боев 19 000 пленных и 360 орудий.

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о присвоении звания Героя Советского Союза партизанам Московской области М. А. Гурьянову, З. А. Космодемьянской и И. Н. Кузину».

«Правда», 17 февраля 1942 года

«Призыв янгильских колхозников об усилении помощи семьям бойцов Красной Армии нашел широкий отклик среди трудящихся Узбекистана. В ответ на обращение янгильцев колхозники Кассанского района Бухарской области выделили в фонд помощи семьям бойцов 53 головы скота, 78 центнеров зерна, 22 500 рублей наличными деньгами».

«Правда Востока» (Ташкент),
19 февраля 1942 года

«Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза [посмертно] партизанке Е. И. Чайкиной за отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецко-фашистских захватчиков».

«Правда», 7 марта 1942 года

«Советские летчики-истребители Алкидов, Силищев и Баклан на высоте 200 метров вступили в бой с 18 бомбардировщиками и 9 истребителями противника и сбили 4 бомбардировщика и истребителя».

«Труд», 25 марта 1942 года

«30 000 ленинградских ребят приняты в феврале на полный рацион питания в столовых школ, где они учатся».

«Ленинградская правда»,
10 февраля 1942 года

«В тяжелые дни минувшей зимы работники Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина стремились сохранить для Ленинграда, для страны богатейшие фонды своей библиотеки, и они сумели это сделать. Вот уже четвертую неделю вновь открыт и без перебоев работает читальный зал, который ежедневно заполняют десятки посетителей».

«Смена» (Ленинград), 22 мая 1942 года

В частях фронта усиливается тяга передовых бойцов в ряды большевистской партии. В одной только части, где комиссаром тов. Сайдаватолов, за день и ночь 13 февраля участниками последних боев было подано 75 заявлений о приеме в ряды членов и кандидатов ВКП(б).

«Правда»,
16 февраля 1942 года

ПЕТР АНДРЕЕВ

Рисунок Б. Семенова,
1942 г.

Зиму 1941—42 года я работал художником во фронтовой газете 55-й армии. Армия занимала тогда позиции в районе Колпина.

Я рисовал разведчиков, снайперов, артиллеристов, ходил с ними на передний край.

Был в нашей армии легендарный герой, настоящий народный мистификатор — Петя Андреев, командир снайперского взвода. Он истребил множество фашистов, а было тогда Петю не больше девятнадцати лет. До войны Петя жил в деревне, много читал, увлекался книжками о борьбе индейцев за независимость.

Как-то я пришел рисовать Петю для выставки слета снайперов. Петя ел кашу. И хотя я никак не показывал своего состояния, все равно, взглянув на меня, он догадался: я голодный. Тогда Петя заставил меня съесть миску каши и только после этого разрешил мне работать.

Б. Семенов

В 1942 году по приглашению командования одной дивизии я прибыл на фронт, в расположение дивизии — она находилась под Ленинградом. Там я нарисовал размером 3×4 метра несколько карикатур на Гитлера, Геринга, Геббельса. Эти рисунки были выставлены на переднем крае. Противник стал стрелять по ним из орудий и минометов. Осколки причинили мало вреда карикатурам, нарисованным на марле. Тогда разъяренные фашисты попытались подползти к ним. Точными выстрелами наши снайперы уничтожили одиннадцать гитлеровцев. Это случай, когда выражение «смех убивает» можно понять в буквальном смысле!

Владимир Гальба

ВЕЩЕЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

НАПОЛЕОН, КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ — ГИТЛЕРУ:
„НАШЕ ПРОШЛОЕ — В НАШЕ БУДУЩЕЕ!“

Рисунок В. Гальбы, 1942 г.

*****

«Ребята Горьковской области первыми в Союзе начали сбор денег на танки. Скоро танки отправят на фронт. А пока он стоял в парке, командир экипажа товарищ Ленева усадил в него ребят и прокатил их. Танк «Горьковский пионер» открывает танковую колонию «Пионерия». Выходите на соревнование, ребята!»

«Пионерская правда»,
21 января 1942 года

«Из Алтайского края в Москву прибыл 2-й эшелон с подарками для бойцов и командиров частей Западного фронта. Трудящиеся Алтай привезли фронтовикам 18 вагонов мясных изделий, масла, сыра, меда, битой птицы и других продуктов, а также белье и тысячу индивидуальных подарков».

«Красная звезда»,
1 апреля 1942 года

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 19-й

Первое заседание клуба следопытов „Поиск“

«...После боевого траления тральщик возвращался в свой порт. Стояла непривычная тишина. И вдруг все, кто был на мостике, услышали громкий и звонкий голос Коли:

— Справа сорок пять градусов! Перископ!

Кренясь, рванулся тральщик вправо, и пошли переворачивать спокойное море взрывы глубинных бомб...»

Так заканчивался рассказ бывшего комиссара тральщика «Мина» Николая Васильевича Воронцова о юнге Коле Ознобаеве (см. «Костер» № 12, 1974 г.).

«Морская газета» предложила следопытам «Поиска» разыскать Колю Ознобаева, узнать о судьбах других членов экипажа тральщика и восстановить славные страницы истории этого корабля.

В редакции состоялось первое заседание клуба «Поиск». В гости к следопытам пришел Николай Васильевич Воронцов.

Первый вопрос бывшему комиссару тральщика задала Оля Смирнова (г. Пушкин, школа № 297):

Фото Ю. Хвостова

Наш отряд ведет поиск Коли. В каком году Коля ушел с тральщика?

Воронцов: В 1944 году Коля Ознобаев был оставлен в освобожденной от фашистов Одессе. Он хотел разыскать родственников...

Света Степанова (та же школа): Чем Коля интересовался?

Воронцов: Была война, ребята. Мы думали только о победе над врагом. Старались, чтобы тральщик был всегда готов к бою. Тем же был занят и Коля. Он хотел все знать о корабле, изучал его устройство. Все его интересы в те дни были — корабль...

Сережа Белозеров (школа № 517, Ленинград): Николай Васильевич, с кем из бывших членов экипажа вы переписываетесь?

Воронцов: Если вы помните, на фотографии, где снят Коля, рядом справа стоит командир отделения сигнальщиков — Кравченко. Как я недавно узнал, Кравченко жив. Вот его адрес: БССР, Витебск, Смоленское шоссе, дом 11, корпус 2, квартира 28, Кравченко Валентин Васильевич.

Юра Поляков (школа-интернат № 18, Ленинград): Есть ли у вас фотографии тральщика?

Воронцов: У меня есть фотографии. Они плохого качества. Но у меня есть и точный рисунок. И я хочу рассказать историю этого рисунка.

ИСТОРИЯ РИСУНКА

22 мая 1943 года тральщик «Мина» сопровождал транспорт «Интернационал». На море был полный шторм. Мы усилили наблюдение за морем и воздухом. Вдруг со стороны моря на нас налетели фашистские самолеты. Мы прикрыли транспорт огнем. Самолеты пикировали на нас со всех сторон, сбрасывали бомбы, стреляли из пушек и пулеметов. Стволы орудий тральщика раскалились, и краска на них, потемнев, задымилась. Пули и осколки несли смерть со всех сторон, но никто не

покидал своих постов... Пулеметчику Семёну Чомо перебило руку. Он, почти теряя сознание, послал очередь в брюхо «юнкерса». Бомбардировщик загорелся и врезался в волны... Но от бомбы запылал и наш тральщик... Все-таки мы отбили от самолетов, потушили пожар, заделали пробоины и с приспущенным флагом в знак траура по погибшим шести членам нашего экипажа пошли в Туапсе. Задание мы выполнили. А рисунок этот был сделан сразу же после боя. На рисунке — подпись «Маринич», значит, он был сделан матросом В. Мариничем, который служил на тральщике. Он очень точный. Виден даже падающий самолет, который сбил пулеметчик Чомо.

Такова история этого рисунка.

На этом заседание клуба следопытов «Поиск» закончилось.

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«РЫБАКИ»

Валерий Завада, 12 лет, Ростов-на-Дону

НАМ СООБЩАЮТ

Мы организовали клуб «Поиск» и теперь обращаемся через «Морскую газету» ко всем ребятам. В годы Великой Отечественной войны у нас на Соловецких островах была школа юнг ВМФ СССР. За четыре года она подготовила много морских специалистов.

Мы были участниками Всесоюзного слета юнг-ветеранов и красных следопытов. Сейчас мы разыскиваем дополнительные материалы о Соловецкой школе юнг. Кто может нам сообщить сведения о юнгах этой школы?

Красные следопыты
клуба «Поиск», острова Соловки
Архангельской области

Стрелки о море

*Послушай, послушай, послушай!
Нак дальние грозы гремят,
Нак море бушует, послушай,
Нак чайки над морем кричат.*

*Ах море, ах синев море!
Шумишь ты и манишь меня...
Мечтаю и верю, что вскоре
Я снова увижу тебя!*

Ира Бойцова,
Хабаровск

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Летом я поехал на Черное море, в город Керчь. Во дворе дома, где мы жили, я нашел себе товарища. Мы сделали с ним модель подводной лодки. Эту лодку мы пускали прямо в Черном море. Ходила она хорошо. Настало время уезжать. Мы заспорили, кому взять лодку. Долго спорили, а потом взяли и подарили подводную лодку мальчику Вове. Никому из нас не было обидно, и мы были рады, а еще больше радовался Вова.

Валерий Шамов,
г. Харовск

ПРИРУЧИЛ ДЛЯ ОХОТЫ

Тигровую акулу для охоты на морских зайцев приручил австралийский школьник Бритт Морфи из Мельбурна. Акула очень послушна и откликается на имя «Шустрая».

Каравеллы начали строить с начала XIV века в Испании и Португалии — самых могущественных тогда морских странах. Это были легкие однопалубные корабли с высокими бортами, на которых крепились несколько небольших пушек, стрелявших ядрами величиной с яблоко. На корме и в носу делались надстройки — тольды. Здесь были каюты капитана и кормчего. Матросы спали где и как придется, не раздеваясь... Для далеких плаваний каравеллы были приспособлены лучше норвежских аскров. На этих кораблях и начали моряки эпоху Великих географических открытий...

«Нинья» — одна из трех каравелл Колумба. «Нинья» по-испански значит — «Детка», «Малютка». Колумб хвалил мореходные качества «Ниньи». Рейс через Атлантику каравеллы Колумба совершили за тридцать три дня!

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

в которой
пищит „морзянка“,
а ирландский
сеттер
Флайнг Ноуз
иско пересекает
пространство

Тем временем Геннадий Стратофонов не покидал своей квартиры на улице Рубинштейна, ибо только здесь он мог, по его выражению, «держать руку на пульсе событий». Несколько раз он выходил в эфир и связывался со своими постоянными корреспондентами-коротковолновиками: вдруг кто-нибудь из них тоже примет таинственные призывы о помощи?

Международная дружба радиолюбителей-коротковолнщиков широко известна, и порой она принимает весьма трогательный и полезный для человечества характер. Все помнят, что сигналы несчастных из арктической экспедиции Нобиле были приняты советским сельским любителем на слабеньком детекторном приемнике. В пятидесятые годы весь мир обошла потрясающая история, как коротковолновика разных стран помогли спасти экипаж норвежского траулера, пораженный грозной инфекцией.

Гена был уверен, что его заочные друзья окажут ему любую посильную помощь, и потому сообщил о неясных сигналах и научному сотруднику заповедника в Танзании, и монгольскому овцеводу, и скрипачу из Эдинбурга, и гавайскому педагогу, и мальчику-почтальону с Фольклендских островов, и метеорологу с Памира, и боксеру из Буэнос-Айреса.

Цепь дружбы начала работать немедленно. Прошло совсем немного времени, и вышел на связь мальчик-почтальон Мик Джеггер. Вздвинуто он сообщил, что его старый друг, вождь племени Фуруруа с атолла Чуруруа третьего дня выловил в эфире отчетливый призыв спасти для человечества огромные ценности, заключенные в сундучке, в котором что-то стучит... Больше ничего вождь племени выловить не смог, но сообщил мальчику-почтальону, что, по его мнению, сигналы идут из Микронезии. Вождь обещал поставить на ноги всю сеть своих постоянных корреспондентов, а именно: председателя воеводского комитета профсоюз горняков из Силезии, хозяина трактира из Калабрии, инспектора пожарных команд из Брауншвейга, кинооператора с озера Чад (Центральная Африка), отставного магараджу Лумпура и счетовода из Ленинграда Цитронского Льва Степановича.

Гена после этого сообщения Мика Джеггера открыл телефонную книгу и с удивлением обнаружил, что заочный друг вождя Фуруруа проживает в совсем близком соседстве, а именно на той же улице Рубинштейна и даже в их доме, но только в другом подъезде. Не успел он это обнаружить, как позвонили в дверь, и Цитронский Лев Степанович предстал перед Геной лично в своих небесно-голубых нарукавниках и в наушниках на чудачковатой приятной голове.

— Простите за беспокойство, — сказал Лев Степанович, — но четверть часа назад мой старый друг товарищ Фуруруа с атолла Чуруруа дал мне ваши координаты, и я счел своим долгом засвидетельствовать вам уважение и выразить готовность...

— Дорогой Лев Степанович, вы опередили меня на несколько минут! — воскликнул Геннадий. — То же самое я собирался сделать по отношению к вам.

Так завязалась еще одна ниточка дружбы. Вот урок иним мизантропам мира. Современная цивилизация соединит людей через неогромные океаны и даже через перегородки собственного дома.

Цитронский оказался как нельзя кстати. Геннадий попросил почтенного бухгалтера периодически выходить в эфир и расширять круг поисков, а сам собрался на стадион. Дело в том, что в этот вечер должны были скрестить ракетки в финале районных пионерских соревнований две смешанных пары: Наташа Вертопрахова и Валентин Брюквин, Даша Вертопрахова и Геннадий Стратофонов.

Гена положил было уже в сумку теннисные туфли, ракетку и мячи, как вдруг в глубине

квартиры зазвонил телефон. Гена вздрогнул, он чувствовал, что и этот звонок неспроста. Все теперь будет неспроста, это он понимал еще тогда, несколько дней назад, когда ветерок Приключения под видом обычного сквозняка прогнулся по их квартире.

В самом деле, это звонил сенатор Кучче, толстяк — радикал из далекого Оук-Порта, верный друг, с которым вместе год назад боролись они против черных сил мировой мафии.

— О, Пафнутти, хава ай! глядуй хиростю! — с искренней радостью вскричал Гена.

— О, Джинадо, хава плюзаро тур мнос юст ноун форгетул мумзери лингаус! — вскричал Пафнутти Кучче.

Слышимость была неплохая. Надо сказать, что прошлогодние события вывели островитян Больших Эмпиреев из исторической консервации. Островитяне вдруг начали активно пользоваться разными благами современной цивилизации и, в частности, телефоном. Больше того, они так увлеклись возможностями сверхдальней связи, что по меньшей мере треть бюджета республики уходила на телефонные переговоры с разными странами. Геннадий уже привык, что вдруг среди ночи его будил звонок футболист Рикко Силла, или бывший президент, а ныне парикмахер Токтомуран Джечкин, или даже дельфин Чобби Чаккерс, ныне служивший капитаном столичного порта и главным лощманом Республики.

Теперь мы переводим на русский язык дальнейший разговор Геннадия и сенатора Кучче, ныне премьер-министра страны.

— Вы, дорогой Пафнутти, должно быть, звоните мне по поводу сундучка? — спросил Геннадий.

— Не понял! — прокричал Пафнутти через океаны.

— По поводу сундучка, в котором что-то стучит? — пояснил свой вопрос Гена. В ответ послышались звуки, похожие на серьезные атмосферные явления, но в то же время наполненные трогательным человеческим содержанием.

— В чем дело, Пафф? — забеспокоился Гена.

— Я плачу, — сквозь эти явления ответил премьер. — Я растроган до слез твоим, Гена, вниманием к нашей маленькой стране. Ты знаешь даже полузабытые легенды.

— Срочно расскажите мне эту легенду, — попросил Гена.

В мировой телефонии возникли новые явления, похожие на стыдливое похрюкивание.

— Мне немного стыдно, но я помню эту легенду только наполовину, ведь она полузабыта, — сказал Кучче. — Однако попробую...

Оказалось, что легенда о сундучке из дерева «сульп» уходит куда-то в необозримые времена, когда нарождающееся человечество разрозненными клочками и даже в одиночку путешествовало по пустынной планете среди красивых, но грозных в своей загадочности явлений природы, чуть ли не к тем временам, когда мореплаватель Ион с тремя сыновьями: Мисом,

Махом и Тефя — шмякнулся на своем катамаране через стену прибой на шелковистый пляж необитаемого архипелага.

Сундучок переходил из эпохи в эпоху, из рук в руки, из алчных в благородные и наоборот и обростал малыми легендами, словно ракушками, хотя на его гладкой поверхности не оставалось ничего, кроме нерасшифрованной монограммы. Достоверно было известно лишь, что в нем что-то стучит, но ключа к нему подобрать не смогли, да и замок к тому же не был обнаружен, разбить же его благородные руки не решились, алчные же — вот еще одна загадка — не могли. Небосьищис был сундучок!

Естественно, многие думали, что в сундучке скрыто черт-те что: то ли неслыханной ценности бриллианты, то ли чрезвычайно ценные культуры. В середине прошлого века «кпюты» с Карбункула пустили слух, что именно в этом сундучке спрятал украденный на пиратском бриге гигантский алмаз несчастный свистун Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться от возмездия на островах Кьюри и там одичать. Известно было, что шайки с эскадры кровавого бандита Рокера Бугги рыскали по островам в поисках сундучка до самой решающей схватки с клипером «Безупречный». Потом следы сундучка окончательно затерялись...

— Мы нашли эти следы! — вскричал Гена. — Пафнутти, похоже на то, что скоро мы вернем нашему народу его достояние!

— Хорошо бы к от-

Рисунки М.
Беломлинского

крытию, — сказал сенатор. — Ведь я звоню тебе, дорогой Гена, совсем не из-за сундучка, о котором наш народ уже почти забыл, хотя и не отказался бы обрести его вновь, даже не зная, что там стучит и стучит ли вообще, и нужен ли этот стук нашему красному народу, и не нарушит ли он гармоническое равновесие между островами...

«Эге, — подумал тут Гена, — уж не становись же ты рутинером, дорогой Пафнутти?»

— ...И подлинные ли кроются там ценности, а не мнимые ли, и не разбудят ли они нездоровые страсти среди некоторых граждан Оук-Порта, которые в последнее время отряхивают пыль со своих пиратских предков, овеванных флером псевдоромантики и забывают или отодвигают на второй план других своих предков, виноградарей и рыбаков с их простой, но не менее яркой судьбиной, а совсем из-за другой причины.

— Что? — спросил Гена не без растерянности. — Я несколько запутался в вашей фразе, дорогой и уважаемый друг.

— Не из-за сундучка, а из-за музея, — чуть-чуть яснее сказал сенатор. — Мы открываем музей нашей истории и приглашаем на открытие все потомство нашего национального памятника, а также сестер Вертопраховых, капитана Рихошетникова, его семью, весь экипаж корабля «Алеша Попович» с членами их семей и друзьями, а также всех людей доброй воли, по твоему усмотрению.

— Спасибо, Пафнутти, мы обязательно приедем, а вы пока...

Он хотел попросить премьера начать поиски

таинственного коротковолновика, используя помощь вожда Фуруруа (ведь от Эмпиреев до Микронезии гораздо ближе, чем, к примеру, от Ленинграда до Гренландии), но тут по длинным коленам мировой телефонии и по всем ее стыкам прошла нервная дрожь: голос Кучке уплыл и растворился, и забормотало сразу несколько десятков голосов — тери таузерид ов миллион... твенти поинт сикс нер сент... комма... хальб дритте... масимаси... кванто оа... хав пунд... тити-мити, — Геннадий понял: мировую валютную систему вновь лихорадит.

Он поднял мяч для подачи и вдруг задумался. Весенний закат пылал над островами. Он пылал равномерно для всех, в том числе и для нас с вами, но, в самом деле, давайте скажем прямо — весенний закат над островами для тринадцатилетних детей пылает сильнее, чем для их сорокалетних родителей. Он стоял с мячом над головой и думал, глядя на весенний закат над островами, хотя это были родные Кировские, а не те далекие, далекие, далекие, где когда-то, год назад, он встретил свою партнершу в сегодняшнем матче — Дашу Вертопрахову, в те времена еще именуемую Доллис Накамуре-Бранчовской.

Отягощенный этими воспоминаниями Гена подал мяч, а неотягощенный воспоминаниями Валентин Брюквин тут же погасил его. Зрители, а их было немало, ибо рядом с кортом находился дом отдыха ветеранов сцены, взорвались аплодисментами. Назревало сенсационное поражение ранее почти непобедимой пары.

— Генка, ошетинимся? — услышал он горячий шепот Даши. Удивительно, как быстро овладевала эта бывшая иностранка разными школьными ленинградскими словечками.

Гена вновь повернулся лицом к закату и вдруг увидел в небе на огромной высоте странное закатное облачко — зеленый корабль под оранжевыми парусами. Корабль стоял в необозримом пространстве, пронизанном лучами уже окунувшегося в западную Балтику солнца, и как бы подчеркивал своим присутствием необозримость этого пространства и необозримость мечты и безграничные возможности переходного возраста. Это был ответ на вопрос «а не лучше ли?» «Нет, не лучше, — сказал сам себе мальчик, — отнюдь не лучше устраниваться и предаваться удовольствиям, чем идти на помощь тем, кому наша помощь потребна!»

В небе над кортом сделала круг крупная птица. Гена взгляделся. Бог ты мой, это был старый друг чайка-самец Виссарий из устья Фонтанки. Нет, неспроста прилетел он сюда. Ему тоже хотелось стать участником приключения. Не прошло и пяти секунд, как вдоль провололочной сетки замелькали рыжие, огненные пятна. — это мчался ирландский сеттер Флайнг Ноуз, друг Пуша Шуткина. Еще через секунду нас Шуткин спрыгнул неизвестно откуда на теннисную сетку и сделал лапой жест — внимание!

Наташа Вертопрахова возмущенно топнула ножкой: прерывался матч, уплывала прямо из рук долгожданная победа над Геннадием Стратофоновым!

— Брюквин, что вы скажете по этому поводу?

— Нет комментариев, — без интонации ответил Валентин и отступил в сторону, гордо играя трехглавым мускулом бедра.

Не прошло и минуты, как на теннисном корте появилось еще одно животное — клочковатый пудель Онегро влетел с несвойственной ему прытью, галопируя передними лапами и тормозя задними, разбрасывая клочьями пену и волоса за поводок своего задыхающегося хозяина, Питирима Кукк-Ушкина.

— Товарищ Стратофонов, я вас ищу! — вскричал нелюдимый «инвентор» и бросился вдруг перед мальчиком на колени.

Трибуны разразились аплодисментами. Многие смахнули слезы с пожелтевших от грима щек.

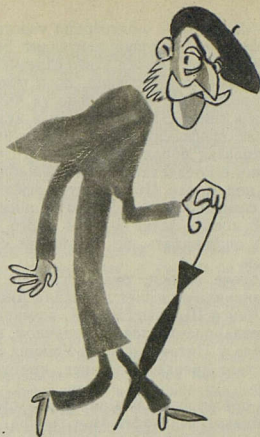
— Вот за что я люблю теннис, — сказал ветеран сцены Даульский ветеранке Крошкиной, — какая неожиданная драматургия! В третьем сете врывается старик и падает перед чемпионом на колени! Великолепно! Даже в классике такого не бывает. Там всегда знаешь наперед, что Сильву Мореску задушат из ревности.

— Питирим Филимонович! — воскликнул мальчик. — Вы на коленях? Перед несовершеннолетним?

— Оставьте меня! — властно сказал Кукк. — Дайте мне сказать! — не вставая с колен, он быстро причесался оловянной расческой и загворил с совершенно невероятной экспрессией:

— Дети, и вы, ветераны сцены, и вы, разумные звери, включая птиц, и вы, шуршащие нежной листвою деревья, и вы, розовощекие небеса, и ты, Онегро, живое воплощение моих сорокалетних трудов, все присутствующие, — знайте, что Питирим Филимонович Кукк-Ушкин — совсем не вредный человек! Много лет, подавшись поверхностному, но магнитному чувству тщеславия, я сторонился общественности и даже зарекомендовал себя мизантропом, но вот сегодня произошел перелом. Кому я обязан этим переломом? Вам, товарищ Стратофонов, мужественный потомок командира моего предка флотского лекаря Фогель-Кукушкина, вашему примеру, дорогой товарищ юный пионер! Вот именно благодаря вашему примеру я понял, что истинный смысл моей жизни состоит не в будущих монументах и каналах моего имени, а именно в том, к чему вы призывали через закрытые двери — к служению идеалам человеческой цивилизации! И вот теперь, товарищ Стратофонов, когда я все понял, и когда я созрел для этого монолога, я вынужден закончить его тяжким сообщением — сундучок, в котором что-то стучит, пропал!

Не будем говорить о том, какими аплодисментами наградили этот страстный монолог ве-

тераны сцены, не будем описывать и тревогу, охватившую всех участников теннисного матча, их друзей-животных и членов семей.

Оказалось, что в районе бульвара Профсоюз многие дворники знали в лицо Ксантину Ананьевну, но никто не знал, к какому жэку она принадлежит.

Дворник Шамиль, например, рассказывал: — Я мету панель от овощной палатки до киоска «Союзпечать», а от киоска метет Феликс Грибов, но он сейчас поступил в Университет на очное отделение и больше не метет, а вместо него мела вот эта дама в фирменных очках, которой вы интересуетесь. Я ее спросил, не родственница ли она Феликсу, а она сказала, что тетя. Феликс — лингвист, и я лингвист, и тетя оказалась тоже лингвист. Мы с ней по утрам перебрасывались фразами на рето-романском языке. Это такая вымирающая народность в горной Швейцарии.

Дворник Феликс в свою очередь поведал следующее:

— Я, конечно, стараюсь теперь мести свою участок от киоска до парикмахерской по вечерам, потому что утром посещаю лекции по матлингвистике. Частенько на участке Шамиля встречал странную даму, похожую на мужчину. Однако дама была дамой, потому что интересовалась одним пожилым гражданином с собачкой. Как-то я спросил ее, не родственница ли она Шамилю, а она ответила, что тетя — Шарафетдинова Раиса из Перми, специалист по руническим письмам. Это далекая от меня сфера, и потому я теткой этой перестал интересоваться, хотя и перекидывался иногда фразами на северо-норвежском диалекте.

— Выходит, что панель от овощного киоска до парикмахерской подметалась дважды? — спросил Гена.

— Именно, — подтвердил участковый уполномоченный старший лейтенант Бородин. — Повышенная чистота этого отрезка меня принципиально интересовала, но я относил это за счет возросшей сознательности Фельки и Шамиля в связи с поступлением в вузы. Дворник сейчас профессия очень дефицитная, и порой приходится пополнять кадры за счет интеллигенции с предоставлением служебных помещений под жилье. Что касается аферистики, то ее, без сомнения, встречал, но принимал за чудака. В моем участке чудаков много, и если каждого опрашивать, не хватит ни сил, ни здоровья.

Короче говоря, оказалось, что фальшивая дворничиха-лингвист Ксантина Ананьевна, она же Раиса Шарафетдинова, исчезла без следа. Исчезла, разумеется, с сундучком, который она изыала у Питирима Кукк-Ушкина при помощи простого древнейшего акта, именуемого «кражей».

В обескураженном молчании стояла на углу бульвара Профсоюзная группа порядочных людей в составе Гены Стратофоновца, его родителей, сестер Вертопраховых и Валентина Брюквина, капитана Рихошетинова, гардеробщицы Кукк-Ушкина, дворников Шамиля и Феликса, участкового уполномоченного Бородинна.

В робких сумерках гуляли буйные ветры, что бывает частенько в нашем городе, и под ударами этих ветров мимо наших героев прошел некто в черной хлопающей крылатке с длинным дикиensoвским зонтом в сильной желтоватой руке и в огромном черном же наваррском берете на суховатой голове, украшенной седоватыми бакенбардами и усами.

«Вот еще один чудак, — подумал участковый. — Задержать? Проверить? Нет, нельзя. Не этично как-то получается. Идет себе чудак, никому не мешает, а я — с проверкой. В городе столько развелось чудаков, что не хватит ни сил, ни здоровья...»

Персона прошла мимо группы героев вполне независимо и безучастно, лишь только коснувшись группы сардоническим взглядом. Никто ей и вслед не посмотрел.

Никто, кроме Гены. Этот последний почувствовал нечто странное, нечто похожее на прикосновение холодного кончика шпаги, странное чувство, прошедшее холодком вдоль всего позвоночника и заставившее даже сделать несколько шагов в сторону. Неотчетливая интуиция, так можно было бы назвать это чувство.

— Геннадий, ты куда? — строго спросили тут же сестры Вертопраховы.

— А вам-то что?! — вдруг заносчиво воскликнул наш мальчик и тут же взял себя в руки, подумав: «Что это я? Что это я так кричу? Ох, ломает, ломает меня переходный возраст...»

— Я... собственно я... я собственно на Крестовский к Юрию Игнатьевичу... — пробормотал он. — Ведь надо же... ведь надо же... Ведь надо же посоветоваться же!

— Ох уж! — сказали сестры, вздернув носи-

ком, и посмотрели на Валентина Брюквина, который тут же отвел в сторону ногу и завершил диалог своим постоянным:

— Нет комментариев!

Геннадий между тем перебежал перекресток и сел в трамвай дальнего следования, лишь краешком глаза заметив, как с передней площадки прыгнула в тот же трамвай черная крылатка. Никакой особой нужды в совете старшего авиатора у мальчика не было. Ясно было и без всяких советов, что следующим шагом группы порядочных людей должен быть шаг в «Интурист» для наведения справок о заморском коллекционере. Гена прекрасно это понимал и вполне был уверен, что именно в «Интурист» сейчас и направятся оставшиеся. Что же толкнуло его в трамвай, следующий на Крестовский? Черная хлопающая под ветром крылатка, прошедшая мимо них, ее беглый сардонический взгляд? Но какая же связь между этой крылаткой и авиатором Четверкиным? Не менее двадцати трамвайных пролетов отделяет Исаакиевскую площадь от Крестовского, и почему бы этой крылатке не сойти на одной из двадцати остановок, не войти в какой-нибудь свой старый дом, в какую-нибудь свою старую квартиру, не зажечь какой-нибудь свой старый камин, не сесть рядом, завернувшись в какой-нибудь старый плед, и не раскрыть какую-нибудь свою старую книгу, почему бы нет?

И все же именно черная крылатка побудила Гену броситься к трамваю, именно мгновенное настроение, возникшее на ветреном перекрестке в связи с появлением там хлопающей крылатки, именно особое настроение этой минуты толкнуло мальчика на нелогичный шаг.

Впрочем, в трамвае мальчик и думать забыл о черной крылатке, которая сидела на нескольких рядах впереди и читала газету «Утренняя звезда» на английском языке. Мальчик думал одновременно о многом, мысли его прыгали с предмета на предмет: с радиосигналов из Микронезии на сестер Вертопраховых с их заносчивостью, с универсальной еды Питирима Кукк-Ушкина на предстоящую годовую контрольную по алгебре, с предстоящей поездки на Большие Эмпиры на свой «переходный возраст»... Все не совсем ясные ощущения он относил теперь за счет своего переходного возраста, о котором слышал столько тактично приглушенных разговоров в своей семье. Вот и сейчас его снесало какое-то неясное беспокойство, и он думал: «Ох ломает, ломает меня переходный возраст...» О сундучке, в котором что-то стучит, о пропавшем сундучке он, конечно, тоже думал, но, как ни странно, без особого беспокойства. Сундучок был конечной целью его нового приключения, а цель, все-таки даже удаляясь, даже порой исчезая, остается целью. Цель остается целью, здесь все в порядке. Что же беспокоит его сейчас, и почему ему так безотлагательно захотелось увидеть Юрия Игнатьевича?

Подойдя к этой мысли, он вдруг обнаружил

себя в полном одиночестве. Пустой ярко освещенный вагон подходил к последней остановке.

Гена выпрыгнул в темноту, послушал с неизвестным ранее волнением (переходный возраст!), как скрипят и трепещут листвою огромные деревья Приморского парка Победы, и шагал к дому Четверкина.

Он застал своего нового старого друга в воротах. Авиатор выходил из сада с двумя плетеными корзинками в руках. В корзинках были банки моторного масла.

— Привет, дружище Геннадий! — быстро сказал старик. — Собираюсь сменить масло в аппарате. Не хотите ли сопутствовать?

Геннадий взял у него одну из корзин, и они пошли к ангару по пустынной, шумящей на ветру аллее.

— Есть ли новости из мирового эфира или от четырех львов с золотыми крыльями? — спросил авиатор.

— Есть, и побольше, — ответил Геннадий и стал рассказывать Юрию Игнатьевичу обо всех событиях прошедшего дня.

Четверкин внимал мальчику, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного слова, как вдруг ахнул и схватился рукой за трепещущую в сумерках молодую осинку.

Двери ангара были открыты, и там в глубине блуждал огонек карманного фонарика.

— Воры! — вскричал авиатор. — Держи! — и ринулся вперед, забыв обо всем, и об опасности в первую очередь.

Фонарик тут же погас. Темнота внутри ангара сгустилась. Конечно, произойди это в 1913 году, юноша Четверкин, безусловно, заметил бы, что особенно тьма сгустилась слева от входа, что там согнулась какая-то фигура. Увы, шестьдесят лет срок немалый даже для орлиных глаз, и авиатор не заметил фигуры — он мчался навстречу гибели!

«Так вот для чего интуиция приказала мне ехать на Крестовский!» — подумал мальчик Гена, подбегая сзади к фигуре и бия ее одним из тех приемов, что освоил когда-то в так называемом санатории д-ра Лафону, в окрестностях Лондона.

Прием был проведен удачно. Четверкин проскользнул в ангар, ничего не заметив, а фигура грузно осела набок, уронив на асфальт какое-то звякнувшее оружие.

Нож? Кастет? Пистолет? Геннадий не успел протянуть руку к упавшему предмету, как увидел летящий снизу к его подбородку тупой нос огромного ботинка. Он узнал один из приемов тайландского бокса, но защититься не успел, и в этот же миг искры полетели из его глаз.

Когда Юрий Игнатьевич включил электричество внутри ангара, широкий сноп света осветил аллею и на ней крупного мальчика, сраженного приемом тайландского бокса, а рядом с мальчиком сверкающий, как новогодняя игрушка, пистолет с длинным стволом и глушителем. Метрах в десяти от ангара некто в хлопачей под ветром крылатке — странная по-

лукомическая, полудемоническая фигура — вытаскивал из кустов мотоцикл.

Когда Геннадий поднял голову, рядом взревел мотоцикл. Чуткие ноздри мальчика сквозозапах бензина уловили запах изысканной парфюмерии — вот странно: переплетались мужской одеколоном «Шик-24» и тончайший женский «Мадам Роша».

— Ха-ха-ха! — послышался хриплый смех. Запах никотина и алкогольной изжоги заглушил парфюмерию и бензин. — Ха-ха-ха-ха-ха! — торжествующий хохот, короткий взрев мотора, потом стрекотание — и мимо, за кустами, промелькнула крылатка, наваррский берет, твердый желтый нос, седой ус и бакенбард.

Торжествующий, какой-то животный хохот еще стоял в ушах Гены, когда он приподнялся на одном локте и взглянул на сверкающую «елочную игрушку». Вдоль ствола тянулась витиеватая надпись: «Мэйд ин Дисней-лэнд». Геннадий вспомнил, что такие шутовские надписи были выбиты на самом страшном оружии унаемников из госпиталя д-ра Лафону, а производилось оно в Гонконге какой-то подпольной фирмой.

Он вскочил на ноги и попал в заботливые объятия старика.

— Дружище Геннадий, что с вами? Вы целы?

— Дружище Юрий Игнатьевич! — вскричал Гена. — На тандеме мы не угонимся за злоумышленником. Не могли бы вы подняться в воздух? Это единственная возможность...

Видно было сразу, что старик в течение своей жизни побывал в разных переделках и не привык в этих переделках задавать лишних вопросов. Он немедленно бросился в кресло своей допотопной птицы и включил вполне современный жигулевский стартер. Мотор не заволился.

Четверкин поднял капот, похожий на бочок десятиведерного тульского самовара, и увидел струйку бензина, вытекающую из бензопровода. Бензопровод был разрушен. Злоумышленник выломал из хитроумной системы Юрия Игнатьевича его любимую деталь, так называемую «флейточку».

Флейточка и в самом деле была похожа на древний музыкальный инструмент, эдакая дудочка с тремя клапанами. Она попала в руки авиатору полвека назад при странных обстоятельствах, о которых он расскажет позднее. Сейчас он повелает своему юному другу лишь об одном удивительном свойстве любимой флейточки.

Когда-то в двадцатые годы Четверкин конструировал очередной двигатель и вдруг хватился, что ему нечем нарастить бензопровод. Тогда и додумался он нарастить бензопровод флейточкой, предварительно окутав ее толстой медной проволокой. Тогда и заметил Четверкин странное свойство. Мотор стал заводиться в любую погоду, в любую сырость, в любой мороз. Она, эта флейточка, как будто прогревала всю бензосистему, как будто сохраняла

тепло. С тех пор Четверкин стал вставлять ее во все свои конструкции и даже брал ее с собой в арктические экспедиции. Полярники не раз удивлялись, как легко заводятся многотонные «Аны» пилота Четверкина, а он только усмехался.

— Вы хотите знать, дружище Геннадий, что за странность была в этой флейточке? Дружище мой мальчик, она была теплой! Она всегда была очень теплая, на любом морозе...

— Как будто бы была сделана из дерева «сульпы»... — задумчиво проговорил Гена.

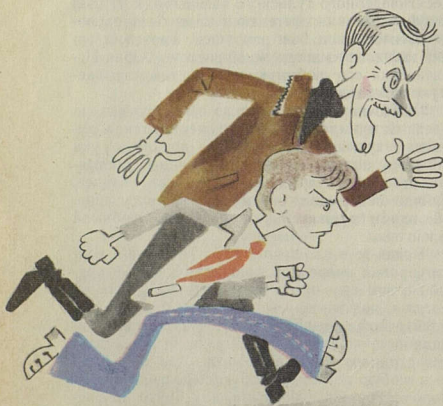
— Что?! — вскричал пилот. — Что-что-что? Дружище юный пионер, не кажется ли вам, что мы, благодаря вашей удивительной интуиции, вновь оказались на пороге тайны?

— Мне кажется, — тихо сказал Гена. — Мы оказались на пороге, но...

Дома он застал веселое оживление. Все чемоданы и баулы были вытащены и туда бросалось имущество, в основном летние короткие маленькие вещи легкомысленных расцветок. Оказалось, что вопрос о поездке на Большие Эмпирии решен положительно, и все собираются в дорогу.

— А что же синьор Адольфус Сестина Сиракузерс? — спокойно спросил Геннадий, прикрывая носовым платком распухшую на таиландский манер нижнюю челюсть.

— А вот с этим маленькая неувязочка, дружище сын, — весело сказал папа Эдуард — В «Интуристе» нам сообщили, что скотопромышленник улетел вечерним самолетом компании «Панам» в Стокгольм. Сундучок, разумеется, он увез с собой. Мы уже сообщили об этом в Оук-Порт сенатору Куче. Республика будет добиваться возвращения национального достояния по дипломатическим каналам.

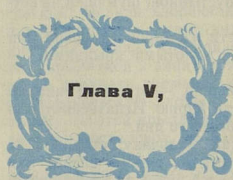
Носовой платок упал на пол, и тут же послышался смех. В окна Стратофонтовой квартиры смотрели лукавые лица сестер Вертопраховых.

— Ой, Генка, — сказала Даша, — с этой челоюстью ты стал чем-то напоминать полковника Мизераблеса.

— Неуместная шутка! Глупое сравнение! — воскликнул, побавровев, Геннадий. — Валька, почему ты молчишь?

— Ну комментс, — ответил с улицы Валентин Брюквин.

Он стоял на тротуаре и поигрывал мускулами ног. Таким образом он приучил себя бороться с капризами переходного возраста.

в которой
происходят такие
обычные вещи,
что опытные люди
предпочитают спать,
закрыв лицо
газетой
„Ежедневное зеркало“

В Париже, в аэропорту Орли, была пересадка. Здесь потомки капитана Стратофонтова и сопровождающие их лица должны были пересестись с лайнера «Аэрофлота» на лайнер «Эр Франс», чтобы лететь до острова Маврикий и там пересестись на лайнер компании японского общества «Джайл» и лететь на Зурбаган, а там пересестись на лайнер «Грин», чтобы перелететь в Гель-Гью, где уже их будет ждать специально зафрахтованный 20-местный и вполне пригодный к употреблению самолет эмпирейской ассоциации «Кассиопея констеллешнс эр чанс». Увлекательное путешествие ожидало наших героев, а пока перед посадкой в стеклянном дворце Орли они били баклуши всяк на свой манер.

Ну, Наташа, конечно, Вертопрахова отражала атаки представителей прессы. Нет, не собираюсь. Да, слушаюсь родителей. Нет, не намерена. Да, своими успехами обязана тренеру Г. Н. Гумберту.

Ну, сестра ее, конечно, Даша загадочно блистала знаниями иностранных языков, марокканцев удивляя по-мароккански, испанцев — по-испански, сербов — по-сербски, ибо нет на свете языка, не родственного эмпирейскому, и нет на свете эмпирейца, который не был бы потенциальным полиглотом.

Ну, Брюквин, конечно, Валентин молча пил у стойки бара газированный напиток кока-колу и на все вопросы международной публики отвечал своим излюбленным «ну комментс», что, как известно, в дипломатии равносильно многозначительному молчанию.

Ну, мама, конечно же, Элла тоже употребляла кока-колу и с ужасом вспоминала, чего ей в юности наговорили про этот напиток — дескать, прямо с ним проникают в кровь вред-

ные мысли. Но вот же пью и просто охлаждаюсь, ничего не проникает. К тому же рядом сидит напиток спутник Стратофоновых Помпезов Грант Аветисович, сотрудник общества «Альбатрос».

Ну, Помпезов, конечно, Грант Аветисович цецилл напиток приговаривая:

— Наш-то квасок покрепче будет.

Ну, отец, конечно, Эдуард встретил в Орли знакомое — мистера Бэзила Сноумена, такого же, как он сам, члена Клуба Покорителей Вершины Навилатронгкумари с Восточной Стороны, ну и, конечно, был баклуши вместе с этим джентльменом, предаваясь приятным воспоминаниям.

Ну, бабушка, конечно, Мария Спиридоновна купила множество цветных пост-карточек и направила теперь приветы друзьям-однополчанам.

«Привет орлам из Орли!» — таков был текст. Не так уж дурно, не так ли?

Ну, и Гена, конечно же, Стратофонов среди всеобщего бития баклуш продолжал развивать наше приключение, на то он и наш главный герой.

Для этой цели он сидел в мягком кресле и беседовал с Юрием Игнатьевичем Четверкиным о таинственной «флейточке».

Ну, Юрий, конечно, Игнатьевич Четверкин сидел с ним рядом и доброжелательно смотрел на парижан и гостей французской столицы. Четверкин находил, что с 1916 года, когда он побывал здесь в составе Русского Экспедиционного Корпуса, парижане почти не изменились: те же «силы ву пле» и «са ва». Между тем он рассказывал своему юному другу о «флейточке».

В марте 1914 года подпольная группа, к которой Юрий Игнатьевич примыкал, решила организовать побег из крепости одного революционера по имени Павел Конников. Этот человек для всей мыслящей молодежи России был настоящим идеалом: моряк, путешественник, боевик 1905 года, один из первых русских авиаторов, подпольщик, публицист, спортсмен... Такого особенного человека и спасать надо было как-то особенно, и молодежь ошеломила жандармов своей дерзостью...

В час прогулки над двором крепости появился военный ньюпор и сбросил взрывательный пакет на стену. Вреда никакого от этой бомбы не было, но дыму, шуму, паники на всю ивановскую. Со второго захода Четверкин (ньюпор пилотировал, разумеется, он) сбросил за борт веревочную лестницу, и когда вынырнул из дыма и полетел к лесу, увидел на веревочной лестнице человека с развевающейся шевелюрой — это был Павел Конников!

Объявлена была тревога по всей округе. Жандармы знали, что самолет скрылся где-то поблизости в карельских лесах, и обложили все дороги и тропы. Одного не учли малоразвитые жандармы — особенностей буерного спорта. На льду одного из озер Четверкина и Конникова ждал буер, предварительно доставленный

из Финляндии, буер, который при попутном ветре мог развить скорость современного автомобиля. Да, именно буер и пара надежных «маузеров» помогла революционерам вырваться из колыба.

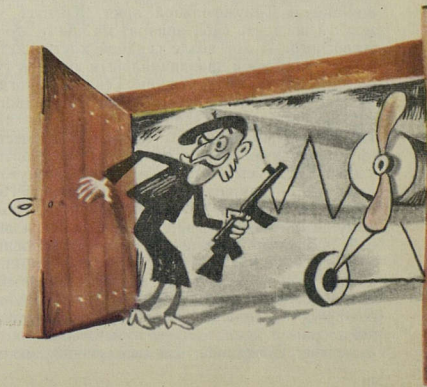
Конечно, началась дружба. Конников был старше Четверкина на два десятилетия, но ведь дружба, как мы видим, не мешает различия даже и в шесть десятилетий. Конников под конспиративным именем Василий Никитович Бурже вместе со своим молодым другом участвовал во всех авиационных праздниках, конструировал новые аппараты, а когда разразилась первая империалистическая война, они вместе начали летать на первом в мире многомоторном бомбардировщике Сикоровского.

Рядом они прошли и гражданскую. Однажды, в дни эвакуации белых армий с юга России, Четверкин и Конников совершали воздушную рекогносцировку над Новороссийским портом. Шрапнельный снаряд с миноноски прикрытия взорвался слишком близко от старого латаного-перелатанного «вуазена». Они еле дотянули до берега и врезались в гору. Юрий Игнатьевич потерял старшего товарища.

Подобно многим скитальцам, романтикам, бунтарям Конников не успел обзавестись семьей, он был совершенно одинок, и все его имущество осталось Четверкину, а именно: ковровый саквояжик с двумя сменами белья, свитером, бритвой «жиллет», томиком стихов и своей «флейточкой», которую он привез из своего заморского путешествия еще до революции пятого года.

Он не был особенно музыкален, этот своеобразный человек, но иногда в какие-нибудь меланхолические минуты он начинал играть на этой дудочке, вернее, не играть, а дуть в нее — она сама как будто бы играла. Из нее вырывался странный дикий примитивный мотив, немислимо далекой древности, допотопными временами веяло от этих звуков.

Любопытно также, что если Конников играл

на своей дудочке в помещении, в какой-нибудь, скажем, избе, там начинали скрипеть и открываться двери, окна, ставни, по дому гуляли сквозняки... вообще возникало странное чувство, какая-то тревога. Он нередко на ней играл. И никогда не отвечал, откуда у него эта штука, только улыбался. Вам это интересно, дружище Геннадий?

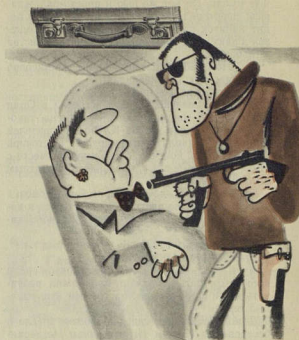
— Чрезвычайно интересно, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена. — Скажите, кроме меня, вы в последние время рассказывали кому-нибудь о Павле Конникове и о «флейточке»?

— Позвольте, позвольте, позвольте подумать, — медленно сказал Четверкин и погрунулся в раздумья.

Геннадий был уверен в том, что старый пилот рассказывал кому-то эту историю и в самом недалеком прошлом, но он не торопил его и пока что наблюдал текущую мимо международную толпу. Прошлогодние странствования по интерконтинентальным авиатрассам научили сообразительного мальчика, что и из созерцания толпы можно иногда извлечь кое-что интересное.

И вот он извлек. Возле стойки бара прямо за спиной его мамы Эаллы остановился некий верзила-блондин. Он был облачен в наимодевший серый костюм с высокоподнятыми плечами и разрезом чуть ли не до лопаток, волосы ниспадали ему на плечи — то ли знаменитый футболист, то ли телезвезда, ли просто плейбой — но, что-то в его манере напоминало мальчугану тех парней, которые...

— Вспомнил! — воскликнул Юрий Игнатьевич. — Неделю две назад я посетил Прохолодский музей, просто так, без особой цели, просто лишь ради полюбоваться гигантским коллектом голубого кита. Знаете, вот уж сколько лет я посещаю Зоологический музей и всякий раз восхищаюсь исполнению. Ведь это животное превосходит своими размерами по крайней мере одну из каравелл Колумба. Знаете, поднимающиеся по лестнице музея, и вдруг над тобой нависает целостность кита, словно свод какой-нибудь Триумфальной арки. Клянусь, я мог бы посадить свой аппарат на спину этого животного! И вот возле грудной клетки кита я познакомился с провинциальным юношей туристом. Вы знаете, дружище Гена, я никогда прежде не встречал такого невежественного юноши. Он спросил, например, меня, где у кита распадаются жабры. Пришлось прочесть ему маленькую лекцию о морских млекопитающих. Когда мы вышли из музея, обнаружил, что он приспівывает честь постройки Петербурга не Петру Великому, а Ивану Грозному. Ампри он называл готикой, каштан липой, про Зимний дворец он сказал, что это, наверное, гостиная «Интурсер». Я проявил с ним некий интерес, и он начал мне рассказывать, о которых он говорил совершенно неправдивое представление. И лишь в одном месте юноша посрамил меня, в Музее музыкальных инструментов. Оказалось, что он великий знаток

флейт и знает всех мастеров этого инструмента, начиная от эпохи Возрождения, которую он, конечно, называл эпохой Извержения, и до наших дней. Тогда я рассказал ему историю моей «флейточки» и даже показал ему ее в моем аппарате. Он был моим гостем, и мы расстались друзьями, правда, потом уже не выдесли: он уехал в свою провинцию.

— Как он назвался? — спросил Гена.
— Федя Говорушкин. Или Игорь Чекушкин. Что-то в этом роде.

— И вы не заметили в нем ничего странного?
— Ровно ничего странного. Обыкновенный юноша, только очень невежественный, — сказал Юрий Игнатьевич.

— А сколько лет было этому юноше, на ваш взгляд, дружище Юрий Игнатьевич?

— Вот! — вскричал старый авиатор, хлопая себя по лбу. — Как вы провинциальны, дружище Гена! Возраст этого юноши был очень старым. Иногда он мне казался юношей восемнадцати лет, а иногда юношей лет сорока пяти.

— Вопросов больше нет, — сказала Геннадий, встал и медленно пошел к верзиле-блондину, который тоже смотрел на него, вытирая со лба капли холодного пота.

— Вы плохо себя чувствуете, сэр? — вежливо спросил мальчик, внимательно разглядывая шрам на щеке блондина, похожий на след стрелы племени «Ибуа».

— Пардон, пардон, мы вовсе незнакомы, молодой джентльмен, — заборолотал верзила. — Я никогда не лечу, я просто провинциал из Аахена, просто зевая и сейчас немедленно убираться восвояси!

Он вскинул, выбросил в мусорную урну голубой транзитный билет, выбежал из здания аэропорта, упал в такси и был таков.

Геннадий не погугуливал вынуть билет из урны и прочесть там имя владельца: «М-р Уго Ван Гуттен» и направление: «Оук-Порт, Большие Эмпиры». Конечно же, не имя интересовало Гену. Имя у таких персон — а Гена вспомнил эту персону — меняется каждый месяц. Его интересовало направление. Оук-Порт? Вот как? Надо было настоять!

В это время объявили посадку на их самолет, и все они, Гена, мама Эалла, папа Эдуард, бабушка, сестры Вертопраковы, Валентин Биквин, Ю. И. Четверкин и референт общества «Альбатрос» Г. А. Помпезов — в числе прочих пассажиров погрузились в «Каравеллу», дозвезли до острова Маврикий, там погрузились в «Комет» и дозвезли до Мальдив, там погрузились в «Бонинг» и благополучно дозвезли до Зурбагана, где их ждал немалый сюрприз.

Зурбаганский аэропорт в наши дни стал похож на ярмарочную площадь. Прошли те времена, когда из допотопных дирижаблей высаживались здесь суровые шкиперы и штурманы, которые, дыша своими трубами, направлялись в морской порт, к своим парусникам, к своим сугубо таинственным и важным делам. Пролазавший замечательным русским писателем Александром Гринем город стал теперь прибежищем начинающей творческой интеллигенции всего мира, начинающих писателей, начинаю-

щих артистов, киношников, музыкантов, а также множества туристов и, конечно, хиппи.

Все эти люди почему-то облюбовали для своих встреч летнее поле и с утра до глубокой ночи толпились здесь, сидели за столиками импровизированных кафе, танцевали, пели, ссорились, мирились, а то и спали прямо на бетоне, завернувшись в пеньковую кошку или марокканскую баранью шкуру.

И вот среди этой публики наши путешественники заметили нетипичную фигуру. Два хиппи-писателя (один из них англичанин, другой — сын парфюмерного короля) вкатили на аэродром колющего, в которой восседал не кто иной, как Адольфус Селестина Сиракузер, бывший мясной индустрии и мультимиллионер, увезший из Ленинграда тот самый стул, в котором что-то стучит, тот самый главный предмет всего нашего повествования.

Сиракузер восседал в коляске словно символ всего мира эксплуатации. Он держал в толстенных пальцах великолепную ситару, временами тактал пяткой в худые спины рикши и заглазывал голубые капсюлы для своих внутренних процессов.

За ним ехало с десяток хиппи толкали тележки с его барахлами — с огромными кофрами из крокодильей кожи и с медными застегивками, модными и углем. Вся процессия катилась к самолету «ЯК-40» зурбаганской авиаконии «Грип», к тому самому самолету, куда должны были погрузиться и наши путешественники.

— Где я? — спросил Сиракузер у агента компании, сухопарого господина в треуголке с

плوماжем. — Где я и куда я? Скоро Нью-Йорк?

— Сэр, в соответствии с вашим билетом вы погружаетесь в самолет компании «Грин» для дальнейшего следования в Гель-Гью. Нью-Йорк в вашей дистанции не значится, сэр.

— Ах да, я лечу в Буэнос-Айрес через Панаму, — припомнил Сиракузерс.

— Отнюдь нет, сэр. Вы летите в Джакарту через Аделаиду с посадкой в Гель-Гью.

— Родные и друзья! — торжественно произнес Геннадий, обращаясь к делегации наших героев. — Как подсказывает мне интуиция, сейчас наступает кульминационный момент нашего приключения, и потому я исчезаю, если вы, конечно, не возражаете.

— Дружище сын, ты гораздо опытнее всех нас в международных делах, и интуиция тебя никогда не подводила, — сказала мама Элла.

— Поторопитесь, товарищ Гена Стратофонов, — сказал Грант Аветисович, — поторопитесь, пока я заполняю таможенные декларации и как будто бы ничего не вижу.

...«ЯК-40» авиакомпании «Грин» стартовал с зурбаганского аэродрома, словно прыгун в высоту: короткий разбег, взлет, и вот он уже скрылся за цепочкой нежно-зеленых гор.

Сиракузерс очень удивился, когда увидел приставленное прямо ко рту дуло автомата.

— Пардон, я ничего не заказывал, — пробормотал он и полез было себе под галстук за таблеткой ориентации, но тут над его головой прогремел страшный голос.

— Ни с места, папаша, а то наглотаешься пули!

Мясной король поднял глаза, увидел над собой каменную челюсть, сплюснутый нос, черные очки, вспомнил молодость и понял: он в руках «ганга».

Прямо скажем, ничего особенного в самолете не произошло. По нынешним временам довольно обычная процедура. Два бандита держали под мушками экипаж самолета, пожилая дама в шляпе с лиловыми цветочками угрожала бомбой пассажирам, а четвертый бандит, самого устрашающего вида, адресовался лично к мультимиллионеру Сиракузерсу. Словом, происходило вполне тривиальное «хайдженинг», то есть угон самолета в неизвестном направлении.

— О-о-о-о, — зевнул пожилой коммерсант, сидящий рядом с бабушкой Стратофоновой. — Я уже третий раз попадаю в такую историю, мадам. Когда работа разъездная, ко всему привыкаешь, но скучно, мадам, скучно... Люди разучились развлекаться. Реклама врет. Покупаешь чистое масло, а там на 30 процентов хити. Прошу прощения, я обычно сплю во время захвата самолета. Спящий, как пьяный, в него не стреляют...

Он закрыл лицо газетой «Ежедневное зеркало» и тут же захрапел.

Мария Спиридоновна не сказала своему соседю ни одного слова, да она его и не слушала. Она трепетала от возмущения. Всякий акт воздушного пиратства возмущал ее до глубины души в первую очередь как летчика по профессии и не в последнюю очередь как рядового человека. Лишь строгий взгляд Гранта Аветисовича остановил боевую женщину от решительных, но, пожалуй, не очень продуманных действий.

— Да, Мария Спиридоновна, — посветовал товарищ Помпезов, — на фронте всегда знаешь, что делать; за границей — не всегда.

— Коллега, — возбужденно зашептал Юрий Игнатьевич Четверкин. — Это я вам, Мария Спиридоновна. Во имя свободы мировой авиации я готов пожертвовать собой. Созрел план. Я жертвую собой, а вы обезоруживаете мерзавцев! Недурно?

— Юрий Игнатьевич, ваш план еще не созрел, — сквозь зубы процедил папа Эдуард. — Прошу не торопиться.

Он сидел рядом со своей женой мамой Элой, и в эти критические минуты супруги были до странности похожи друг на друга: и у альпиниста, и у парашютистки были в эти критические минуты одинаково суженные глаза, жесткий настороженный взгляд и одинаково напряженные позы. Спортсмены, родители Геннадия, казалось, были готовы к прыжку.

Что касается молодежной части делегации, то она по-разному реагировала на происходящее. Валентин Брюкнин, не меняя безучастного выражения лица, внутренне ликовал. Что там говорить, Брюкнин Валя немного завидовал выпавшим на долю его друга приключениям. И вот теперь он сам, мальчик, впервые покинувший родной город, попал в такую блистательную передрагу. Появились великолепнейшие возможности для проявления героизма и для показа окружающим, включая сестер Вертопраховых, своего истинного лица, скрытого под маской непрерывного спокойствия.

Даша Вертопрахова помрачнела: новая встреча с «мафиози» напомнила ей недавние времена и ее жеманную и страшную «мамочку» мадам Накамура-Бранчонскую в ореоле ее фальшивой красоты.

Что касается чемпионки по художественной гимнастике, то она была совершенно спокойна. Во-первых, занятия спортом в обществе «Трудовые резервы» приучили ее к оптимистическому взгляду на мир. Во-вторых, она была уверена, что ее исчезновение не пройдет бесследно для цивилизованного мира, и уже через час корреспонденты затрубят о неприбытии самолета с ленинградской грядкой в Гель-Гью, и поднимется такой шум, что бандиты испугаются и всех отпустят. И в-третьих, самое главное соображение она таила в глубине души и даже сама себе почти не признавалась, что надеется в основном на ловкость, храбрость и интуицию одноклассника, этого «несносного» Генки, который так таинственно исчез на аэродроме

Зурбагана. Где он? Где Гена? Эта мысль тревожила и всех членов нашей делегации.

Между тем самолет по приказу гангстеров изменил курс и летел в бескрайней синеве, где море сливалось с небом. Несколько часов в этой синеве не было никаких ориентиров другого цвета, за исключением отблесков солнца, и некоторым впечатлительным персонам из числа измученных пассажиров стало уже казаться, что они летят в пространстве какой-то иной планеты, где нет никаких признаков человеческой цивилизации.

Вдруг самолет круто пошел вниз, и справа по борту открылся остров, похожий очертаниями на Англию. Коммерсант, сосед Марии Спиридоновны, так и сказал, проснувшись и сняв с лица газету:

— А-а, уже Англия... охо-охо...

Одно из двух: или коммерсант был малограмотным человеком, или еще не совсем проснулся — ведь Англию целиком можно увидеть только из космоса.

Этот остров был, конечно, не Англия. Это был крошечный тропический островок со всеми обязательными атрибутами: остроколючей горой, густо-зелеными джунглями, широкими песчаными пляжами и бордюром снежно-белого вечного прибоя.

Когда-то, еще в пятидесятые годы, когда ртуть холодной войны упала до весьма опасных пределов, одна из великих держав начала здесь строить секретный аэродром, но потом вдруг ртуть подскочила, и стройка остановилась. Культурные обмены требовали все новых

На такую полосу и нацеливался сейчас захваченный самолет, вернее, на нее нацеливались в первую очередь «хай-джекеры», но так как их оружие было нацелено в затылки пилотов, то пилоты выполняли приказание и нацеливались на полосу бетона, пробитого во многих местах мощной тропической растительностью.

Маленький реактивный лайнер погасил скорость и остановился целый и невредимый в нескольких метрах от пучка мощных кокосовых пальм, столкновение с которыми грозило несомненной гибелью.

Преотвратительный толстяк в расписных гавайских плавках, сидящий в шезлонге под одной из этих пальм, посмотрел на часы «роллэкс» (благородное швейцарское изделие охватывало волосатое бандитское запястье), глотнул из горлышка черной окинавской водки и промычал удовлетворенно:

— Чистая работа. Минута в минуту.

Те из читателей, кто предварительно прочел книгу «Мой дедушка — памятник», без труда узнали бы в отталкивающем толстяке Латтифудо. Выбравшись каким-то чудом с Больших Эмпиреев и избежав гнева народа, он через месяц и думать забыл, что был одним из отрицательных героев той книги, угрызений совести он не испытывал.

Вместе с Латтифудо под сенью пальм в шезлонгах сидело еще несколько «джентльменов», и, кроме кавычек и плавков, на этих джентльменах тоже ничего не было.

Между тем самолет заглушил свои двигатели, открылся люк и оттуда прямо на бетон, словно неодушевленный предмет, был выброшен мультимиллионер Сиракузерс. Он шмякнулся, распростерся и так и остался лежать на раскаленном бетоне, кряхтя, стеная и бормоча себе под нос:

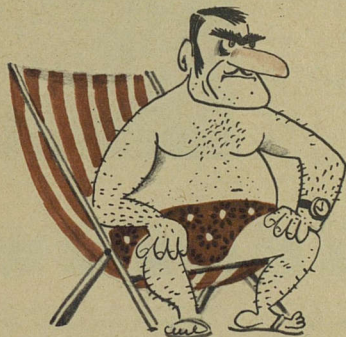
— Больше никогда, никогда, никогда не буду заказывать себе финскую баню!

Вслед за этим из самолета вытолкнули членов экипажа, включая двух стюардесс.

Затем открылся люк багажного отделения и из самолета было выгружено барахло Сиракузерса — семь огромных кофров из крокодильей кожи с углами и застежками из цветных металлов.

Вслед за этим на бетон выпрыгнули «хай-джекеры», все четверо, включая старушку в шляпке с лиловыми цветочками. Последняя сразу сбросила свою старушечью шляпку и рассыпала по плечам рыжую густую гриву. Затем она очень ловко выскочила из старушечьего костюма и оказалась в пляжном костюме «бикини».

Буба Флауэр, а это была именно она, приблизилась к распростертому Сиракузерсу, взяла его за шиворот и легко потащила покряхтывающее тело — это сто пятьдесят-то кг! — по бетону к пальмам.

и новых средств, в конгрессах стучали кулаками на генералов, а тропическая растительность пробивалась сквозь бетон законсервированных взлетно-посадочных полос.

Продолжение следует

СЕРИЯ

183

ЗИМНЯЯ ВСТРЕЧА

ФЛОРИЧКА ЗНАЧИТ ЦВЕТОЧЕК

На экране —
партизанка Лара
Выполняем ВАШУ
ПРОСЬБУ

ЖИЛ ДА БЫЛ ЗВЕЗДОЧЕТ

«Это был очень добрый Звездочет. Он поднимал с земли упавшие за ночь звездочки, сушил их у камина, корчил варянами. А потом подбрасывал в небо и говорил: «Лети, свети сияй!» Чем больше звезд на небе — тем на земле светлей!»
(Из рассказа с флоричками об их фильме)

Глава первая ПРАЗДНИЧНАЯ

Эй, барабанички! Не жалейте барабанов! Горнсты, трубы, ввара! Мы — на параде народной пионермультистудии «Флоричка» в Молдавии, в Кишиневе.

«Шагет первая колонна — мишки и зайцы, лавы и дельфины. Огромный Пират ведет за руку Бабушкун... В этой колонне идут герои мультифильмов, созданных ребятами из «Флорички». Изящная девочка несет на руках большоголовного Младенца. Их прудумала и сняла в своем фильме Галя Рорз, теперь уже студентка института. Вон она идет в колонне выпускников. О, это

щий на профессиональной студии, и многие бывшие флорички.

Владим Барбо идет в Добром трамвайчике. Так Владимир назвал свой фильм — «Добрый трамвайчик». Владимир — восьмилетний, а в студии с пяти лет.

Далеко в небе плывут на облаках из белых, голубых, розовых цветов сестрички Юли и Наташа Радошавички. Облака — из их фильма «Кристна-Ласточка».

Буря воплощенности! Это зрители приветствуют Виторию Ивановну и Иосифа Иосифовича Барбо — самых Главных Людей во «Флоричке». По-

тому что Витория Ивановна и Иосиф Иосифович организовали эту замечательную студию и научили ребят делать фильмы. И как хороши прудумали на одной киноленте, когда присвоили Витории Ивановне титул Волшебницы.

«Показалась новая колонна. Чу-чу-чу, самые младшие флорички. Показались, не кричите! А почему — Чу-чу-чу!» Это ведь мы плаксавшие кресты из «Рини-Тики-Тана!» Чу и что же, их кресты плаксавая, — объяснил ребята, — зато мы у нее смешнее, а мы любим, когда смешно. И правда, ты у всех чудушечка всегда кончается где-то возле ушей.

Встают колонна чебурашки, топчут и «аисты». В рюкзак трамвайчики со словами «Терпение и радость». Ведь даже самый короткий

мультик — это 1500 кадров, нари-сованных своими руками, которые требуют терпения и терпения. И тогда придет радость. Радость от того, что оживают на экране прудуманные тобой герои, радость от того, что радуется фильму зрители в Москве или в Тбилиси, а Таллине или в пограничном поселке, куда флоричка часто возит свои картины.

А в этой колонне очень много знаковых лиц. Режиссер знаменитых Чебурашки и Крокодила Гену Роман Качанов, артист Роман Быков. А с ними — большой друг и помощник всех кинолюбителей страны Григорий Тощал и писатель Стефан Вантели, по рассказам которого ребята сделали несколько своих фильмов. Это друзья студии.

Смотрите, несут награды. Очень много наград, завоеванных флоричками на различных кинофестивалях — в Париже, ГАР, Японии, Польше, Румынии, Болгарии.

Глава вторая РАЗМЫШЛЯЮЩАЯ

У Ежика тяжело заболел папа. А потом выздоровел. И радостный Ежик стал говорить об этом всем своим друзьям. А они... они ответили: «Твой папа — ты и радуешься!» Но один, настоящий друг очень обрадовался Ежиному счастью и подарил ему цветов — самый красивый в мире.

Мультифильм о Ежике — один из многих, сделанных флоричками. Завершила однажды Витория Ивановна, что не смогли у ребят от радости глаза из-за того, что у Иры сегодня патерка по истории, а Вова вчера сам игрался миль пол. Наставлять своих воспитанников Витория Ивановна не любит. Она просто предположила им сделать картину о Ежике. И когда ребята делали ее, то все-все поняли.

Самое страшное — это когда тебе скажут «Нука, дружок, подумай недельку о себе». Это значит, семь дней тебе нельзя ходить в студию. Так было однажды с Аллой Дорощенко. Человек она энергичный, деятельный, но очень любит отдавать

распоряжения. Вот и на Свету как-то наслеза: кто она делает не так, и другое иначе.

Слушай, — сказала Алла Витория Ивановна, — ты не человек, а кондуктор качества. Подумай-ка недельку о себе. Подумайши — приходи. Она пришла через два дня. Сказала, сияя: «А, честное слово, все поняла про себя. А без студии не могу. Можно буду ходить!»

Однажды появился фильм о Мальчике, у которого не было собаки, и Обаме, которое подружилось с Мальчиком. Оно превратилось в белого пуделя, и Мальчик приказал ему красную ленточку. Но потом Мальчику подарил настоящего собаку, и он забил про Обаму. Оно потемнело, съезжало от горя, пролилось дождем и растаяло. Только красная ленточка упала к ногам Мальчика.

Эта картина — открытие. Открытие автора фильма, серьезной пятидесятилетней девочки Ларисы Лисы, ее позитивной и тонкой души, ее умения глубоко и серьезно понимать цену дружбе.

— Мы не боимся, что кто-нибудь из ребят не станет художником, — нам надо, чтобы они стали хорошим человеком.

Глава третья ОТКРОВЕННАЯ

Монолог флорички
Аллы Дорощенко

«Я очень люблю нашу студию. Люблю за то, что можно принести сюда и рассказать Витории Ивановне самую несуществующую свою фантазию. Ну, например... — троллейбус может играть в футбол с гигантами в своей выходной день или что большого большого льва вывелишь, если

прикоснешь к его лбу медным пятаком. И я ответ вам не буду шутить, ваш собственный лоб и спрашивать: «У тебя кто, температура?» Нет, у Витории Ивановны тоже згорится глаз, а она скажет: «Замечательная идея! Может получится отличный фильм. Думаю, дорогая, дума!»

И мы думаем. Когда я своего Звездочета сочинила, все ребята в моем классе пришли мне свои рисунки — какими они представляли Звездочета.

Я очень люблю наши вечера, когда мы приглашаем родителей и друзей или отмечаем день рождения. Мы бегаем в магазин за тортом и конфетами, потом разливаем чай, заставляем гостей, которые сами делают. А потом поем, читаем стихи, играем на пианино или рассказываем разные истории — кому что нравится. И с нами всегда Витория Ивановна и Иосиф Иосифович — самые лучшие наши друзья.

Когда меня спрашивают, кем я буду, я отвечаю: «Витория Ивановна». Некоторые улыбаются этим словам, как шутке. Но выно, конечно, меня понимают».

М. Павлова

Отважную пионерку Ларису Михеевну знает каждый школьник в нашей стране. О ней и книга писательницы Н. Надеждиной «Партизанка Лара». По мотивам повести режиссер, народный артист РСФСР Николай Иванович Лебедев создал киноленту «В то далекое лето». Героиню фильма играет ле-

нинградская школьница Лариса Баранова. Вы видели ее в предыдущей картине Н. И. Лебедева «Найди меня, Леня!». Там она играла роль Динки. Киноklub «Костра» предлагает своим читателям провести обсуждение новой картины на страницах журнала. Расскажите теми, что вам пон-

равилось или не понравилось в этой картине.

Такой ли представляли вы себе Лару Михееву?

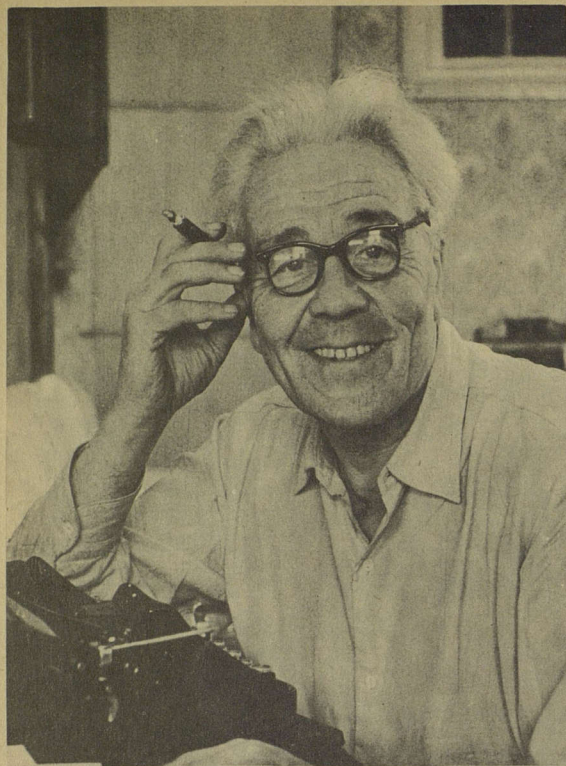
Что, по-вашему, помогло Ларе стать бесстрашной партизанкой и выполнять трудные боевые задания?

Идем вместе писем о новом фильме!

Киноklub получил очень много писем, в которых ребята просят напечатать кадры из популярнейшего всем польского телевизионного фильма «Четыре танкиста и собака».

Итак, выполняем вашу просьбу.

„ПИСАТЬ— ВСЕ РАВНО ЧТО ДЫШАТЬ“

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. В. УСПЕНСКОГО

В блокадном Ленинграде от скарлатины умирал мальчик.

Конечно же, родственники лечили мальчика лекарствами и приберегали ему лучший кусок, какой только был в то время, но мальчик, сейчас уже немолодой

человек, убежден: спасла его книга. Тетя принесла ему книгу, новую, вышедшую, несмотря на блокаду.

Людей косил голод. Стужа леденила дома. Транспорт тогда уже не работал, а магазин, где

продавалась книга, находился на окраине города. Но книга разошлась в два дня. Людям и в блокаду нужен не только хлеб! Это были «Мифы Древней Греции».

Льва Васильевича Успенского, автора этой книги, в годы войны многие знали. Его фронтовые очерки, рассказы, заметки печатались в ленинградских газетах и журналах.

Лев Васильевич приезжал в Ленинград прямо с передовой. Огромного роста капитан в сапогах 46 размера (6 дней искали такие сапоги на флотских складах, когда Успенский был мобилизован!), он выглядел очень внушительно и грозно.

Успенский часто выступал по ленинградскому радио, и голос его, уверенный и спокойный, слышали не только соотечественники, но и враги — радиорупоры стояли прямо на передовой.

До Великой Отечественной войны Лев Васильевич был детским писателем и детским журналистом — веселым остроумным фантазером, неутомимым искателем нового.

В 1936 году, в первые дни жизни «Костра», Лев Успенский пришел в него из другого детского журнала — «Ежа». «Я был «ежовый», — с удовольствием вспоминает Лев Васильевич. Он один вел целый раздел журнала — научно-познавательный. И чего только не придумывал! Он записывал рассказы бывалых людей: путешественников, исследователей, знаменитых героев. Он открыл «Купип» — Клуб удивительных приключений и путешествий. Задумал напечатать очерки о простых вещах — топоре, пиле, молотке, рубанке. Он все умел, все хотел делать, и все ему удавалось. Кто-то перифразировал пушкинские стихи и сказал, что Успенский «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник».

Но еще раньше, чем писать для детей, Лев Васильевич начал изучать слова. Слово для него — живое. Вот оно появилось — а откуда? Живет, меняется — а как? Некоторые слова умирают, другие остаются — почему?

В молодые годы Лев Успенский решил изучать язык летчи-

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ЧИТАТЕЛЯМ «КОСТРА»

ков. Чтобы узнать его как можно лучше, хотел поступить в самолетный кружок, но туда было трудно попасть. А вот в планерный добился, принял. Летал на планере. Ездил на авиационные праздники с ребятами-авиамоделистами. Записывал разговоры на аэродромах. И однажды родился рассказ о летчике «Орел Николай Петров». Он был напечатан в журнале «Чиж», имел успех, и автора попросили написать еще несколько рассказов. Из них получилась первая детская книга Л. Успенского «Кот в самолете».

Для детей и для взрослых Лев Васильевич написал много книг, и все они очень разные. «Спутник 15-летнего капитана» — морская энциклопедия. «Рождение «Балтийца» — история боевого соединения. «За семью печатями» — археологические очерки. «Ленинград. Из истории города» — беседы-экскурсии. «Рассказы старого петербуржца» — воспоминания. А еще у него есть романы, сборники рассказов, переводы стихов...

Но самые известные произведения Успенского — это, конечно же, «Слово о словах», «Ты и твоё имя». Это не детективные романы, не смешные рассказы, но читаются так, что не оторвешься. На их страницах живут лесные звуки и буква-пугало с соперниками, слова-отшельники, слова-ошибки, слова-ископаемые, слова в масках, языки «на шипах», языки «россыпью», языки «на клею», целые семьи языков... Здесь идет война имен, и кто-то платит 100 крон за фамилию. Здесь Финалка Леопардовна, и Распребешен Невпопандович, и Месид Месидевич...

— Частенько меня спрашивают, — говорит Лев Васильевич, — «Почему вы стали писателем?» А я тогда отвечаю: «А почему вы стали «дышателем»? А, вы не можете иначе жить! Вот и я не могу иначе: мне интересна моя работа, мне интересно и писать, и читать. Интересно узнавать и то, что узнал, рассказывать другому.

Г. Георге

Мне было пять лет. Мы жили в деревне. Однажды в окрестностях началась какая-то страшная болезнь. Мой отец в испуге приехал за мной и братом из Петербурга, чтобы увезти нас от опасности.

Поезд в Петербург шел в пять часов утра. Среди ночи нас разбудили, закутали и вынесли на улицу к экипажам. До того я ни разу не бывал на улице ночью. Я поднял нос вверх и увидел на черном небе бесчисленное множество разнообразных — ярких и тусклых — озонок.

— Ой, что это? — спросил я.

— Это звезды! — второпях ответили мне. Но этого было достаточно: я на всю жизнь запомнил не только слово «звезды», но и ту октябрьскую ночь, когда я в первый раз услышал это слово. Запомнил и рыканье лошадей в упряжке, и черные силуэты старых лип на фоне сияющего неба над головой... Многие запомнил...

И про целый ряд других слов я могу так же точно рассказать, когда я их впервые услышал. СЛОВА с малолетства заинтересовали меня. Наверное потому я и думаю о них постоянно и рассказываю о них другим.

А когда мне впервые захотелось стать писателем, я тоже помню. Было это, наверное, через год после случая, который я описал. Мама читала мне вслух толстую книгу «Путешествие мальчика на гусях по Швеции» писательницы Сельмы Лагерлёф. Я слушал с жадным интересом. В одной из глав там рассказывается про семью медведей. Мать-медведица обращается к своим медвежатам так: «Мурре и Брумме, дети мои!» Мне это обращение страшно понравилось.

— Мам! А она что, слышала, как медведицы разговаривают с детьми? Ну, писательница? — спросил я.

— Да нет, мальчик, — ответила мне мама, — а впрочем — не знаю... Писатели — люди особые: они могут многое, чего не можем мы. Что ж, возможно, она умеет и по-медвежьи разговаривать... Думай, как тебе интереснее.

Мне было куда интереснее представлять себе писателей похожими на волшебников, и я так и стал считать их волшебниками. И вот с того самого дня, с того разговора в сумерках, в маленькой комнатке в доме № 7 по тогдашней Нюстадской улице Петербурга (теперь это Лесной проспект Ленинграда) мне в голову запало — «Хочу стать писателем!» Много я перепортил бумаги и в детстве и в отрочестве, пишучи и стихи и прозу, посылая все это в журналы и газеты, но только в двадцать восемь лет мне удалось напечатать первые строки. И были это строки о словах.

Когда я сам стал писателем, мне начало казаться, что мама моя превеличивала: писатели такие же люди, как и все! Но вот сейчас мой взгляд упал на книжку стихотворений большого русского поэта. Е. А. Баратынского, в которых он говорит о кончине гения немецкой литературы И. В. Гете. И я прочел там строки:

С природой одною он жизнью дышал:

Ручья разумел лепетанье

И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье;

Была ему звездная книга ясна,

И с ним говорила морская волна...

И мне подумалось: «Мама моя была права. Только, говоря «писатели», она думала «очень талантливые, гениальные писатели». Они и впрямь понимают язык всего живущего...

А писателям обыкновенным — великое счастье хотя бы отчасти приближаться к этому.

Так я думаю.

Ирина
Токмакова

СКАЗКИ НИГЕРИИ

Рисунки
Л. Токмакова

Ты уже знаешь, что Нигерия недавно перестала быть английской колонией. Это пока еще небогатая страна. Поэтому многим детям тоже приходится работать.

И еще ты знаешь, что Нигерия — жаркая страна. Поэтому днем, когда зной отнимает силы, не очень-то разыграешься. А играют нигерийские ребята... ночью! Это такой обычай. Он называется «игры при лунном свете». Только взойдет луна, деревенские ребяташки выбегают на простор, с прибаутками, с припевками, смехом и шутками.

У кого серебряная голова?
Хей!
У летучей мыши серебряная голова.
Хей!
У кого еще серебряная голова?
Хей!
У домов серебряные головы.
Хей!
Помолчи, потому что во рту серебро.
Хей!
Две руки за спиной, и в руках серебро.
Хей!

Ребята пляшут, водят хороводы, хлопают в ладоши, поют. У каждой припевки — свой мотив, каждая песенка — как маленькое представление. О чем поется, то и изображается. Разыгрывается песенка-сценка.

Белка, белка,
Полный роток,
Что грызешь ты, белка
Полный роток?

Я грызу орехи,
Полный роток.
Да орех неспелый!
Полный роток.
Брось его на землю!
Брось!

В каждой деревне есть свой сказочник. А сказки в Нигерии рассказываются так. Вечером, когда сядет солнце, выходит сказочник, усаживается на стул или в плетенное из прутьев кресло. Прибегают ребята, несут свои тростниковые коврики-циновки, рассаживаются вокруг сказочника. Сказка начинается не сразу. Сказочник подходит к ней издалека. Сначала, точно мячики, перелетают от сказочника к слушателям и от слушателей к рассказчику привычные слова обязательного сказочного зачина. И ребята, и сказочник вспоминают, о чем говорилось в сказках, которые рассказывались раньше.

— Кто повстречался бабушке у дороги? — спрашивает сказочник.

- Дедушка курица, — отвечает ему хор голосов.
- Сколько яицек она снесла?
- Четыре.
- Кто такой Нвамбе?
- Человек, победивший смерть.
- Кто такой Мгбаба?
- Человек, который спрятался в кустах.
- Эгбелия! — восклицает сказочник.
- Эйяа! — отзываются дети.

Последние слова ничего не значат. Это просто возглас, приветствие начинающейся сказке. Но ей еще минуточку приходится повременить. Прежде чем начать,

сказочник предложит босоногим «мудрецам» отгадать несколько загадок.

— Что нельзя положить в корзину?

— Дым.

— Кто обедает с королем, не дожидаясь приглашения?

— Муха.

Ну, теперь можно и начинать.

— Эй, люди, вы слушаете?

— Слушаем!

Вот послушай, какие сказки звучат после захода солнца под темнеющим небом Нигерии.

Однажды мистер Черепеха подумал так:

— Возьму-ка я большую сушеную тыкву и набью ее доверху мудростью со всего света. Посмотрим, как будет выглядеть мир, когда он останется без своей мудрости. Вот уж, наверное, поглупеет! А тыкву я подвешу на сук у вершины высокого дерева, и никто до нее не доберется.

Как подумал мистер Черепеха, так он и сделал. Ходил-бродил по белу свету, собирал мудрость и прятал ее в большую сушеную тыкву.

В один прекрасный день показалось ему, что вся мудрость мира собрана в его тыкве и не осталось на свете больше ни умных людей, ни умных зверей.

Обвязал он тыкву веревкой, повесил ее себе на грудь и полез на дерево. Ох, и трудно же было ему лезть! Тыква ужасно ему мешала.

Шел мимо крестьянин, увидел он мистера Черепеху.

ГЛУПЫЙ СОБИРАТЕЛЬ МУДРОСТИ

— Что ты делаешь, мистер Черепеха? — спросил крестьянин.

— Да вот хочу пристроить тыкву у вершины этого дерева.

— Так подвесь тыкву на спину, тебе будет легче карабкаться, — посоветовал крестьянин.

Мистер Черепеха послушался совета и быстро долез до вершины. Он уже хотел было привязать тыкву к толстому суку, но вдруг подумал: «Как же так? Значит, есть еще мудрость в мире, иначе не был бы мудрым совет этого человека».

Рассердился мистер Черепеха и кинул на землю тыкву, вместе со всей мудростью, которая ее наполняла. Тыква грохнулась и разбилась вдребезги.

А мистер Черепеха слез с дерева очень сердитый.

Ну и дурака же он свалил, надеясь упрятать всю мудрость мира в сушеную тыкву!

В одной деревне кто-то повардился красть плоды с пальмовых деревьев. Из этих плодов крестьяне готовили пальмовое масло. А без масла какую еду приготовишь? Как ни старались люди изловить вора, ничего у них не получалось: не удавалось им выяснить, кто же таскал пальмовые плоды.

А это был мистер Черепеха!

Он был маленький и незаметный и ходил на промысел глухой ночью, вот почему люди не могли его выследить.

Но проделки мистера Черепехи стали известны смеющемуся дереву, которое звали Алумо. А от него узнали все деревья. Узнали и возмущались:

— Вор! — воскликнула кокосовая пальма.

— Бессовестный, — сказала манговое дерево.

— Он плохо кончит, — заявила высокая кесарина.

— Надо как-то прекратить это безобразие, — вступила в разговор гуава.

— Надо проучить его, — сказала апельсинное дерево.

— Да, но как проучить? — отозвалась папайя.

— Нам надо помочь людям, — сказали все деревья хором.

СМЕЮЩЕЕСЯ ДЕРЕВО

И они склонились друг к другу вершинами и начали шептаться.

— Хорошо, — сказал Алумо. — Мы напугаем его так,

что навсегда отучим от воровства. Я буду на чеку и сообщу вам всем, когда появится мистер Черепеха.

Ночью мистер Черепеха стал крадучись подбираться к пальмам.

Увидело это дерево по имени Алумо и захохотало на весь лес, чтобы разбудить остальные деревья.

Деревья проснулись и зашумели.

— Алумо, король смеха, Алумо, над чем ты смеешься?

Алумо в ответ запел песню, и все деревья к нему присоединились.

Они пели хором:

Черепеха идет,

Алумо, король смеха, Алумо!

Он идет воровать плоды.

Алумо, король смеха, Алумо,

У него на спине мешок,

Алумо, король смеха, Алумо!

Он держит в руке свой нож,

Алумо, король смеха, Алумо!

Потом разом наступила мертвая тишина. Но стоило только мистеру Черепехе сделать шаг,

как деревья начинали хором петь песню, слова которой выдавали вора с головой.

Случилось так, что один крестьянин возвращался домой поздно и слышал, о чем пели деревья. Утром он побежал к старейшине. Люди в деревне посовещались и решили ночью устроить засаду.

Но напуганный деревьями мистер Черепеха не появился ни в эту, ни на следующую ночь.

— Еще одна ночь — и хватит, — сказал один из крестьян. — Больше я не хочу караулить попусту.

— Если и завтра не придет, значит, деревья нас обманули.

— Потерпите, — сказал старейшина. — Деревья никогда не обманывают. Мистер Черепеха обязательно появится.

И вот на третью ночь, когда было особенно темно и тихо, люди услышали смех:

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Хо-хо-хо!

Однажды Лев поселился в джунглях рядом с большой деревней. Все крестьяне жили в постоянном страхе, такой ужас нагонял на них этот Лев. Старейшина был очень зол на Льва: люди перестали его слушаться, никто никуда не хотел идти с его поручением, потому что все боялись грозного хищника.

Однажды старейшина созвал всех крестьян и сказал:

— Мы должны победить Льва, иначе нам житья не будет.

— Как же нам это сделать? — спросили его крестьяне.

— Мы поставим за деревней часового. Пусть он, как только услышит львиный рык, крикнет: «Лев! Лев!» А вы все сразу же надевайте свои грозные военные уборы, вооружитесь и бегите к часовому на помощь. Я думаю, все вместе мы испугаем Льва, и он покинет джунгли.

— Пожалуй, это хорошая мысль, — согласились крестьяне.

На следующее утро один крестьянин отправился караулить Льва. Кругом было тихо, пальмы покачивали ветками, в джунглях что-то шелестело: то змея проползет, то птица перепорхнет с куста на куст, а Льва все не слышно и не слышно.

Ну вот, кончились сказки. Дети улеглись спать. Шепчутся деревья. Крупные тропические звезды глядят на землю, странные звуки доносятся из джунглей — звуки ночной охоты или просто грустного настроения какой-нибудь диковинной птицы.

А то распахнется маленький ребенок. Мать станет качать его и баюкать, петь колыбельную песенку.

Я тебе еще не рассказывала об этом: маленьких детей в Нигерии матери носят на спине. Они привязывают их к пояснице широкой тканью и носят с собой. У нас есть поговорка: «Когда я ходил пешком под стол», а

— Алумо, над чем ты смеешься, Алумо? — закричали деревья.

Тогда Алумо запел, а все деревья подхватили его песню:

*Черепеха идет,
Алумо, король смеха, Алумо!
Он идет воровать плоды,
Алумо, король смеха, Алумо!
У него на спине мешок,
Алумо, король смеха, Алумо!
У него в руке нож,
Алумо, король смеха, Алумо!*

Вот так с помощью деревьев люди выследили мистера Черепеху и поймали его.

И стало мистеру Черепехе так стыдно, так стыдно, что он глубоко втянул голову в панцирь, чтобы скрыться от позора.

С тех пор, встречаясь с людьми, все черепahi прячут голову в панцирь: так им стыдно за своего родственника, мистера Черепеху.

ЛЕВ И КРЕСТЬЯНИН

Крестьянину стало скучно стоять одному.

— Лев! Лев! — закричал он что было силы. Вся деревня прибежала на его крик, все мужчины в военных нарядах.

— Где Лев? Где? — кричали они.
— Ха-ха-ха! — засмеялся крестьянин. — Мне просто стало скучно, вот я и закричал.

Все разошлись, посмеявшись с ним вместе. Еще час прошел. В джунглях все было так же тихо и спокойно. Крестьянин опять заскукал.

— Лев! Лев! — стал он кричать снова. Все опять прибежали и опять разошлись, недовольные тем, что он без конца отрывает их от дела.

И вдруг в джунглях раздался рык. Потом на опушке появился Лев.

— Лев! — закричал крестьянин. — Лев! Лев! Лев!

Но в деревне все оставалось спокойно. — Лев! — кричал крестьянин. — Спасите, Лев!

Но дважды обманутые его односельчане не хотели, чтобы над ними смеялись попусту.

И что было дальше с обманщиком, никто не знает.

в Нигерии говорят: «Когда я был еще на маминой спине». И указывают маленьких детей, тоже на спине. Мать пританцовывает, подпрыгивает слегка, убаюкивает маленького сына или дочь, поет ему при этом колыбельную песню:

Я покачаю — кач-кач, ты не плачь.
Отец идет, меду несет, ты не плачь.
Ты не плачь, ты не плачь, стану качать.
Стану качать, ты не плачь, песню спою,
Кто обидел тебя, Расскажи, ты не плачь.
Я покачаю, покачаю тебя. Я покачаю тебя. Спи. Спи.

НЕОБЫЧНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

Рассказ инженера-конструктора О. В. Воронина

Честное слово, любой посторонний человек при виде этой картины был бы удивлен. Такой огромный и важный трактор вел себя странно и непонятно. То быстро тащил по полю плуги, то копал траншею, а потом грузил землю на самосвалы, то начинал перелезать через канавы или вертеться как волчок на одном месте.

Словом, все, что он делал, даже не перечислишь. Он даже стоял на... задних колесах.

А вокруг него толпились судьи. И выставяли за каждое «движение» оценки, как на соревновании тяжелоатлетов.

В тот день оценки были выставлены такие:

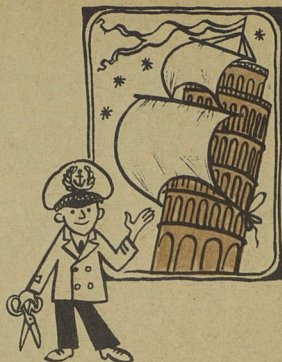
За надежность в работе	— 5
За маневренность	— 5
За производительность труда	— 5
За удобства для водителя	— 5.

Оценками были довольны все. И трактористы-испытатели, и инженеры-конструкторы, и судьи — члены Государственной приемной комиссии трактора К-701.

Но снова и снова просили сидящего в кабине тракториста-испытателя повторить то или иное движение.

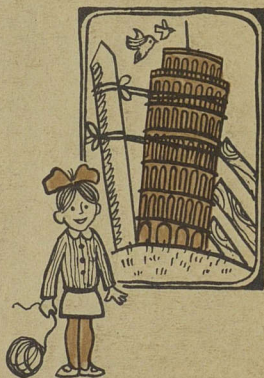
Так продолжается много часов. Так продолжается много суток подряд! Меняются испытатели и судьи, а экзамены продолжаются. По существующему положению К-701 обязан их сдавать 250 дней подряд!

Только после этого рабочие ленинградского Кировского завода приступают к его серийному выпуску. А потом по плану пятилетки он придет на помощь хлеборобам нашей страны. Потом — это значит осенью этого года.

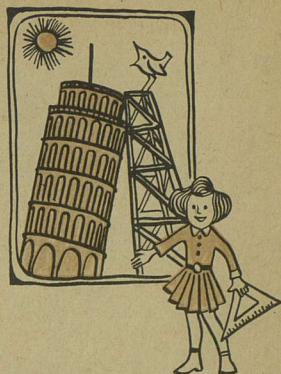

СТОП, ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ

Рисунки А. Орлова

Семьсот лет падает Пизанская башня, и наклон ее становится все больше и больше. Как спасти знаменитую итальянскую кампаниллу? На этот вопрос пока не могут ответить лучшие инженеры-строители.

В прошлом году, в седьмом номере журнала, мы объявили конкурс «Удержите падающую башню!» и получили много писем с проектами и предложениями.

Галя Лашук (Иркутская область), Саша Семенов (г. Белгород), Юра Неузедов (г. Чекино), Вася Бапров (поселок Куйта) и другие ребята считают: главное — прочно закрепить фундамент, тогда башня не упадет. И предлагают это сделать самыми различными способами: «заковать фундамент в металлическое кольцо», «подложить под него бетонную плиту», «удержать с помощью домкратов или электромагнитов». А сахалинец Вова Горьков предлагает заморозить грунт вокруг фундамента жидким гелием.

Можно ли считать эти реше-

ния удачными? Нет! Почему? Да потому, что наземная часть башни осталась без поддержки!

С этой точки зрения проекты Гали Федорочевой (село Щегловка, Липецкая обл.) и Веры Соколовой (Челябинская обл.) не вызывают возражения. Галя предлагает построить поддерживающую колонну такой же высоты, что и сама башня. А Вера советует установить три подпорки из стальных балок и еще железобетонный столб, к которому привязать башню крепкими канатами.

Что же получится? Лес балок, а башни не видно...

Нельзя согласиться и с Колей Жовтюком (г. Черкассы), который утверждает: «Чтобы она не упала, ее надо зарыть в землю».

Но самые фантастические проекты у Бакута Избасарова (Киргизия) и Юры Столярова (ст. Бурла Алтайского края).

Бакут пришел к выводу: «внутри башни нужно вырастить баобаб. Баобаб удержит башню корнями и своим ство-

лом. А верхушку, когда он будет большой, легко спилить».

А Юра разработал систему парусов, которая, по его мнению, сумеет удержать башню при помощи силы ветра.

Если бы проекты этих ребят было возможно осуществить, поток туристов в город Пизу сразу бы значительно увеличился.

А теперь о победителях конкурса.

Ими стали: хабаровский школьник **Саша Андрияшин** и **Витя Масляненко** из города Горький.

Их идея — поместить внутри башни железобетонный стакан и связать его натянутыми тросами с фундаментом — заинтересовала специалистов одного ленинградского проектного института.

В институте сказали: «Аналогичное решение уже было осуществлено при сооружении Останкинской башни, но мысли ребят очень интересны и могут пригодиться в строительстве».

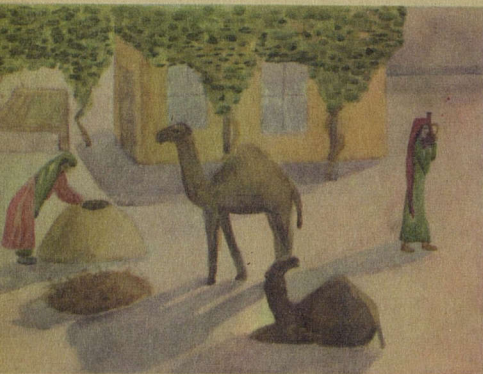
Жюри

**„ТУРКМЕНСКИЙ
ТАНЕЦ“**
Шекер
Бабаева, 11 лет

**ПОГОВОРИМ
О ТВОЕМ
РИСУНКЕ**

РИСУЮТ ТУРКМЕНСКИЕ РЕБЯТА

В старой туркменской сказке говорится, что, когда бог делил землю, туркмены пришли первыми. Земли получили много... Когда бог солнце делил, — опять были первыми, а вот за водой опоздали, — и вода в Туркмении на вес золота.

Тем, кто придумал эту историю, сегодняшняя Туркмения показалась бы сказочной: люди наполнили пустыню голубой водой Каракумского канала. Там теперь зеленеют хлопковые поля, цветут сады, в небе парят... чайки. Чайки в пустыне, орошенной каналом!

На выставке детского рисунка в Ашхабаде я понял, каким интересным будет мое путешествие по Туркмении, — так живописно рассказали ребята о своем крае, о людях республики.

Одно из главных богатств Туркмении — нефть. Шаммухаммет Атакаев не раз видел, как работают люди на нефтяных промыслах, как четкие силуэты нефтяных

„ДВОРИК“
Вова Гусачев, 12 лет

„НА ПАСТБИЩЕ“
Какагельды Мамиев, 15 лет

„ТАБУН“
Андрей Дарзишек, 13 лет

вышек ритмично разрезают бескрайние пески. Рисунок у него получился динамичным, выразительным.

...Тяжелой была жизнь чабанов до революции, на долгие месяцы уходили они со стадами в степь. Жили одиноко, оторванно от цивилизации.

Какагельды Мамиев изобразил жизнь чабанов сегодня. Залита солнцем степь, пасется отара овец, чабаны читают газеты. Наверное, недавно приехал колхозный почтальон.

Радостную и солнечную картину нарисовал Какаджан и назвал ее «На пастбище».

Ощущение вечерней прохлады и покоя передает рисунок «Отдых». Его автор — Ляледхан Бябиева.

...Колхозники в меховых шапках-тюльпеках, которые защищают от солнца лучше всех зонтов, пьют зеленый чай. Музыканты играют на дутарах. Красивы, нарядны платья женщин-туркменок.

А вот прямо во дворе домика, увитого виноградом, лениво лежат верблюды. Ловко прилепляя лепешки к раскаленным стенкам глиняной печи — тандыра, туркменка печет хлеб. Несколько минут — и готовы душистые, аппетитные чуреки.

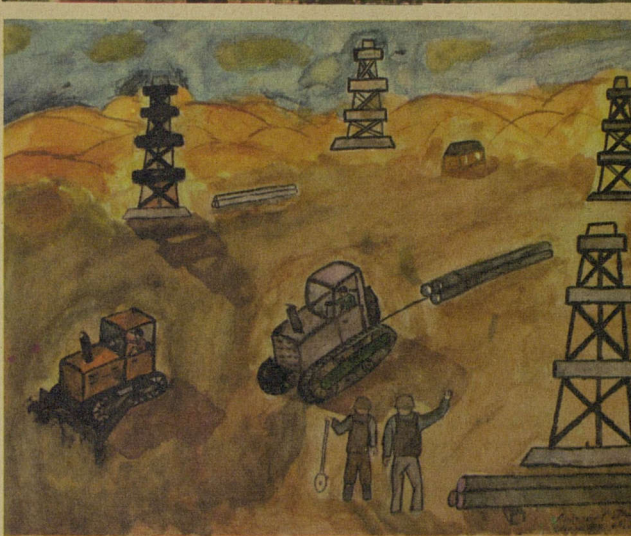
Эту сцену, характерную для Туркмении, я впервые увидел на рисунке Володи Гусачева.

В гостях у чабанов, у строителей канала, у хлопкоробов побывал я во время поездки по республике. Видел, как растет хлопок, как на фоне задумчивого Копет-Дага пасутся знаменитые кони — ахалтекинцы. И каждый раз с благодарностью вспоминал я юных художников, которые познакомили меня со своими родными краями.

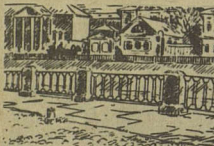
М. Беломлинский

„НЕФТЕПРОМЫСЛЫ“
Шаммухаммет Атакаев, 13 лет

„ПРАЗДНИК“
Ляледхан Бябиева, 15 лет

ЧТО ХРАНИЛОСЬ В СТАРОМ ЧЕМОДАНЕ

История эта случилась без малого сто пятьдесят лет назад. Одним из ее участников стал гимназист Гоголь — будущий великий русский писатель. Но узнать о событиях в городе Нежине удалось лишь сто двадцать лет спустя.

...В то морозное январское утро 1830 года граф Бенкендорф был не в духе. Настроение начальнику Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии испортило письмо без подписи, присланное на его имя.

— И это всего лишь через пять лет после разгрома восстания на Сенатской площади! — возмущенно перебирал убористо исписанные листки шеф жандармов. — И в Нежине — очаг вольнодумства! Какой-то профессор Белоусов смеет говорить о самом государе: «Если царь подл, то его устранить позволено!»...

Надо было действовать решительно. Разбрызгивая чернила, он написал приказ о немедленном расследовании.

Приказ всевышнего царского советника вскоре читал министр просвещения Ливен. Поспешно стал искать надежного чиновника для обследования нежинской гимназии высших наук. Выбор пал на действительного статского советника Эммануила Адеркаса.

— Поезжайте немедля, — поучал Ливен почтительно склонившегося подчиненного. — Гимназия готовит юношество на службу государеву. Примите все меры — зло надо пресечь...

Торопя перепуганных зрителей, меняя лошадей на подставах, Адеркас поскакал в Нежин. Не щадя себя, три месяца искал он крамолу. Внимательно перечитывал уйму докладных и справок, лично допрашивал профессоров и воспитанников.

Автор доноса, профессор той же гимназии Билевич, с нетерпением ждал результатов.

— Бенкендорф либеральничать не будет, — злорадствовал Билевич. — Не потерпит вольнодумцев вроде профессора Белоусова, да и его защитников, пусть и гимназистов. Того же Гоголя-Яновского... Вишь ты, альманах богомерзкий выпускает, в театре пьески разные играть принялся. Покажут вам альманахи да театры...

Адеркас внимательно читал все прежние доносы и жалобы Билевича. Дело оказывалось нешуточным. Гимназисты открыто насмехались над неграмотностью профессоров. В гимназии выпускали журнал «Северная заря», знали Вольтера и Рылеева. И это в учебном заведении, куда принимали избранных...

С полным чемоданом документов прибыл Адеркас в Петербург. Царь жестоко расправился с нежинскими вольнодумцами. Правда, Гоголя в Нежине уже не было — он окончил гимназию двумя годами раньше.

А потом исчез чемодан Адеркаса. Искали его многие. И только в 1950 году это удалось ученому и писателю С. Машинскому. О своем долгом поиске, о том, как отразилось «дело о вольнодумстве» на всем творчестве Н. В. Гоголя, написал С. Машинский в книге «Чемодан Адеркаса», выпущенной издательством «Детская литература» в 1974 году.

С. Евгеньев

Пошел сосед жаловаться судье. Вызвал судья бедняка и говорит:

— Как ты смел украсть теленка?!

— Я не крал, господин судья, его мне птичка принесла.

— Да ты в уме? Хотел бы я посмотреть на птичку, которая принесла теленка!

— К сожалению, не могу вам ее показать, почтенный судья, — говорит крестьянин, — птичку кот поймал. Тот самый кот, который сожрал мой топор. Он такой шкода, хоть у соседа спросите!

КТО ПОЛУЧИЛ СКАЗКИ ПУШКИНА

Конечно, те, кто раньше других и лучше других ответили на вопросы Уголька — прислали подписи к иллюстрациям художника Бориса Семенова.

Итак, лучшими знатоками сказок А. С. Пушкина оказались Лена Иванова из города Медногорска Оренбургской области и Алеша Смирнов из поселка Красногвардейский Свердловской области.

Очень красивые издания сказок Пушкина посылает им Уголек.

Материалы на всех остальных страничках этого номера подготовлены друзьями Уголька из армянского журнала „Цицпнак“. Рисунки Карена Симбатяна. Пересказал А. Лосев.

8

УМЕРШАЯ СОВЕСТЬ

НАРОДНАЯ СКАЗКА

Богач взял к себе в услужение бедняка сроком на один год.

— Господин, — спросил новоиспеченный слуга, — а сколько ты мне заплатишь после года службы?

— По совести. Сколько совесть подскажет, — ответил богач.

Вот год проходит, и, согласно договору, слуга собирается воссояси. Вынул хозяин кошелёк и протянул слуге несколько монет.

КТО ПОДСКАЗАЛ?

— Сейчас на санках ты скользяишь там, где ходил пешком вчера. Кто подсказал тебе, малыш, что санки вытащить пора?

— Мне подсказали облака, синичка-недотрога, замёрзшая за ночь река, застывшая дорога, мохнатый пёс-холодный нос, в ведре с водой льдинка, за щёки циплюющий мороз, пушистая снежинка...

Саркис Хараян

— Господин мой, — закричал слуга, — с этими грошами как я вернусь домой, что скажу жене и детям?!

— А мне что за дело, — равнодушно ответил богач, и, понуриив голову, пошел бедняк прочь.

А в этом городе на площади висел большой колокол. Когда кто-нибудь умирал, родственники умершего били в колокол, чтобы известить всех о печальном событии.

Вышел бедняк на площадь и давай бить в колокол. Собрались люди.

— Кто умер? — спрашивают.

— Мой хозяин, — отвечает слуга.

— Да вот же он, — кричат со всех сторон, — жив-здоров, сюда идет.

— Это не он, — отвечает слуга, — а его оболочка. Раз совесть умерла, значит, и человека совсем нет!

НЕРЯХА ГРАЙР

Есть такой вопрос у Грайра:
где ночует рыба сайра?
где, в какой постели, спит
крутолобый дядя кит?
на какой диван прилег
задремавший осьминог?
Объясняет Грайру мама,
что, в отличие от ребят,
под водою, в море прямо,
жители морские спят.

— Эх, хотелось бы и мне
ночевать на гладком дне!
Там приятная прохлада—
раздеваться там не надо,
там не надо одеваться,
и, к тому ж, кругом вода—
это значит, умываться
там не надо никогда!

Гурген Габриелян

КОТ, КОТОРЫЙ СЪЕЛ ТОПОР

НАРОДНАЯ СКАЗКА

Всего-то и было у бедного крестьянина, что один-единственный топор. Уезжая в дальнюю дорогу, он отдал топор на хранение своему соседу. Через некоторое время возвращается бедняк домой и идет за топором.

— Ну, братец,— говорит,— верни мне мой топор.

— Не могу,— отвечает сосед,— его кот съел. Как кот может топор съесть?! — удивился крестьянин. Но как ни умолял, как ни угваривал богача, тот не отдал ему топора.

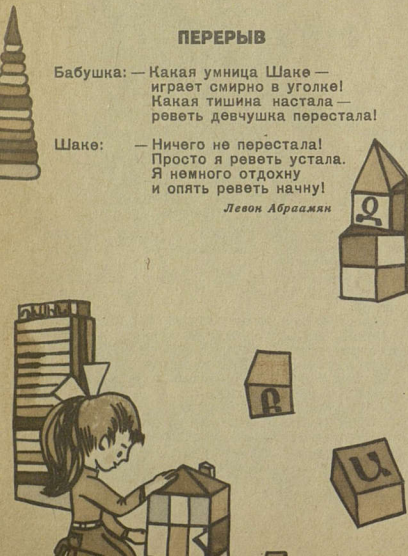
Тогда бедняк тайком утащил у соседа теленка и спрятал в своем домике.

ПЕРЕРЫВ

Бабушка: — Какая умища Шаке —
играет смирно в уголке!
Какая тишина настала —
реветь девушка перестала!

Шаке: — Ничего не перестала!
Просто я реветь устала.
Я немного отдохну
и опять реветь начну!

Левон Абрамян

ЧТО ЗА ПТИЦА

Плечет Тома:

— Что за птица
по двору за мною мчится?
Это, может быть, орел
с гор
во двор
ко мне забрел?!
Значит, ноги уноси!
Где ты, бабушка? Спаси!
А за ней „орел“ пешком,
потрясая гребешком.
Он с насеста соскочил
и кудахчет что есть сил:
— Ты куда, куда, куда?
Это горе—ерунда,
Ты не плачь,
ты не плачь!
Ты не прячь,
ты не прячь,
не прячь свое ты личико—
вот тебе яичко!

Липарит Саркисян

Ю. Барский

Рисунки Г. Ясинского

Останется ли на троне шахматного королевства Роберт Фишер или взойдет на него Анатолий Карпов? Об этом говорят, пишут, спорят... А шахмат-адмирал Ферзьбери еще в ноябре провел прессконференцию... Итак: вопросы и ответы.

Коля Сенцов: — Когда шахматисты начали выявлять сильнейшего в мире?

Ферзьбери: — Первый международный турнир состоялся в 1851 году в Лондоне. Победил немец Адольф Андерсен, учитель математики. Его стремительные и рискованные атаки и комбинации восхищали современников, а две его наиболее яркие партии названы «вечнозеленой» и «бессмертной». И все же через 7 лет Андерсен потерпел поражение в матче с Полем Морфи, «гениальным Морфи», как часто зовут этого американца, промелькнувшего метеором на шахматном небосклоне.

Петя Никулин: — Значит, они были первыми чемпионами мира?

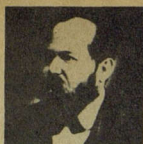
Ферзьбери: — Нет! Сильнейшими — да, а чемпионами мира не были. Ведь такое звание официально установили лишь в 1886 году. Первым его завоевал уроженец Праги Вильгельм Стейниц. Новые для того времени идеи и игра Стейница казались странными, и поэтому многие считали, что победил он случайно. Стейниц изобрел новый метод игры, метод накапливания мелких позиционных выгод и превращения их в основательное преимущество. Этим он обогатил шахматное искусство. Стейниц также доказал, что партия проигрывается не случайно и не потому, что выигравший играл гениально. Ошибка проигравшего, порой совсем незаметная, — вот причина любого поражения. Научись не ошибаться — и ты никому не проиграешь!

Андрей Ставский: —

Стейниц — первый чемпион мира, Фишер — одиннадцатый. А кто между ними?

Ферзьбери: — Сейчас скажу. Стейница в 1894 году сменил представитель Германии Эммануил Ласкер. Долгие всех других — 27 лет! — царствовал в шахматном государстве этот замечательный боец, сохранявший хладнокровие в самые критические моменты борьбы. «Ласкер может потерять ту или другую партию, но голову он никогда не теряет!» — говорили его современники. И все-таки Ласкер был победен.

Кубинец Хозе Рауль Капабланка-и-Граупера — вот кто в 1921 году стал следующим чемпионом. Капабланка обладал поразительной интуицией, шахматным чутьем. Однажды гроссмейстеры анализировали одно сложное окончание. Несколько часов искали они путь к победе белых, пробовали и так и этак — не получалось!

Стейниц

Ласкер

Капабланка

Алехин

Зяев

Мимо прошел Капабланка, и они спросили его: «Как вы оцениваете эту позицию?» Бросив мимолетный взгляд на доску, он тут же сказал: «Если удастся перевести на это поле белого короля и разменять коней, черные могут спокойно сдать-ся». Рецепт оказался точным!

Если Стейниц был в шахматах мыслителем, Ласкер — борцом, Капабланка — виртуозным техником, то четвертый по счету чемпион — русский шахматист **Александр Алехин** являлся непревзойденным шахматным художником. «Для меня шахматы не игра, а искусство», — писал он. Отбрав у Капабланки вышедший титул в 1927 году, Алехин спустя восемь лет неожиданно для всех проигрывает матч голландцу **Максу Эйве**. Как? Почему? Это выяснилось позже: к поражению Алехина привели недооценка противника, недостаточная подготовка, несоблюдение спортивного режима — курение и даже злоупотребление алкоголем. Учтя все это и проявив огромную волю, Алехин через два года в матче-реванше вернул утраченную шахматную корону и впоследствии шутил: «Я просто дал ее Эйве на два года взаймы».

Внезапная смерть Алехина — от разрыва сердца — привела к тому, что в 1946 году шахматный мир остался без чемпиона. Тогда пятеро лучших гроссмейстеров разыграли этот титул в турнире. Победил в нем **Михаил Ботвинник**. Способность к глубокой самокритике и в то же время вера в свои силы, постоянный творческий поиск нового, воля к победе — вот черты шестого чемпиона мира.

С этого времени долгие годы шахматной короной владели только советские шахматисты. Седьмым чемпионом стал Ва-

сий Смыслов, игра которого отличается удивительной ясностью и логичностью. «Ну, конечно! И я бы точно так сыграл!» — невольно восклицаешь, когда смотришь его партии. А сядешь за доску — все получается совсем иначе...

Восьмым вошел в славную шеренгу **Михаил Таль** — шахматный кудесник, допускавший в игре такую долю риска, на какую не отважился ни один из других гроссмейстеров.

Девятым стал **Тигран Петросян**. Железный Тигран прозвали его, и еще — Непробиваемый. Этим подчеркивали, что Петросян так строит свою игру, что выиграть партию у него чрезвычайно трудно.

Но непобедимых нет и не будет. «Ключ» к Петросяну подобрал **Борис Спасский** — шахматист, обладающий чрезвычайно гармоничным стилем игры, равно сильный и в атаке и в защите, в положениях простых и в сложных. Он был чемпионом до 1972 года, когда уступил звание американцу **Роберту Фишеру**.

Теперь ты знаешь имена всех, кого увенчивали лавровым венком чемпиона мира по шахматам. Так?

Андрей Ставский: — Да, но я еще хотел спросить, как такие соревнования проводятся.

Ферзьбери: — Сначала ведется отбор в турнирах, а последний этап — матч, то есть единоборство, «дуэль» чемпио-на с претендентом. Однако до смерти Алехина титул являлся как бы собственностью чемпиона, который сам мог избрать противника, а от тех, кого считал для себя наиболее опасным, порой отгораживался финансовым барьером. Посылаешь ты, к примеру, чемпиону вызов и получаешь ответ: «Хорошо. Играть матч согласен,

но при условии, что будет обеспечена такой-то призовой фонд». И называлась огромная сумма, достать которую ты не в состоянии. Справедливо? Нет, конечно! Разве деньги должны играть роль при определении сильнейшего на Земле шахматиста?!

Этот порядок (вернее, беспорядок!) изменился, когда в 1947 году в ФИДЕ — Международную шахматную федерацию — вступили советские шахматисты. Была выработана стройная система розыгрыша первенства мира: чемпион обязан отстаивать свое звание раз в три года, а противник должен подбираться не по принципу «денежного мешка», а спортивным путем — в итоге отборочных состязаний.

Валерий Гардер: — А кто имеет право включиться в отборочные состязания?

Ферзьбери: — Каждый шахматист.

Валерий Гардер: — И я, значит?

Ферзьбери: — А почему бы нет? Только, прежде чем сражаться в трехгодичном цикле, нужно преодолеть множество предварительных ступенек. Я расскажу, как выполнил это нынешний претендент.

Толя Карпов познакомился с шахматами рано: уже в пять лет он по всем правилам передвигал по доске фигуры, а учась в первом классе, получил третий разряд. И это было начальной ступенькой его пути. Толя стал посещать шахматный кружок в Доме пионеров Златоуста, изучал теорию, очень вдумчиво играл свои партии, а по окончании всегда старался выявить все допущенные им и противником ошибки, разбирал опубликованные партии сильных шахматистов. Результат оказался быстро — Толя поднялся на следующую

Ботвинник

Смыслов

Таль

Петросян

Спасский

ступеньку, получил второй разряд, затем еще на одну — получил первый. Из способного мальчика обратили внимание, направили в Москву.

«Лет пять назад, — вспоминал в 1968 году Ботвинник, — прибыл с периферии на мои занятия хрупкий паренек, Толя Карпов. Лет ему тогда было от роду 12, играл он слабо. В сеансе с часами я зевнул ему ферзя, и тем не менее партия закончилась ничью. Сейчас Анатолий — опытный шахматный боец. Умный спортсмен, он всегда знает, когда надо играть на выигрыш, а когда — сделать быструю ничью. И заслуживает удивления и признания, что 17-летний мастер умело применяет спортивную тактику, свойственную лишь зрелым гроссмейстерам.

Получится ли из Карпова крупный гроссмейстер? Это выяснится в ближайшие 3—4 года. Быть может, да. Силу шахматного бойца определяют четыре качества: талант, характер, здоровье и специальная подготовка. Мне кажется, что Толя удовлетворяет всему этому комплексу «четырех условий». Правда, ему еще необходима физическая закалка».

Ботвинник не ошибся. Серьезное отношение Анатолия к шахматам выработало в нем замечательное чутье — интуицию, и, обладая ею, словно с помощью талисмана, Карпов стал стремительно преодолевать новые ступеньки. В 18 — он чемпион мира среди юношей. Еще через год завоевывал звание гроссмейстера. Добивается блестящих успехов в международных турнирах. И, наконец, преодолевает последний «пролет» шахматной лестницы — цикл борьбы за чемпионский титул. В этот трехгодичный цикл входят: а) зональные турниры (для шахмати-

стов нашей страны это первенство СССР); б) межзональные турниры (где встречаются победители зон); в) состязание претендентов в матчах.

В первенстве СССР Анатолий стал серебряным призером. В межзональном турнире, не потерпев ни единого поражения, поделил 1 и 2 места. И в заключение, разбил в матчах одного за другим таких гигантов шахмат, как Лев Полугаевский, Борис Спасский, Виктор Корчной. Перед ним, 23-летним студентом Ленинградского университета, открылся семафор к встрече с чемпионом мира Робертом Фишером.

Коля Терской: — Вот это лестница! И, наверно, чем выше собираешься, тем труднее?

Ферзьберн: — Разумеется. Возьмем финальный матч Карпова с Корчным, я наблюдал его. Труднейшее соревнование. Одна подготовка чего стоит! Нужно быть в курсе всех дебютных новинок, а их несметное число. Нужно в совершенстве изучить игру соперника: выявить его излюбленные начала и постараться найти в них «трещинки»; определить, какие схемы он разыгрывает лучше, к каким построениям тяготеет, чтобы потом стремиться таких схем и построений не допускать; вскрыть все микронедостатки в его игре и установить позиции, в которых он чувствует себя менее уютно, чем в других. Все это можно узнать, если тщательно разбирать его партии — а их сотни. Из всего надо сделать выводы и наметить, как использовать в матче выявленные факторы. Наконец, нужно самое серьезное внимание уделить собственной физической подготовке: матч требует колоссальной затраты энергии и сил.

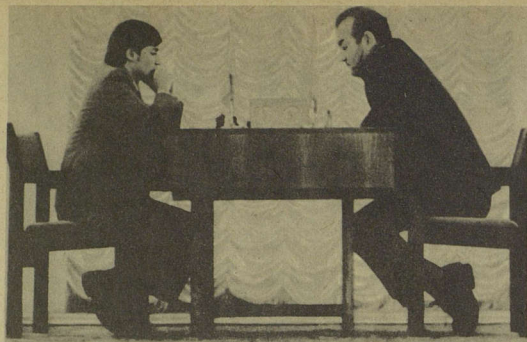
Представь, будто такой матч играешь ты. Сидишь за столи-

ком на ярко освещенной сцене, против тебя твой соперник, а из зала за каждым твоим движением наблюдают сотни зрителей. Но тебе надо забыть об этом и вообще забыть обо всем, совершенно обо всем, кроме разыгрываемой партии. Только на ней нужно сосредоточиться, отдать ей все, что можешь, полностью «выложиться», как говорят спортсмены. Ведь каждый ход ты обязан сделать с наивысшей точностью, потому что допусти хоть небольшой промах, и противник немолодно накажет тебя, заставив произнести ужасно неприятное для шахматистов слово «сдаюсь», всего одно коротенькое слово, но сразу урезающее твои надежды и мечты. Однако и об этом ты не должен сейчас думать, не имеешь права, потому что нужно так предельно сосредоточиться на самой игре, чтобы всякий раз не просто отыскивать лучший ход, но отыскивать его за кратчайшее время. Ведь рядом тикают шахматные часы, суммируя минуты твоего раздумья. А отсужается их тебе 150. И это на 40 ходов. Не успел — поражение. Итак, за два с половиной часа — 40 ходов, но не каких попало, а обязательно самых лучших, и это очень трудно и держит тебя в сильнейшем напряжении, а потому — сиди как прикованный, зажми руками уши, чтобы не отвлекал тебя шум, и думай, думай, думай...

Миша Буреев: — Расскажите, пожалуйста, о Фишере.

Ферзьберн: — Шестилетнего Бобби научила играть его старшая сестра Джоан, и с этого времени ничто, кроме шахмат, не интересовало мальчика. Зато за доской он готов был просиживать с раннего утра до позднего вечера. С партнером ли, один ли — все равно. Пере-

Во время матча А. Карпов и В. Корчной

ставить эти причудливые деревянные фигурки, постигать тайны их взаимодействия доставляло Бобби невыразимое удовольствие. Его шахматный талант созрел быстро, быстро нарастала и сила. В тринадцать лет он уже стал чемпионом США! Из-за шахмат он с шестого класса бросает школу. Но ради тех же шахмат самостоятельно овладевает русским, испанским и сербохорватским языками, чтобы читать важнейшие шахматные книги и журналы.

Роберт фанатично трудится, изучая теорию и партии лучших шахматистов мира, и в первую очередь советских. И успехи не заставляют себя долго ждать: что ни турнир, то но-

вая победа. Наконец, пробравшись сквозь «отборочное сито», он встречается в 1972 году со Спасским, и чемпионский титул переходит к нему.

Фишер любит применять в шахматных состязаниях ходы далеко не шахматные. Различными заявлениями и поступками еще до начала соревнования Фишер старается «взмутить воду», выбить противника из колен, расстроить его нервную систему, не дать ему подготовиться наилучшим образом. Так он действовал в матче со Спасским, так уже начал действовать и теперь. Судите сами.

Спустя год после матча со Спасским Фишер заявил:

— Я вызываю Спасского на новый матч, хотя и являюсь чемпионом мира, — и выдвинул условие: приз в миллион долларов.

Но ведь высший титул должен разыгрываться по трехгодичной системе ФИДЕ, а не по произволу чемпиона! Выходит, Фишер тянет к хаосу прежних времен? Или заранее старается заронить зерна сомнения и неуверенности в души претендентов, отбирающихся в трехгодичном цикле?

Как ни хотелось Спасскому отравнишироваться за поражение, но он, конечно, отказался от игры в обход установленного порядка.

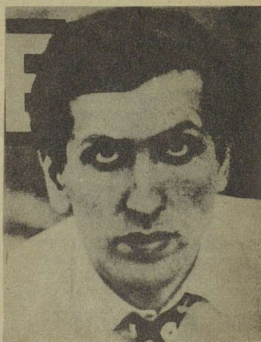
Раньше матчи первенства мира игрались на большинство

очков из 24-х партий. Фишеру удалось настоять (все-таки ФИДЕ к голосу чемпиона прислушивается!) на изменении такого зачета. Было принято его предложение играть финальный матч до шести побед, а ничьи не учитывать. Принято, так, казалось бы, все ясно? Однако нет: спустя некоторое время, в июне 1974 года, Фишер «выстреливает» телеграммой-ультиматумом. Теперь уже он требует, чтобы такой матч игрался до десяти побед, а общее число партий матча не ограничивалось бы. И, угрожая тем, что откажется от встречи с претендентом, выдвигает совсем абсурдный пункт: при счете 9:9 сохранить титул за чемпионом (что предоставило бы Фишеру фору в целых два очка, так как обязало бы претендента выиграть со счетом 10:8). Разве это по-спортивному?

Справедливо? И конгресс ФИДЕ отклоняет этот пункт. Тогда из Америки летит следующая телеграмма. Фишер отказывается от звания чемпиона! Вроде достаточно ясно? А на самом деле ничего не ясно. Ведь заявить об участии в матче Фишер имеет право до 1 апреля, а потому свой «телеграфный ход» еще сможет взять обратно. Вот и гадай: возьмет или не возьмет? А такая обстановка, конечно, мешает подготовке претендента. И не в этом ли цель «нешахматных ходов» Фишера?

Анатолий Карпов

Роберт Фишер

ТУРНИР-75

Что ожидает рыцарей во втором туре?

Шахматистов — две задачи Юрия Селявкина (Воронеж).

А. Белые: Кр15, Фс2, С14, п. г2; черные: Крд4, п. с5.

Б. Белые: Крп8, Фп1, Лаб, Сн2; черные: Кра8, Сс8, пп. а7, б7.

В обеих задачах надо объявить мат в два хода.

Шашки ждут две концовки Сергея Ковалева (Южно-Сахалинск).

А. Белые: с3, д2, е1, ф2, г3, h2; черные: а5, с7, е5, f8, г5, г7, h8.

Б. Белые: с1, с3, е1, е5, f4, г1, h2; черные: а5, б6, с7, д6, г7, h4, h6.

В них белые проводят победную комбинацию. Какую?

ПРОИСШЕСТВИЕ

Знаменитые арчебековцы Знай, Незнай и Полузнай обнаружили совершенно дикого человека. Этот дикий даже не знал, кто начинает и куда идут белые в задачах.

— Начинают всегда белые! Белые всегда идут снизу вверх! — хором воскликнули славные оруженосцы.

— Ура! — вскричал дикий. — Теперь-то чемпионом племени Ингу-Мунгу стану я! — и, радостный, он победил и скрылся в неизвестном направлении.

КОМИТЕТ „ВОПРОС—ОТВЕТ“

В комитет доставлена телеграмма: «Прошу ответить — зачислен ли я в Турнир-75? Коля Буров».

— Ты, Коля, зачислен. И не только ты: зачислены все посылавшие заявку!

В комитет доставлено письмо: «Ферзьбери! Кто победил в прошлогоднем турнире АРЧЕБЕКА? Миша Сланский».

— Эти доблестные рыцари будут названы в «Костре» № 4.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание! Сыграй 25 партий. И напиши мне рапорт о том, как они закончились и что встретилось в них интересное.

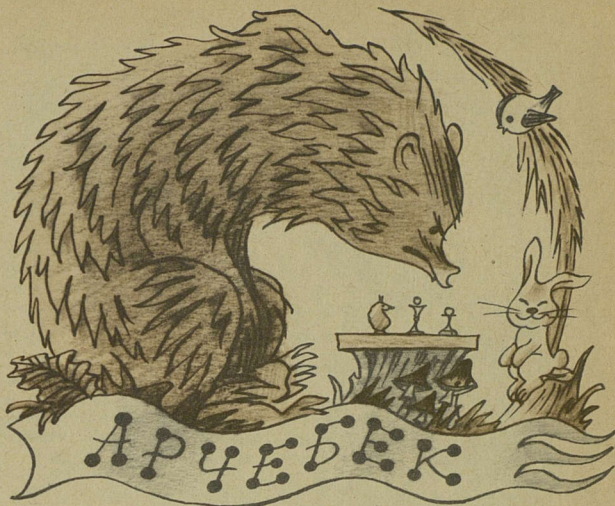
А сейчас я открою тебе важный секрет — ты узнаешь, как расценивается сила фигур:

- а) пешка — единица,
- б) слон или конь — три единицы (то есть три пешки),
- в) ладья — пять пешек,
- г) ферзь — девять пешек.

Кто этого не знает, тот при размене может понести убыток.

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

— Ну, Косой, хоть я и проиграл тебе сегодня пять партий, но тут ты

не выкрутишься, — сказал Медведь и заревел: — Э-э-й, Волк! Э-э-й, Лиса! Скорее сюда: я этого Заячишу побиваю!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 11. Кто сказал что?

Знай: на диаграмме ошибка — девять черных пешек. Если любую убрать, дается мат в один ход. Тренировочная кабина. Воледа: 1. Лh7+! Крh7 2. с4+. Витя: 1. Каb1 Юра: 1. Фd8! Сд4! г3 5. f4 и т. д. Х. № 2 5. еd4! сe3 (если гe3, то 6. cb4X) 6. d4 c5 7. cb4X. № 3 4. fg5! 5. d4! 6. b4X.

«Костер» № 12. В кафе «Проходная пешка». 1. b8K! г5 2. Kd7! Кто? Кто? Кто? Вадим: 1. bc7! 2. е5! 3. f2X. Мальцев: 1. h4! fe5 2. fg5 3. g5 cd4 4. h6! 5. c3 6. g5X. Ковалев: 1. c3! 2. e3 3. d4! 4. d2! 5. b2 6. h4X.

ПРИКАЗ № 2

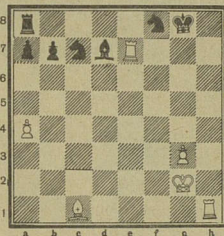
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам прилагать турнирные рапорты (на открытках!) до 1 апреля.

§ 2. В рапорте должны быть только ответы на турнирные задания. Все остальное — вопросы, просьбы, предложения, решения нетурнирных задач и прочее — надо присылать в отдельном письме.

§ 3. В верхнем левом углу открытки-рапорта (а также письма) обязательно указать свой рапорт и пометить — АРЧЕБЕК, приказ № 2, а справа внизу — имя, фамилию, адрес и почтовый индекс.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Заяц же молчал и думал. Потом поднял свою ладью h1:

— Мельницу тебе, Топтыгин, сейчас устрою, — и он поставил ладью на h8. — Шах получай!

— Что ты болтаешь, Косой? Какая еще мельница! Зевнул ладью — так и скажи! — и Медведь взял ладью королем. — Эй, все сюда! У меня уже на два коня больше!

Но, оказывается, Заяц не болтал. Он, и верно, применил комбинацию, которая называется «мельница», забрал почти все фигуры Медведя, а вскоре и мат ему объявил. Как же он сыграл?

В кружке молодых московских вольнодумцев, во главе которого

стояли Герцен и Грановский, все любил шутки неунывающего ученого-философа Кетчера. Часто самые горячие и запутанные споры, изобилующие всевозможными «с одной стороны», «но, с другой стороны», он разрешал простодушным, но метким замечанием:

— Философ не размышляет о том, какая сторона бутерброда намазана. Он знает, что съесть предстоит обе стороны.

СЧЕТ

В молодые годы замечательный американский изобретатель Томас Альва Эдисон подрабатывал как мастер-ремонтник. Однажды его вызвали на завод, где по непонятной причине остановился важный для производства станок. Мастер вытащил из сумки небольшой молоток, внимательно осмотрел станок, два раза ударил молотком, и... станок заработал!

— Пришлите мне счет за ремонт, — сказал, рассыпаясь в благодарностях, владелец завода.

Каково же было удивление заводчика, когда на следующий день посыльный принес счет на дельных сто долларов! Пришлось капиталисту разыскивать Эдисона.

— Послушайте — закричал он, — вы всего два раза ударили молотком и требуете за это сто долларов!

— Совершенно верно, — невозмутимо ответил будущий изобретатель, — два удара молотком по доллару за удар — это два доллара. Остается девяносто восемь долларов. Девяносто восемь долларов за точное знание, где ударить и как ударить.

СОДЕРЖАНИЕ

Красный всадник	очерк Л. Филлимонова рисунки Ю. Кыкова	1
Нежная тундра	путевые записки С. Давыдова рисунки Ю. Лохмачева	5
Рассказы о рядовом Башмакове	Б. Никольского рисунки А. Слепкова	8
Новоселам БАМа	Барабан	13
Цветы на граните	журнал юнкоров фотоочерк Д. Прокопьева	14
Произшествие в Оттербери	повесть С. Дей-Льюиса рисунки С. Острова	20
Поход «Курс — Победа!»	Шла война народная	26
Морская газета	из фронтовых блокнотов поэтов и художников, из сообщений радио и газет	28
Сундучок, в котором что-то стучит	сказка В. Аксенова рисунки М. Беломлинского	30
Кинноклуб	«Писать — все равно что дышать» к юбилею Л. В. Успенского	32
Сказки Нигерии	пересказала И. Токмакова рисунки Л. Токмакова	44
Стоп, падающая башня!	Поговорим о твоём рисунке	46
Библиотека КОСТИ ТЕРкина	Уголёк	52
журнал для малышей	Картина в картинах	54
		56
		57

Главный редактор С. В. Сахар

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (и. о. Л. Н. Пожибаева), Р. П. Погодин, Е. В. Серова, И. И. Сладков, В. В. Ю. А. Юркин (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И.

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-7

М-26485. Слано в набор 5/XI 1974 г. Подписано к печати 30/XII 1974 г. Формат 60×90
Заказ 3551. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном издательстве, полиграфии и книжной торговле, 197101, Ленинград.

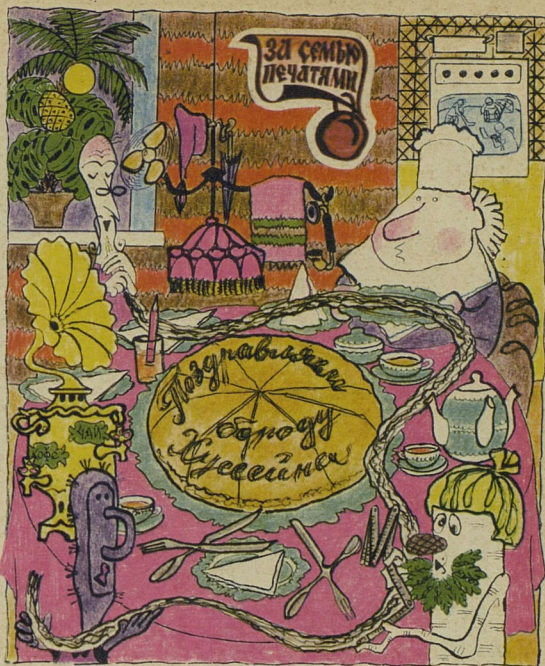
Друзьям, которые интересовались, за какой срок звездочету удалось отратить свою двухметровую бороду, Хуссейн задал такую задачу:

В феврале 1975 года моей бородой исполнится столько лет, какова сумма цифр того года, в котором я начал ее отращивать. Поскольку это событие имело место в нынешнем веке, вам нетрудно будет высчитать с помощью простых уравнений возраст моей бороды.

На именины бороды Хуссейна Гном-Гастроном решил испечь каравай по следующему рецепту из XIX тома сочинений Гнома-Гастронома:

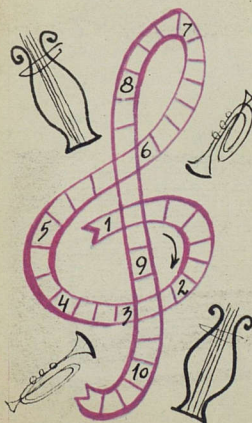
30 г дрожжей развести в 1,5 стаканах молока и поставить на 1 час в теплое место, 0,8 кг муки высыпать на доску холмиком, сделать в нем углубление в виде воронки и налить туда дрожжи с молоком, 2 яйца и 1 яичный белок без желтка, 2 столовых ложки растительного масла, а также насыпать 2 чайных ложки сахарного песка и чайную ложку соли. Все это хорошо перемешать с мукой и замесить тесто. Дать тесту подняться, после чего его обмять и сделать каравай. Смазать каравай желтком от яйца, написать сверху вилкой: «Поздравляем бороду Хуссейна!» и выпечь в умеренно горячей духовке (не более 300 градусов).

Когда каравай был готов, его взвесили и обнаружили, что он весит 1 кг. Демьяша хотел было его разрезать на 4 равные части, но Сиволапыч предупредил, что Хуссейн может потребовать двойную порцию: на себя и на свою бороду. Друзья задумались: каким образом разрезать каравай на наименьшее число кусков разного веса так, чтобы его можно было разделить сразу и на 4 и на 5 равных порций?

На именинах, разумеется, звучала музыка, под которую друзья разгадывали головоломки музыкального характера:

МУЗЫКАЛЬНЫЕ РЕБУСЫ. Автор — Лена Бокша из г. Зеленодольска Татарской АССР.

КРОССВОРД «СКРИПичный Ключ». Автор — Новелла Савицкая, Баку.

мелодии или аккордов. 9. Один из интервалов музыкального звукоряда. 10. Сольный номер в опере и оперетте.

1. Инструмент для настройки. 2. Знак музыкальной грамоты. 3. Смычковый инструмент. 4. Метрические единицы, равные по длительности, на которые делится музыкальное произведение. 5. Первая ступень гаммы. 6. Русский композитор. 7. Танец. 8. Один из приемов исполнения

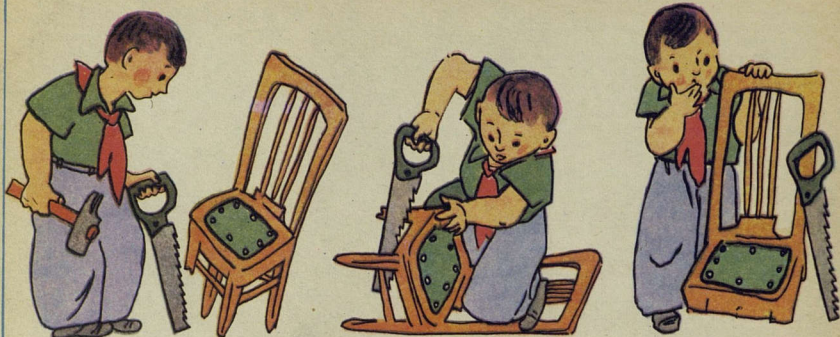
ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 1.

Пример Хуссейна: + 24530
24530
49060

Пословица в кроссворде: «Терпение и труд все перетрут».

**Есть у нас в отряде Коля.
Он ломастер первый в школе.**

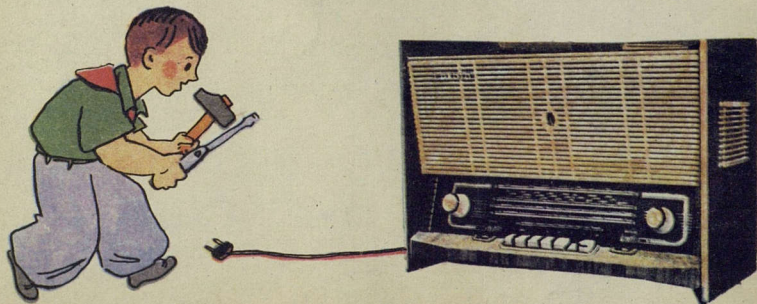
Рисунки М. Мазрухо

**Только к стулу подступился —
Стул на части развалился.**

**Стал чинить велосипед —
Велосипеда больше нет!**

**А что с приемником случится,
Когда к нему он „подключится“?**